

МОСКОВСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
ДУМА

Московская городская Дума
1785-1862гг.

От Екатерины II
до Александра II

Материалы научно-практической конференции

Москва | 2018

Материалы научно-практической конференции

**МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА. 1785-1862 ГГ.
ОТ ЕКАТЕРИНЫ II ДО АЛЕКСАНДРА II**

Москва
2018

УДК 061.3.353.94(470-25)

ББК 63.3(2)5+67.3

М 82

Под общей редакцией депутата Московской городской Думы, председателя комиссии Думы по городскому хозяйству и жилищной политике, кандидата экономических наук, доцента С.В. Орлова.

Московская городская Дума. 1785-1862 гг. От Екатерины II до Александра II: материалы научно-практической конференции. Москва 19 апреля 2018 года. - М., 2018. – 208 с.

В настоящий сборник вошли материалы научно-практической конференции «Московская городская Дума 1785-1862 гг. От Екатерины II до Александра II» в Московской городской Думе 19 апреля 2018 года. Издание рассчитано на историков и других специалистов гуманитарного профиля, а также широкий круг читателей, интересующихся вопросами становления городского управления в городе Москве в конце XVIII – середине XIX века.

Издание Парламентской библиотеки

Московской городской Думы

Тираж: 300 экз.

ISBN 978-5-6040496-1-7

Оглавление

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ А.В. ШАПОШНИКОВА	5
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО С.В.ОРЛОВА	6
СОСТАВ ОРАГНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА ПО ПОДГОТОВКЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ	7
СПИСОК УЧАСТНИКОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	9
МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДО РЕФОРМЫ 1862 ГОДА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ Писарькова Л.Ф.	14
МОСКВА – ПЕРВОПРЕСТОЛЬНАЯ СТОЛИЦА ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. Шевырёв А.П.	43
МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ШЕСТИГЛАСНАЯ ДУМА. ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ФОНДА. Болдина Е.Г.	54
ИСТОРИК АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КИЗЕВЕТТЕР О ПРОБЛЕМАХ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В МОСКВЕ В КОНЦЕ XVIII В. Лачаева М.Ю.	63
ПЕРЕСТРОЙКА УПРАВЛЕНИЯ СТАРОЙ СТОЛИЦЕЙ В ХОДЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЕКАТЕРИНЫ II Черникова Т.В.	70
ОБЩАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА (1786 – 1799 ГГ.) И ЕЕ РОЛЬ В СИСТЕМЕ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Тарасова С.В.	82
ИЗМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II И ПАВЛА I Айдашева Г.А.	88
РАТГАУЗ ВМЕСТО ДУМЫ: ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ МОСКВЫ ПРИ ПАВЛЕ I Брусиловский Н.М.	103
МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА В НИКОЛАЕВСКУЮ ЭПОХУ (1825–1855): ПОРА УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИЛИ ЭРА ПОДГОТОВКИ РЕФОРМ? Полещук К.К.	108
ДОХОДНАЯ ЧАСТЬ БЮДЖЕТА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КОНЦЕ XVIII –	

ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В. Соловьев Я.В.	119
МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА КАК ОРГАН СОСЛОВНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА (1785–1870 гг.) Михеева Ц.Ц.	127
УЧАСТИЕ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ И КУПЕЧЕСТВА В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ЗАВЕДЕНИЙ Быков В.Н.	137
МОСКОВСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В 40-Е ГОДЫ XIX ВЕКА: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОФИИ СТЕПАНОВНЫ ЩЕРБАТОВОЙ Жигальцова Л.В.	148
ОТ ЖАЛОВАННОЙ ГРАМОТЫ ГОРОДАМ К ГОРОДОВОМУ ПОЛОЖЕНИЮ 1870 Г.: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ ГОРОДА Кошман Л.В.	157
ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: МОСКОВСКАЯ ДУМА И РЕФОРМЫ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ (XVIII - НАЧ. XX ВВ.). Медушевский А.Н.	167
МОСКОВСКИЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ГРАФ Ф.В.РОСТОПЧИН. Могилевский Н.А.	184
МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ЗАХОРОНЕНИЯ В.Я.ЖИГАРЕВА В МОСКВЕ Карнаухов С.С.	195
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	203

Дорогие друзья!

В 2018 году Московская городская Дума отмечает свое 25-летие.

Состоявшаяся 19 апреля 2018 года научно-практическая конференция *«Московская городская Дума. 1785-1862 гг. От Екатерины II до Александра II»* открыла серию мероприятий, посвященных юбилею московского парламента.

Отмечать 25 лет Московской городской Думы нового времени невозможно в отрыве от истории московского городского самоуправления, начало которому было положено принятием Грамоты на права и выгоды городам Российской империи.

Если говорить о современной России, то на протяжении четверти века Московская городская Дума ведет активную законотворческую работу, направленную на решение ключевых вопросов городского развития и улучшение качества жизни москвичей. При этом мы, безусловно, опираемся на традиции, которые были заложены нашими предшественниками. Прошедшая конференция предоставила нам уникальную возможность окунуться в историю, узнать много нового о развитии Москвы и московского городского управления в 18-19 веках. Вполне возможно, что какие-то управленческие практики вековой давности можно было бы использовать и сегодня.

До сих пор крайне актуальной остается идея создания единой истории Московской городской Думы на разных этапах ее развития. Уверен, что серия юбилейных конференций станет авторитетной площадкой для информационного обмена и развития сотрудничества между законодателями и научным сообществом. Безусловно, каждая страница Московской Думы имеет свои интересные истории, практики, исторические личности.

Благодарю всех участников конференции и выражаю надежду, что данный сборник статей, составленный по ее итогам, будет полезен всем интересующимся историей нашего города.

*Председатель
Московской городской Думы,
кандидат юридических наук
А.В. Шапошников*

Уважаемые коллеги и читатели!

19 апреля 2018 года в Московском парламентском центре по инициативе депутатов Московской городской Думы состоялась научно-практическая конференция *«Московская городская Дума 1785-1862 гг. От Екатерины II до Александра II»*, участие в которой приняли представители городских властей, учреждений культуры, ведущих вузов столицы, научных учреждений. Эта конференция - первая из серии мероприятий, посвященных 25-летию московского парламента.

Современная история Московской городской Думы неразрывно связана с историей московского городского самоуправления, изучение прошедших периодов его развития позволяет строить сегодняшнюю депутатскую работу на прочном фундаменте традиций служения своему городу. Особое значение в историческом осмыслении опыта управления городским хозяйством приобретают изменения принципов формирования, этапы реформирования роли и функций городской Думы.

Уверен, что сборник докладов конференции, который вы держите сейчас в руках, будет полезен как для научной общественности, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей самоуправления, зарождения культурных и социальных традиций, архитектурного облика Москвы.

Сборник – первое издание из цикла посвященных 25-летию законодательного собрания города Москвы. В планах – выход в свет сборника докладов конференции *«Московская городская Дума. 1862-1917 гг.»*, которая состоится в самом начале ноября 2018 года.

Хочу пожелать всем читателям радости познания и новых открытий.

*Руководитель Организационного
комитета по проведению конференции,
депутат Московской городской Думы,
кандидат экономических наук, доцент
С.В. Орлов*

СОСТАВ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА ПО ПОДГОТОВКЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

1. Орлов Степан Владимирович

Руководитель Организационного комитета – Председатель комиссии Московской городской Думы по городскому хозяйству и жилищной политике, кандидат экономических наук, доцент.

2. Андреев Дмитрий Александрович

Заместитель декана по научной работе исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века - начала XX века.

3. Безбородов Александр Борисович

Ректор Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор.

4. Болдина Елена Григорьевна

Первый заместитель директора – главный хранитель фондов Центрального государственного архива города Москвы.

5. Быков Владимир Николаевич

Директор Центра исследований и изданий по истории Москвы «Владом», кандидат исторических наук.

6. Великанова Ирина Яковлевна

Генеральный директор Государственного центрального музея современной истории России, кандидат политических наук.

7. Гаджиева Альбина Омаровна

Заместитель Руководителя Аппарата Московской городской Думы.

8. Дмитриев Юрий Игоревич

Руководитель Аппарата Московской городской Думы.

9. Зотова Зоя Михайловна

Председатель комиссии Московской городской Думы по экологической политике, доктор исторических наук, профессор.

10. Кондрашев Леонид Викторович

Заместитель руководителя Департамента культурного наследия города Москвы – главный археолог города Москвы, кандидат исторических наук.

11. Коршунов Алексей Владимирович

Проректор Московского государственного института индустрии туризма имени Ю.А. Сенкевича, кандидат социологических наук.

12. Крутов Александр Николаевич

Советник–наставник Мэра Москвы, кандидат технических наук.

13. Молев Антон Ильич

Председатель комиссии Московской городской Думы по образованию, кандидат философских наук.

14. Москвин-Тарханов Михаил Иванович

Советник–наставник Мэра Москвы, заместитель председателя Общественной палаты города Москвы, кандидат юридических наук.

15. Писарькова Любовь Фёдоровна

Главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

16. Портнова Татьяна Арториджевна

Председатель комиссии Московской городской Думы по законодательству, регламенту, правилам и процедурам, кандидат политических наук.

17. Сапрыкина Алина Николаевна

Генеральный директор Музейного объединения «Музей Москвы».

18. Сафронов Андрей Вадимович

Заместитель Руководителя Аппарата Московской городской Думы.

19. Семенников Александр Григорьевич

Председатель комиссии Московской городской Думы по государственному строительству и местному самоуправлению, кандидат юридических наук.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

1. **Агеев Ростислав Евгеньевич** – генеральный директор Центра социальных исследований и маркетинговых технологий.
2. **Адащик Олег Геннадьевич** – директор Природно-исторического парка «Кузьминки-Люблино».
3. **Айдашева Галина Андреевна** – начальник отдела по просветительской работе Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Коломенское-Измайлово-Люблино».
4. **Акифьев Иван Сергеевич** – представитель Молодой гвардии «Единой России».
5. **Андреев Дмитрий Александрович** – заместитель декана по научной работе исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, доцент.
6. **Аникин Никита Владимирович** – главный редактор журнала «Живая история», кандидат исторических наук.
7. **Арабей Владимир Вильевич** – заместитель начальника Управления по связям с органами законодательной и исполнительной власти Правительства Москвы, начальник отдела по взаимодействию с Московской городской Думой.
8. **Белехова Светлана Павловна** – старший научный сотрудник Государственного музея А.С. Пушкина, кандидат филологических наук.
9. **Беляевский Денис Александрович** – Руководитель Аппарата Совета депутатов района Орехово-Борисово Южное.
10. **Болдина Елена Григорьевна** – первый заместитель директора – главный хранитель фондов Центрального государственного архива города Москвы.
11. **Брусиловский Никита Максимович** – обозреватель журнала «Историк».
12. **Быков Владимир Николаевич** – директор Центра исследований и изданий по истории Москвы «Владом», кандидат исторических наук.
13. **Гаджиева Альбина Омаровна** – заместитель Руководителя Аппарата Московской городской Думы.
14. **Грушина Анна Филипповна** – главный редактор «Московского журнала», кандидат исторических наук.
15. **Дворников Денис Владимирович** – член Комитета Торгово-промышленной палаты Российской Федерации по предпринимательству в сфере медиакоммуникаций, кандидат юридических наук.
16. **Дмитриев Юрий Игоревич** – Руководитель Аппарата Московской городской Думы.

17. **Жигальцова Лариса Владиславовна** – доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук.
18. **Зобнина Татьяна Юрьевна** – начальник отдела аналитических исследований Информационно-аналитического управления Аппарата Московской городской Думы, кандидат юридических наук.
19. **Зотова Зоя Михайловна** – Председатель комиссии Московской городской Думы по экологической политике, доктор исторических наук, профессор.
20. **Кабанова Ирина Евгеньевна** – ведущий научный сотрудник Центра поддержки и сопровождения органов местного самоуправления Высшей школы государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук.
21. **Калинина Светлана Геннадьевна** – научный сотрудник научно-исследовательского отдела Государственного историко-архитектурного, художественного и ландшафтного музея-заповедника «Царицыно», кандидат исторических наук.
22. **Карнаухов Сергей Сергеевич** – доцент Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, глава благотворительного фонда им. К.П. Орловского, кандидат юридических наук.
23. **Карпачёва Ирина Анатольевна** – руководитель отдела «История Москвы» Музейного объединения «Музей Москвы».
24. **Кириллов Виктор Васильевич** – директор института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета, кандидат исторических наук, профессор.
25. **Ковалёв Виктор Сергеевич** – Заместитель Председателя Региональной общественной организации «Содействие сохранению наследия Моссовета», кандидат политических наук.
26. **Ковалевский Виталий Фёдорович** – ведущий аналитик Аппарата фракции партии «Единая Россия» Московской городской Думы, доктор философских наук, профессор.
27. **Коптев-Дворников Владимир Евгеньевич** – Сопредседатель Экологической палаты России, кандидат экономических наук.
28. **Костиков Игорь Владимирович** – Председатель Совета защиты прав потребителей финансовых услуг, доктор экономических наук, профессор.
29. **Кошман Лидия Васильевна** – заведующая лаборатории истории культуры исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник.
30. **Крутов Александр Николаевич** – советник-наставник Мэра Москвы, кандидат технических наук.

31. **Крылов – Иодко Ромуальд Ромуальдович** – директор ГБУК города Москвы «Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева», кандидат педагогических наук.
32. **Кувшинова Елена Евгеньевна** – старший преподаватель Московского городского педагогического университета.
33. **Кузнецов Владимир Борисович** – заведующий сектором «История Москвы» Музейного объединения «Музей Москвы».
34. **Лачаева Марина Юрьевна** – заведующая кафедрой истории России Московского городского педагогического университета, доктор исторических наук, профессор.
35. **Малышева Ольга Геральдовна** – профессор Московского городского педагогического университета, доктор исторических наук.
36. **Медушевский Андрей Николаевич** – ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор философских наук.
37. **Мешков Петр Яковлевич** – доцент Российского государственного социального университета, кандидат философских наук.
38. **Михеева Цыбик Цырендоржиевна** – доцент Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук.
39. **Москвин-Тарханов Михаил Иванович** – Советник-наставник Мэра Москвы, заместитель председателя Общественной палаты города Москвы, кандидат юридических наук.
40. **Мудрова Наталья Владимировна** – старший научный сотрудник Музейного объединения «Музей Москвы».
41. **Николаева Мария Николаевна** – старший научный сотрудник ГБУК города Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы».
42. **Орлов Степан Владимирович** – Председатель комиссии Московской городской Думы по городскому хозяйству и жилищной политике, кандидат экономических наук, доцент.
43. **Орчакова Лариса Геннадиевна** – профессор Московского городского педагогического университета, доктор исторических наук,
44. **Петров Вадим Олегович** – генеральный директор АНО «Институт социальных теорий, экологии и искусства».
45. **Пивовар Ефим Иосифович** – Президент Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор.
46. **Писарькова Любовь Федоровна** – главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук.
47. **Погодин Александр Владимирович** – методист по научно-просветительской работе экскурсионно-просветительского отдела Музея В.А. Тропинина.

48. **Полещук Константин Константинович** – старший научный сотрудник Музейного объединения «Музей Москвы», кандидат исторических наук.
49. **Попов Родион Владимирович** – член Молодежной палаты при Московской городской Думе.
50. **Рыбаков Сергей Петрович** – доцент Московского государственного института международных отношений, кандидат исторических наук.
51. **Сапрыкина Алина Николаевна** – генеральный директор Музейного объединения «Музей Москвы».
52. **Святенко Инна Юрьевна** – председатель комиссии Московской городской Думы по безопасности, доктор технических наук.
53. **Семёнов Владимир Олегович** – директор Библиотеки искусств им. А.П. Боголюбова.
54. **Смолякова Виктория Петровна** – заместитель начальника отдела общественных связей Управления по связям с общественностью и СМИ Аппарата Московской городской Думы.
55. **Собина Владимир Абрамович** – ректор Московского государственного института индустрии туризма имени Ю.А. Сенкевича, доктор педагогических наук, профессор.
56. **Соловьев Ян Валерьевич** – доцент Московского государственного областного университета, кандидат исторических наук.
57. **Сотин Александр Борисович** – руководитель музея «Старый Английский двор» – филиала Музейного объединения «Музей Москвы».
58. **Стебенкова Людмила Васильевна** – председатель комиссии Московской городской Думы по здравоохранению и охране общественного здоровья.
59. **Субботин Денис Сергеевич** – консультант Управления по связям с органами законодательной и исполнительной власти Правительства Москвы.
60. **Таран Антон Юрьевич** – начальник Информационно-аналитического управления Аппарата Московской городской Думы.
61. **Тарасова Светлана Владимировна** – профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы, доктор исторических наук.
62. **Токарева Елена Анатольевна** – заместитель директора по учебно-методической работе и качеству образования Московского городского педагогического университета, кандидат исторических наук, профессор.
63. **Черникова Татьяна Васильевна** – профессор Московского государственного института международных отношений, доктор исторических наук
64. **Шапошников Алексей Валерьевич** – Председатель Московской городской Думы, кандидат юридических наук.

65. **Шевырёв Александр Павлович** – доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук.

66. **Щегорцов Валерий Александрович** – проректор по науке и международному сотрудничеству Московского государственного института индустрии туризма имени Ю.А. Сенкевича, доктор философских наук, профессор.

МОСКОВСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДО РЕФОРМЫ 1862 ГОДА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ

Писарькова Л.Ф.

Институт российской истории РАН

В статье рассмотрен процесс становления общественного управления города Москвы в XVIII – первой половине XIX в.; охарактеризованы его основные этапы, связанные с периодом деятельности Бурмистерской палаты (Ратуши), Магистрата, Ратгауза, Общей и Шестигласной городских дум. Изменения в управлении и финансовом положении первопрестольной столицы рассмотрены в контексте городской политики правительства и действовавшего законодательства. Широкие хронологические рамки исследования позволили прийти к следующим выводам: 1) на протяжении XVIII – первой половины XIX в. городские выборные учреждения находились в ведении торгово-промышленных слоев населения, которые относились к выборной службе, как к повинности; престижной считалась только должность городского головы; 2) в силу слабого экономического развития русских городов, включая столицы, их бюджеты формировались путем передачи городам части общегосударственных доходов, а благоустройство осуществлялось за счет ассигнований из государственной казны. Финансовая зависимость выборных учреждений от администрации ставила их под жесткий контроль со стороны различных министерств и ведомств, которые распоряжались скудными городскими бюджетами, возлагая на них содержание общегосударственных структур и учреждений.

Ключевые слова: Магистрат, Общая дума, Шестигласная дума, Ратгауз, купеческая гильдия, гласные, городские финансы, городские головы, законодательство.

MOSCOW CITY PUBLIC ADMINISTRATION BEFORE THE REFORM OF 1862: HISTORICAL MILESTONES.

Pisarkova L.F.

Institute of Russian history RAS

The article traces the process of the formation of public administration of the city of Moscow in the XVIII - first half of the XIX century; the main stages of it are connected with the period of activity of the Burmister's Chamber (Town Hall), the Magistrate, Ratgauz, the General Duma and Six-membered Duma. Changes in the management and financial situation of the capital were

considered in the context of the city government policy and the current legislation. Wide chronological scope of the study allowed to come to the following conclusions:

1) during the XVIII - first half of the XIX century city elective bodies were under the jurisdiction of the commercial and industrial strata of the population, who treated the elective service as an obligation. Only the post of mayor was considered prestigious;

2) due to the weak economic development of Russian cities, including the capital, their budgets were formed by transferring to the city a part of the total state revenues, and landscaping was carried out at the expense of appropriations from the state treasury.

The financial dependence of elective bodies on the administration placed them under strict control by various ministries and departments that managed scarce city budgets, assigning to them the content of state structures and institutions.

Keywords: magistrate, general дума, six-membered дума, Rathaus, merchant guild, vowels, city finances, city heads, legislation.

1. Особенности общественной службы в России. На протяжении всей истории Российского государства в местном управлении в той или иной степени участвовали выборные люди. Как писал известный историк А.А. Кизеветтер, «земская самодеятельность составляла неотъемлемую, необходимую стихию административного быта России»¹. Действительно, для огромной слабо населенной России выборная служба имела большее значение, чем для стран Западной Европы, так как в связи с малочисленностью административного аппарата являлась необходимым условием существования государства. Деятельность территориальных и сословных «миров» дополняла, а часто и заменяла правительственные учреждения. Помимо «мирских дел», они несли «государевы» службы: ловили и судили разбойников, исполняли ямскую и прочие повинности, а главное, в руках присяжных голов и целовальников находилось все финансовое управление. Широкое распространение выборного начала, не ограниченного пределами общинных и посадских интересов, дает основание отнести Россию к числу стран, имеющих глубокие демократические традиции.

Однако в связи с историко-географическими особенностями развития государства, общественная самодеятельность в России получила специфические черты, несвойственные странам Западной Европы. Во-первых, выборные люди были необходимой составляющей

---

¹ Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России. IX – XIX ст. Исторический очерк. Пг., 1917. С. 40.

государственного управления России и даже при Петре I по численности значительно превосходили коронных служащих². Во-вторых, в связи с государственной необходимостью выборная служба в России носила двойственный характер: наряду с мирскими делами, которых государство не касалось, общины несли многочисленные «службы государевы», лежавшие, как правило, за пределами непосредственных интересов местного населения. Такая служба не приносило пользы ни общине, обязанной круговой порукой за своего избранника, ни ее исполнителю, который не только отвлекался от дел и терпел убытки, но и рисковал имуществом. Отсюда вытекала и третья ее особенность: выборная служба носила в значительной степени принудительный характер и была не столько правом, сколько повинностью. В таких условиях ее исполнение воспринималось, как неизбежное зло и вызывало естественное желание избежать выборных должностей, что в конечном итоге сказывалось на отношении к общественной службе в целом.

2. Городские реформы Петра I. Первую попытку переустройства управления российских городов на началах европейского самоуправления предпринял Петр I. Для «всяких расправных дел между торговыми и посадскими людьми» и «управления казенными сборами и градскими повинностями» в январе 1699 г. учреждались новые выборные учреждения: Бурмистерская палата в Москве (с 17 ноября 1699 г. – Ратуша) и подчиненные ей земские избы в остальных городах. В отличие от европейской организации Ратуша и земские избы никаких местных нужд не ведали и никаких расходов без указа царя не производили. Новые учреждения решали преимущественно фискальные задачи, отвечавшие общегосударственным, а не местным интересам. Создание Бурмистерской палаты было радикальной мерой против недоборов государственных доходов. Выборное учреждение, где заседали бурмистры из крупного московского купечества, получило значение центрального казначейства. Так, в 1708 г. в Ратушу поступило около половины всех государственных доходов (993 тыс. из 2 млн. рублей), но города по-прежнему не имели собственных источников доходов.

При полном отсутствии денежных средств насущные задачи благоустройства городов решались путем отбывания горожанами многочисленных «обывательских служб»: городской, домово́й, острожной, дорожной и проч. В 1705 г., когда в Москве начали мостить улицы «диким» камнем, была введена новая повинность – каменная, которая распространялась не только на жителей города. Специальным указом

---

² Подробно см.: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в.: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 197-214.

предписывалось москвичам сдать по одному камню с десяти дворов, а каждому приезжавшему в Москву крестьянину привезти с собой по три камня определенного размера³. К середине 1730-х гг. камнем замостили площади Кремля и главные улицы – Тверскую, Никитскую, Пречистенскую и др.

В 1720-е гг. проведена вторая городская реформа (магистратская), во многом повторившая управление городов Риги и Ревеля. В 1720 г. в Петербурге учрежден Главный магистрат, а в 1723 г. прошли выборы в городские магистраты. В январе 1723 г. избран Московский магистрат в составе 2 бургомистров и 4 ратманов.

Петровские учреждения 1720-х гг. получили статус «главы и начальства всему гражданству». К «гражданству» причислялось городское население, занятое торговлей и промышленной деятельностью. Круг обязанностей магистратов был шире, чем у земских изб: в финансовых и хозяйственных делах их полномочия распространялись на весь город. Магистраты должны были собирать государственные налоги и пошлины со всего городского населения, способствовать «размножению» мануфактур и «всяких художеств», содействовать развитию торгов и промыслов, принимать меры против пожаров, содержать в исправности мосты, следить за поддержанием чистоты («чтобы не токмо в домах, но и улицах городских и в мясных рядах была чистота и помету никакого не было»), а также открывать госпитали, богадельни, школы, опекать сирот и вдов, следить за обучением детей граждан и многое другое⁴. Несмотря на столь обширные задачи, деятельность магистратов, как общегородских учреждений, практически не получила развития. Все предписания об открытии школ и госпиталей в связи с отсутствием гарантированных источников доходов служили лишь «украшением» Регламента магистрата⁵. Сборы с оброчных статей (лавок, пристаней, бань, харчевен и проч.), минуя общинную посадскую кассу, шли в государственную казну. В Москве на мирские нужды поступали только доходы с городских земель, пожалованных Петром I московскому купечеству⁶. В случае необходимости население посадов могло просить о выделении каких-то сумм из денег, поступавших в казну, но чаще всего городские нужды решались с помощью добровольной складчины.

---

³ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. (ПСЗ-1). Т. 4. 1705 г. № 2052. С. 307.

⁴ ПСЗ-1. Т.6. № 3708. 16 января 1721 г.

⁵ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999. С.229; Дитятин И.И. Из истории «Жалованных грамот» // Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. СПб. 1895. С. 111.

⁶ Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 530-531, 548.

Представление о величине мирских сборов и характере их использования дает бюджет одной из московских слобод в 1723 г. В этот год старостой было собрано:

Собрано	Рублей	В %
На уплату государственных платежей	82	57
На оплату местных казенных служб	78	
Указных мирских сборов	116	43
Всего	276	100

Первые две статьи целевых сборов не требуют пояснений. Интерес представляет третья статья, составлявшая 43 % всех денег, собранных с жителей слободы. На какие цели расходовались эти средства? За исключением скромной суммы на оплату письменных принадлежностей и «хоженого» солдатам, ходивших для сбора недоимок, большая их часть шла на «уплату в разные присутственные места». Эта «уплата» в виде многочисленных «скляниц ренского да церковного, водки, куличей, сахара, рыбы, мясного харча» поступала чинам различных канцелярий: магистратской, полицеймейстерской, Иностранной коллегии, Соляной конторы и др. Расходы на взятки чиновникам тех учреждений, от которых зависели интересы города, были обычным явлением; в отчетных ведомостях они значились в особой графе: «презентальные деньги». Помимо оплаты услуг чиновников, в праздники из этих денег производились «праздничные подносы» должностным лицам губернии, состоявшие из вин, сахара и прочих подарков⁷. Эта традиция существовала с глубокой древности.

Все вопросы, касавшиеся жителей города, решались на слободских и сотенных сходах⁸. Сходы избирали старост и сотских, отвечавших за посадские платежи и повинности. Но в отличие от других городов, в Москве не было общепосадского схода – его роль выполняло общее собрание трех купеческих гильдий, которое ведало не только сословными, но и общегородскими делами. В XVIII в. большую роль в жизни городов играло купеческое управление. Особенно велико было влияние купеческой гильдейской администрации в Москве, где с начала 1720-х гг. существовала Гильдия московского купечества. Юридический статус этого учреждения закрепила «Инструкция московского купечества старшинам и

⁷ Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 393-395.

⁸ К началу XVIII в. население Москвы разделялось на 38 корпораций: 36 территориальных (слободы и сотни) и две высшие – гости и гостиная сотня. (См.: История Москвы. Т. 2. М., 1953. С 118).

старостам» 1742 г., разделившая сословие на три гильдии⁹. Общее собрание трех купеческих гильдий имело свой исполнительный орган – канцелярию, куда входили должностные лица всех гильдий во главе со старшиной первой гильдии. Канцелярия и гильдейское собрание составляли единое учреждение – Гильдию Московского купечества или Московскую гильдию, которая подчинялась магистрату. В XVIII в. московское купеческое самоуправление так тесно переплеталось с городским, что трудно провести грань, разделявшую сферы их деятельности. Значение органов купеческого самоуправления особенно усилилось в первой половине XIX в.

Как писал А.А. Кизеветтер, магистрат не вмешивался в жизнь города, выступая лишь «в качестве соединительного звена между администрацией и сходом»¹⁰.

Из многочисленных местных учреждений, созданных в первой четверти XVIII в., городские магистраты оказались наиболее долговечными (упразднены в ходе реализации судебной реформы 1864 г.), хотя на протяжении более чем 120-летнего периода существования их функции и место в системе управления не однажды изменялись. Жалованная грамота городам 1785 г. сохранила за магистратами преимущественно судебные функции¹¹.

3. Городской бюджет Москвы в 1730-1760-е гг. Вопрос о передаче городам некоторых источников государственных доходов возник после смерти Петра I и неоднократно обсуждался на правительственном уровне. В 1727 г. магистраты получили право расходовать «на общую пользу городскую» излишки от таможенных и кабацких сборов. Однако правительство, стремясь обратить на казенные нужды каждую свободную общественную копейку, часто нарушало этот закон. В результате в первой половине XVIII в. в городах не было ни школ, ни больниц, ни богаделен, устроенных на городские или купеческие средства. В 1732 г. императрица Анна Иоанновна, выступая в Сенате, указала на широкое распространение в Москве нищенства и бродяжничества. По ее словам, в Москве «нищие прямые, престарелые, дряхлые и весьма больные без всякого призрения по улицам валяются»¹². В 1745 г. на запрос Сената в городские магистраты, где и на какие деньги содержатся богадельни, ответ пришел только из Москвы. В столице «из особо собираемых с купечества на гражданские

---

⁹ ПСЗ-1. Т. 11. № 8504. 19 января 1742 г.

¹⁰ Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 619.

¹¹ ПСЗ-1. Т.11. № 8734. 21 мая 1743 г.; Государственность России (конец в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 1 (А-Г). М., 1996. С. 111-113; 252-255.

¹² Цит. по: Дитятин И.И. Русский дореформенный город // Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. С. 11.

нужды сборов» содержалась богадельня на 218 человек. По сведениям Московского магистрата, этого количества мест было недостаточно, так как в призрении нуждалось еще около 500 жителей¹³.

В середине XVIII в. Москва не отличалась чистотой: грязь и кучи навоза были обычным явлением даже в центре города; не украшали столицу и ветхие заборы, дома с соломенными крышами, большие колодцы, вырытые в 1736 г. на главных улицах для борьбы с пожарами¹⁴.

Москвичи осознавали необходимость подъема жизни города. В 1767 г., когда началась работа по подготовке нового Уложения, и Екатерина II обратилась к подданным с просьбой прислать в Уложенную комиссию свои пожелания и соображения (наказы), жители Москвы наметили обширную программу преобразования жизни столицы. Они хотели иметь надежную полицию и защиту от пожаров, предлагали меры для очистки рек и улучшения санитарной обстановки в городе, просили об открытии школ, больниц, смиренных домов и богаделен. Интересно, что москвичи хотели иметь не только общеобразовательные, но и специальные школы, которые должны были открываться на средства купечества, чтобы там обучали «разным языкам, бухгалтерству и прочим купечеству необходимым наукам и знаниям». В «Наказе» поднимается и такой важный для Москвы вопрос, как замена натуральной повинности денежным налогом с земли, так как выполнение натуральных повинностей, отрывавших горожан от повседневных занятий, было связано с большими убытками¹⁵. Однако до практического осуществления всех этих пожеланий было еще далеко.

В 1760-е гг. бюджет Москвы по-прежнему формировался за счет мирских сборов, которые в 1766 г. превышали подушный сбор:

Подушный сбор	13561 р.	44,4 %
Мирские сборы	14012 р.	45,9 %
Остаток от 1765 г.	2948 р.	9,7 %
Всего	30521 р.	100,0 %

Подушные сборы поступали в государственную казну, а из мирских сборов производились «указные», т.е. «обязательные» и «добровольные» расходы. В 1766 г. расходы по этим двум статьям составили соответственно: 8173 и 4767 рублей. К «указным» относились расходы на канцелярские принадлежности Магистрата и Купеческой гильдии,

¹³ Кизеветтер А.А. Посадская община в России в XVIII столетии. М., 1903. С. 514, 520.

¹⁴ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 12. История России с древнейших времен. М., 1993. С. 159, 160.

¹⁵ Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 93. Спб. 1894. С. 19-34.

постройку тюрем, починку мостов, на жалованье лекарю и пробирному мастеру; но большая их часть была истрачена на починку Триумфальных Красных ворот (3600 р.) и оплату подвод, нанятых «под шествие» императрицы Екатерины II (2600 р.). Для сравнения приведем распределение «добровольных» расходов. Они включали следующие статьи: починка тюрем и богаделен (1550 р.); жалованье магистратским служащим (2411 р.) и попу при магистратской церкви (50 р.); серебряная солонка «в поднос Ея Императорскому Величеству» (35 р.); гильдейскому старшине на необходимые нужды (600 р.); кормовые деньги ученикам рисовального искусства (2 р. 85 к.) и др.¹⁶

Таким образом, статьи «добровольных» расходов практически не отличались от «указных». Львиная доля мирских средств расходовалась на содержание городских учреждений и другие цели, далекие от реальных потребностей города. Из 14 тыс. мирских сборов почти 27 % шли на управление (жалованье служащим, канцелярские расходы и др.); 50 % – на выполнение повинностей (постройка тюрем, починка мостов и Триумфальных Красных ворот и др.); 18 % на благоустройство, просвещение, жалованье лекарю, церковные потребности и др.; около 5 % составили прочие расходы.

Очевидно, что дорогостоящие проекты, отвечавшие насущным потребностям города, могли осуществляться только за счет ассигнований из казны. В 1730 г. в Москве по случаю пребывания императрицы Анны Иоанновны появилось уличное освещение¹⁷. В 1760-е гг. построена Павловская больница и Воспитательный дом. В 1770-е гг. началось строительство водопровода из источников в Больших Мытищах (в 26 верстах от города), на эти цели из казны был отпущен 1 млн. рублей. Из-за начавшейся в 1787 г. войны с Турцией работы были прерваны, и строительство водопровода завершилось только в 1804 г.¹⁸

Но государство не могла решить все городские проблемы. Постоянные войны сильно отягощали казну; по величине доходов Россия заметно уступала странам Европы. Наглядное представление о финансовых возможностях России и Франции и платежеспособности их населения дает сопоставление этих показателей со стоимостью серебра. По подсчетам Н.Д. Чечулина, в 1763 г. на годовой бюджет России можно было купить 24 тыс. пудов серебра, а на годовой бюджет Франции – свыше 170

---

¹⁶ Кизеветтер А.А. Посадская община в России в XVIII столетии. М., 1903. С. 585-587.

¹⁷ Столбы со стеклянными фонарями, в которых горело конопляное масло, были установлены через каждые 10 сажень, т.е. на расстоянии 20 метров. В 1766 г. столичные улицы освещали 600 фонарей, в 1782 г. – около 1000, а в 1800 г. их число превысило 6,5 тыс.

¹⁸ Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. Т. 2. 1954. С. 486; История Москвы в 6 т. Т. 2. С. 462-472.

тыс. пудов. Различными по величине были и налоги, уплачиваемые населением этих стран. Так, для покупки в казну одного пуда серебра во Франции следовало собрать налоги со 140 человек, а в России с 750 человек¹⁹. Очевидно, что в стране с небогатыми налогоплательщиками не могло быть процветающих городов.

4. Городская реформа 1785 г. и ее влияние на жизнь Москвы.

С Жалованной грамотой городам (включает Городовое положение 1785 г.) связан новый этап в развитии российских городов²⁰. Принятие этого документа – первая попытка правительства изменить характер городского общественного управления на началах всеобщности и самостоятельности выборных учреждений. «Жалованная грамота, – писал историк И.И. Дитятин, – понимает город как юридическое лицо, как особую, местную общину, имеющую свои, особые от государственных, интересы и нужды. Она создает учреждения, образованные из представителей всего городского населения, всех слоев его»²¹. Как внешнее выражение нового юридического статуса каждый город получил герб и печать, которой «градское общество» скрепляло свои постановления.

По этому закону избирательные права получили не только торгово-промышленные слои населения. Городовое положение заметно расширило круг избирателей. В дружной работе на благо города должны были объединить свои усилия представители всего населения, включая дворян, лиц с высшим образованием и иностранцев, что в корне изменило бы состав выборных учреждений. Закон 1785 г. был адресован «городовым обывателям», к которым относились все те, «кои в том городе или старожилы, или родились, или поселились, или дома, или иное строение, или места, или землю имеют, или в гильдии, или в цех записаны, или службу городскую отправляли, или в оклад записаны, и по тому городу носят службу или тягость»²².

Наряду с москвичами, занятыми торговлей и промыслами, избирательные права получили дворяне-домовладельцы, входившие в разряд «настоящих городских обывателей», и представители научной и творческой интеллигенции, которые вместе с владельцами кораблей,

---

¹⁹ Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. Спб., 1906. С.96.

²⁰ ПСЗ-1. Т. 22. № 16188. 21 апреля 1785 г. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» или «Жалованная грамота городам». В «Грамоту» в качестве одной из составных ее частей входит Городовое положение.

²¹ Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб. 1875. С. 401, 505.

²² ПСЗ-1. Т. 22. № 16188. Грамота на права и выгоды городам Российской империи. 21 апреля 1785 г. Ст. 77, 78.

банкирами и горожанами, имевшими «стаж» выборной службы, составляли разряд «именитых граждан». Всего же насчитывалось шесть избирательных разрядов: 1) настоящие городские обыватели; 2) гильдии купеческие; 3) цехи; 4) иностранные и иногородние купцы; 5) именитые граждане; 6) посадские (впоследствии – мещане).

Таким образом, городское общественное управление, созданное Екатериной II, должно было стать по своему составу всесословным. Выборы проходили раз в три года по каждому разряду отдельно. Вначале избирались гласные в Общую городскую думу (распорядительный орган), затем из своей среды они выбирали исполнительный орган – Шестигласную думу (по одному человеку от разряда). Закон создавал еще одно выборное учреждение – собрание градского общества, в котором могли участвовать только состоятельные люди (не беднее купцов второй гильдии). Именно это собрание избирало всех должностных лиц города: городского голову, бурмистров и ратманов магистрата, судей совестного суда и др.

Как проходили первые городские выборы в Москве по Городовому положению 1785 г., вводившему столь непривычные для населения русских городов начала? Закон не оговаривает способ проведения выборов, но, судя по всему, первых московских гласных избирали открытой баллотировкой шарами. Впервые такая форма подачи голосов была введена в 1766 г. на выборах городских депутатов в Уложенную комиссию²³. В течение последующих 150 лет (до лета 1917 г.) баллотировка шарами была единственной формой проведения городских выборов в Москве.

Московская общая городская дума была торжественно открыта 15 января 1786 г. в присутствии губернатора П.В. Лопухина, городского головы С.Д. Ситникова и 78 гласных. Работой Общей и Шестигласной дум руководил городской голова. Эта должность была введена в 1766 г. в связи с выборами депутатов Уложенной комиссии, но сохранилась и после роспуска Комиссии. В течение 20 лет раз в два года (с 1775 г. раз в три года) проводились выборы городских голов. Однако до введения Жалованной грамоты 1785 г. городской голова исполнял лишь случайные поручения правительства и не имел отношения ни к магистрату, ни к городским делам.

---

²³ По Манифесту 14 декабря 1766 г. избиратели, составив список кандидатов, садились в определенном порядке на лавки и получали по одному шару; услышав фамилию кандидата, вставали друг за другом и клали «свой шарик в подготовленный на столе ящик, перегороженный посередине на две части и покрытый сукном; на правой оного ящика стороне написано: «избираю», а на левой: «не избираю» (См.: ПСЗ-1. Т. 17.1766 г. 14 декабря. № 12801). В последующие годы устройство баллотировочного ящика стало более сложным, обеспечивая тайну выбора.

Среди московских гласных 80-90-х гг. XVIII в. не было дворян и представителей интеллигенции, на участие которых рассчитывали законодатели. Сторонясь «торгового мужичья», они просто не являлись на выборы. Московская общая городская дума состояла из купцов, мещан и ремесленников и по составу напоминала посадские сходы времен Петра I. Городские выборы показали, что русское общество не было готово принять идею всесословности, заимствованную Екатериной II из европейского законодательства²⁴.

Сфера деятельности Думы значительно отличалась от деятельности Ратуши и Магистрата. Главный предмет забот новых выборных учреждений – не сбор государственных налогов, а «пользы и нужды» города. Для решения этих задач города получили из казны источники постоянных доходов: таможенные сборы (в портовых городах) и 1 % отчислений от казенного питейного дохода. Кроме того, в собственность городов передавались городские земли, включая поля, сады, луга пустопорожние места, и оброчные статьи (перевозы, места для ловли рыбы, мельницы, трактиры и другие промышленные заведения), доходы с которых раньше поступали в казну. Жалованная грамота городам положила начало городским финансам и городской собственности. Передав городам часть государственных доходов, правительство установило жесткий контроль за их использованием. Без разрешения администрации думы не могли израсходовать и копейки.

В Москве до осени 1786 г. денег в городской кассе не было, поэтому в первый год своего существования Дума практически не приступила к деятельности. Поэтому на запрос московского главнокомандующего П.Д. Еропкина о состоянии городских финансов гласные ответили, что «за невступлением доходов и расхода еще не было»²⁵.

В последующие шесть лет, с 1786 по 1792 г. включительно, общие поступления в кассу города составили:

Статьи совокупного дохода в 1786-1792 гг.	Рублей	В %
1 % отчислений от казенной питейной продажи	39610	67,2
Доход с оброчных статей	13640	23,1
Поступления с записи в городовую книгу	4358	7,4
Заем из гильдий	704	1,2
Проценты со вклада в банк Воспитательного дома	530	0,9
Другие доходы	150	0,2
Всего	58991	100,0

²⁴ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II. Опыт исторического комментария. М., 1909. С. 442-443, 452-457.

²⁵ Там же. С. 446.

Основным источником пополнения городской кассы являлись отчисления из казны (свыше 67 %). Собственно, городские доходы не превышали 23 % бюджета и состояли из сборов с лодочных перевозов, прорубей, плотомоев и мельниц. Основную часть поступлений по этой статье (около 6800 рублей) Дума получила от продажи на слом второго гостиного двора, «пожалованного» Москве из казенного ведомства. Однако безотносительно этого дохода за шесть лет поступления с городских оброчных статей несколько увеличились, хотя финансовые возможности города до конца столетия были весьма ограниченными.

Обратимся к расходной части бюджета. В течение 1786-1792 гг. из городской кассы было выдано денег на:

Статьи совокупного расхода в 1786-1792 гг.	Рублей	В %
1. Жалованье служащим городских учреждений	34829	66,5
2. Канцелярские расходы	2407	
3. Благоустройство	4821	17,5
4. Приказ общественного призрения	4969	
5. Содержание конного эскадрона	9000	16,0
Всего	56026	100,0

Очевидно, что расходы на городские учреждения (статьи 1 и 2) тяжелым бременем ложились на бюджет города, поглощая 2/3 всех средств; в четыре раза меньше денег тратилось на городские нужды (статьи 3 и 4) и примерно столько же уходило на потребности, чуждые интересам города (статья 5). Детального рассмотрения заслуживает статья «благоустройство города». Она включала расходы на изготовление рыночных знамен и покупку весов для скотопригонного двора, платежи за наем помещения для аптеки и «музыку у Воскресенских ворот». Идея устроить за счет городских средств «музыку» в центре Москвы принадлежала московскому главнокомандующему П.Д. Еропкину. По его распоряжению с 1788 г. подпоручик Зверев должен был «производить музыку на духовых инструментах с 16 музыкантами ежедневно пополуночи 12-й час весь, а в викторианские и праздничные дни по пробитии на гауптвахте у Воскресенских ворот барабанной зори играть зорю»²⁶. За это удовольствие Дума платила по 60 рублей в месяц, что для скудного городского бюджета было непозволительной роскошью. В целом расходы по этой статье были далеки от решения тех задач, которые входят в понятие «благоустройство».

²⁶ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II. Опыт исторического комментария. М., 1909. С. 442-443, 452-457.

Интересам москвичей отвечала еще одна статья бюджета: ассигнования Приказу общественного призрения на содержания школ, больниц и богаделен. За шесть лет Дума передала на эти цели около 5 тыс. рублей. С учетом реальных потребностей эта сумма была явно недостаточной. По указу 7 июня 1785 г. в Москве предстояло открыть одно главное народное училище и двадцать школ. Расходы на их открытие и содержание в течение первого года оценивались более чем в 80 тыс. рублей. Таких денег не было ни у Приказа общественного призрения, бюджет которого составлял чуть больше 20 тыс. рублей, ни у Московской думы – ее годовые доходы не превышали 9-10 тыс. рублей. Поэтому выполнение капиталоемких проектов финансировалось из государственной казны.

Рассмотрим еще одну расходную статью, поглотившую за шесть лет 16% городского бюджета Москвы: содержание кавалерийских эскадронов. Необходимость формирования этих эскадронов возникла в связи с подготовкой войны со Швецией и переводом в Петербург полков, находившихся в Москве. Чтобы не оставлять Москву без охраны, главнокомандующему Я.А. Брюсу было приказано «умножить в Москве полицейскую команду, набрав из праздношатающихся один или два конных эскадрона и содержать эти эскадроны из городских доходов...». Преемник Брюса П.Д. Еропкин заставил и Московскую купеческую гильдию ассигновать на эти цели 20 тыс. рублей²⁷. Действия главнокомандующего явно нарушали Жалованную грамоту городам, запрещающую администрации возлагать на города «новые тяготы». Но эти нарушения происходили так часто, что стали нормой.

Расходование городских средств было полностью подчинено воле генерал-губернатора. Под угрозой получить выговор Московская дума не имела право самостоятельно распоряжаться городскими средствами. Даже ассигнования Приказу общественного призрения требовали разрешения генерал-губернатора.

Жалованная грамота городам не освободила горожан от исполнения натуральных повинностей. Все москвичи, владевшие землей или домами, обязаны были выполнять «мостовщину»: чистить дороги, строить и ремонтировать мосты или оплачивать эти работы деньгами. В обязанности москвичей входила и борьба с пожарами. Для тушения пожаров назначалось около 3 тыс. человек, содержание которых возлагалось на домовладельцев. Горожане старались уклониться от пожарной повинности, поэтому в 1791 г. московский главнокомандующий кн. А.А. Прозоровский приказал тех, кто не являлся на пожар, сажать на три дня в смиренный

---

²⁷ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II. Опыт исторического комментария. М., 1909. С. 450.

дом, а тех, кто поздно приходил на пожар, «тотчас на месте штрафовать палочьем»²⁸. До конца XVIII в. каждую ночь более тысячи москвичей несли службу по охране города. В каждом квартале (Москва подразделялась на 20 частей и 88 кварталов) назначалось по 12 человек.

5. Городская реформа Павла I. Преобразования начались в июне 1797 г. открытием в Петербурге «Комиссии о снабжении резиденции припасами, распоряжком квартир и прочих частей, до полиции принадлежащих» во главе с наследником престола вел. кн. Александром Павловичем. Высокое положение председателя и членов Комиссии (ее составляли генерал-прокурор кн. А.Б. Куракин и военный губернатор Петербурга генерал-лейтенант гр. Ф.Ф. Буксгевден) указывало на то значение, какое император придавал новому учреждению. В 1798 г. Комиссия расширила полномочия и получила значение «главного начальства» города, а в 1799 г. под ее началом оказалось и городское управление Москвы²⁹.

Московская общая городская дума была упразднена указом 17 января 1799 г.³⁰, но фактически она перестала действовать в 1798 г.; в тот год состоялось только три заседания Думы (последнее 27 мая), на которых присутствовали соответственно 50, 24 и 11 гласных³¹. «Уставом столичного города Москвы»³² учреждался Департамент Комиссии о снабжении резиденции припасами с подчиненным ему городским правлением или Ратгаузом. Департамент состоял из высших административных лиц губернии под председательством военного губернатора и ведал все то, что «к благоустройству города и благосостоянию жителей его относиться может». Прежде всего, он должен был иметь сведения обо всех доходах и расходах города, числе жителей, домов, земель, рыбных ловель и пр.; смотреть, чтобы не было дороговизны, чтобы жители «в повинностях уравнины были». Являясь главным начальством Москвы, Департамент находился в подчинении Комиссии о снабжении резиденции припасами, что привело к утрате самостоятельности московской администрации, поставило ее в зависимость от Петербурга.

---

²⁸ Щепкин М.П. Общественное хозяйство города Москвы в 1863-1887 гг. Историко-статистическое описание. Ч. 1. Вып. 1. М., 1886. Стлб. 106-107.

²⁹ ПСЗ-1. Т. 25. № 18662. 12 сентября 1798 г.; № 18821 и 18822. 17 января 1799 г.; Дитятин И.И. Русский дореформенный город // Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. С. 20.

³⁰ ПСЗ-1. Т. 25. 1799 г. 17 января. № 18821

³¹ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II. С. 380.

³² ПСЗ-1. Т. 25. 1799 г. 17 января. № 18822

4 апреля 1799 г. в Москве учрежден Ратгауз, который заменил не только думу, но и магистрат, поэтому ведал как судебными, так и хозяйственными делами. Он подразделялся на три департамента: юстицкий гражданских дел, юстицкий криминальных дел и камеральный. Во главе Ратгауза стоял президент (назначался императором), в его состав входили директор экономии, заведовавший хозяйством города (назначался Комиссией), шесть бургеймейстеров и двенадцать ратсгеров, избранных из купцов. Они утверждались верховной властью, считались состоявшими на государственной службе в чинах VII-VIII классов и получали право носить шпагу, что являлось привилегией дворянства.

Создавалась новая модель общественного управления, принципиально отличная от той, что предусматривалась Городовым положением 1785 г. Если Екатерина II стремилась обособить общественные учреждения от администрации, определить сферу их самостоятельной деятельности, отделив ее от коронных учреждений, то Павел преследовал прямо противоположные задачи. Указы конца 1790-х гг. создавали смешанные по составу городские учреждения, где в совместной деятельности объединялись выборный и коронный элемент. Екатерина не смогла привлечь к общественным делам дворян и разночинцев, Павел ввел их в состав городских учреждений в качестве чиновников, и одновременно повысил престиж общественной службы, наделив выборных лиц правами государственных служащих. Екатерине не удалось обеспечить самостоятельность дум от администрации и таким путем вывести города из застоя. Павел включил Ратгаузы в состав губернского правительства, возложив ответственность за состояние городских дел на высшие лица местной администрации.

На рубеже XVIII-XIX вв. в пользу городов казна передала ряд важных доходных статей, что способствовало росту городских бюджетов. Городские кассы пополнили сборы с земель, отведенных под строительство домов, доходы с казенных мельниц, построенных на городских землях, поземельный сбор, акциз с торгующих крестьян и некоторые другие сборы³³. Особенно значительными были приращения бюджетов столичных городов. Если в 1796 г. доходы Московской думы составляли чуть более 31 тыс. рублей, то в 1800 г. в распоряжении Камерального департамента Московского Ратгауза находилось свыше 573 тыс. рублей ассигнациями³⁴ (374 тыс. рублей серебром по курсу 65,3 серебряных копейки за ассигнационный рубль³⁵). Третью часть всех городских доходов (180 тыс. рублей) составлял поземельный сбор и почти

---

³³ ПСЗ-1. Т. 26. № 18270. 16 декабря 1797 г., № 18680. 27 сентября 1798 г.

³⁴ ПСЗ-1. Т. 26. № 19326. 14 марта 1800 г.; Гастев М. Статистическое описание Москвы. Ч. 1. М., 1841. С. 231.

³⁵ Бумажные денежные знаки России и СССР. СПб. 1993. С. 9.

2/3 доходов приносили поступления с найма торговых лавок, сборы с цеховых, акциз с торгующих крестьян и другие сборы с торговли. В 1800 г. доходы с оброчных статей и питейного откупа (однопроцентный сбор) играли незначительную роль, тогда как в последней четверти XVIII в. именно они определяли состояние городской кассы Москвы.

Именно при императоре Павле городские доходы Москвы стали быстро расти и в 1800 г. достигли невиданной для XVIII в. величины. Но передавая городам новые источники доходов, правительство перекладывало на них дополнительные обязанности, исполнение которых требовало значительных средств. В конце 1797 г. на городские бюджеты возложено содержание полиции³⁶. В 1799 г. ее штат заметно вырос за счет создания особой пожарной экспедиции. В результате в 1800 г. расходы на содержание полиции составили 55 % всех городских средств (306,3 тыс. рублей). Значительные суммы тратились на отопление и освещение казарм и домов губернской администрации. Расходы на нужды города были по-прежнему невелики: на благоустройство (мощение дорог, содержание мостов, освещение и др.) истрачено 25 тыс. рублей или 4 % всего бюджета, на содержание школ – 17,8 тыс. рублей (3 %) и т.д.

Очевидно, что бюджет, ориентированный на исполнение общегосударственных расходов, не способствовал развитию городского хозяйства. Дисбаланс между доходами и расходами, часто непосильными для населения, выдвинул на первый план задачу «уравнения городских повинностей», которая решалась правительством на протяжении первой половины XIX в. Вместе с тем нельзя не признать, что к концу XVIII в. в формировании городских доходов произошли определенные сдвиги. Это проявлялось, прежде всего, в быстром росте городского бюджета Москвы, основу которого составляли источники постоянных доходов, а не мирские сборы, как это было в недалеком прошлом. Но решать самостоятельно масштабные задачи по улучшению жизни москвичей органы городского общественного управления были не в состоянии.

К концу XVIII в. в первопрестольной столице действовали 32 богадельни, Воспитательный дом, Павловская и Екатерининская больницы, Преображенский дом для умалишенных и многое другое³⁷. Как и в других городах, эти учреждения открывались и содержались за счет казны или купеческой гильдии и частных пожертвований.

6. Управление и финансы довоенной Москвы. 1801-1811 гг.

В 1801 г. после вступления на престол императора Александра I, обещавшего править «по заветам своей бабки», началось восстановление многих учреждений, созданных Екатериной II и упраздненных ее

---

³⁶ ПСЗ-1. Т. 25. 18 декабря 1797 г. № 18278.

³⁷ История Москвы. В шести тт. Т. 2. М., 1953. С. 139- 141; 456-472.

преемником Павлом I. Уже 2 апреля 1801 г. принят указ о закрытии «Комиссии о снабжении резиденции припасами» и ее департамента в Москве, и учреждении вместо ратгаузов общих и шестигласных дум³⁸. Жалованная грамота городам сохраняла силу закона до 1862 г., но организация городского общественного управления первой половины XIX в. была далека от замысла ее создателей. Александр I восстановил городские думы, но выстроил над ними пирамиду смешанных по составу комитетов и комиссий, в ведении которых оказалась важнейшую сферу деятельности выборных учреждений – городские финансы. В марте 1802 г. в Москве начал работать «Комитет для уравнивания городских повинностей» в составе двух чиновников и двух выборных членов (в январе 1802 г. такой Комитет создан в Петербурге)³⁹. Под управлением Комитета находились все денежные сборы, городские повинности и даже благоустройство города. В результате деятельности Комитета москвичи освободились от пожарных и ночных дежурств по охране города (исполнялись за счет городского бюджета), заметно сократились «службы» горожан по замощению и освещению улиц. Полномочия Комитета постепенно расширялись: он составлял сметы доходов и расходов, вводил или сокращал городские сборы и повинности и в конечном итоге фактически отстранил Думу от финансовой деятельности.

В Москве большое влияние на городские дела оказывала Гильдия московского купечества. По своему составу и характеру деятельности Гильдия практически не отличалась от градского общества, так как имела тех же избирателей и управлялась городской головой. Постановления по купеческим и городским делам вносились в книгу «Общественных приговоров Московского купеческого общества». При Гильдии действовали советы граждан, которые избирались из купцов и мещан. Влияние сословных учреждений на городские дела особенно возросло после 1805 г., когда Гильдия была преобразована в Дом московского градского общества⁴⁰.

Это учреждение создано 6 октября 1805 г. собранием выборных от купцов и цеховых (заседателей, бурмистров, ратманов, гласных и членов Шестигласной думы, гильдейских старост и др.) под председательством городского головы. Собрание постановило, чтобы «впредь бывшую московского купечества гильдию, где происходили до сего общественные советы именовать Домом общества градского, в котором иметь общественные собрания»⁴¹. Штат этого учреждения насчитывал 54 человека; в него входили городской голова, гильдейские и цеховые

---

³⁸ ПСЗ I. Т.26. №№ 19810 и 19811. 2 апреля 1801 г.

³⁹ ПСЗ I. Т.27. № 20116. 19 января 1802 г. (в Петербурге): № 20190. 19 марта 1802 г. (в Москве). В Московский комитет вошли: председатель Московской уголовной палаты Петрово-Соловово, губернский прокурор Бессонов, представитель дворян генерал Дурново и купец 1-й гильдии Ситников.

⁴⁰ История Московского купеческого общества. Т.5. Вып. 3. Разд. 2. С. 39, 92, 216.

⁴¹ Там же. С. 20-21, 216.

старосты, заседатели различных учреждений и пр. Торгово-промышленные сословия имели в Доме градского общества свои отделения: купеческое, мещанское, ремесленное. В ведении купеческого отделения, которое возглавлял городской голова, находились дела как сословного, так и городского самоуправления. Для «общественных советов» при Доме градского общества каждые три года избиралось собрание поверенных в составе 2 представителей от именитых граждан, 20 членов от купцов 1-й гильдии, 40 от купцов 2-й, 60 от купцов 3-й гильдии и 80 человек от мещан и цеховых – в общей сложности 202 человека. Не трудно заметить, что собрание поверенных формировалось из групп населения, напоминая разряды, предусмотренные Городовым положением 1785 г., с той только разницей, что в него не входили представители дворян и чиновничества⁴².

До 1862 г. Дом московского градского общества принимал непосредственное участие в управлении городом и ведал всем торгово-промышленным населением.

В начале XIX в. правительство обратило внимание на сложное финансовое положение городов, включая столицы. В 1805 г. специальным указом предписывалось в Москве из остатков поземельного налога составить капитал в 400 тыс. рублей для получения из него 20 тыс. рублей ежегодного дохода⁴³. Так было положено начало постоянному городскому капиталу, сыгравшему впоследствии важную роль в развитии хозяйства Москвы.

Представление о городском бюджете в начале XIX в. дает смета на 1806 г.⁴⁴

Статьи доходов	Рублей (тыс.)	В %
Поземельный сбор	555	58,0
Доход с пивоварен	90	9,6
Доход с трактиров, кофеен и пр.	70	7,4
Акциз с торгующих крестьян	66	6,9
Поступления с торговых бань	70	7,4
Сборы с оброчных статей	12	1,3
С векселей и явки заемных писем	50	5,3
1 % сбор с питейного откупа	18	1,9
Сборы с извозчиков	10	1,1
С записи в обывательскую книгу	10	1,1
Всего доходов	951	100,0

⁴² Центральные архивы Москвы: Путеводитель по фондам. Вып. 1. М., 2002. С. 42-43.

⁴³ ПСЗ-1. Т. 28. № 21761.

⁴⁴ ПСЗ-1. Т. 29. № 22030. 23 февраля 1806 г.

По сравнению с 1800 г. городские доходы выросли более чем в полтора раза: с 570 до 950 тыс. рублей. Этот рост вызван увеличением сбора с городских земель, который составлял почти 60 % всех поступлений. Доходы с оброчных статей и питейного откупа (однопроцентный сбор) играли незначительную роль, тогда как в последней четверти XVIII в. именно они определяли состояние городской кассы Москвы.

Обратимся к расходной части бюджета 1806 г.:

Статьи расходов	Рублей (тыс.)	%
Отопление, освещение и ремонт казарм и пр.	200	24,6
Содержание полиции	434,9	53,2
Освещение улиц	50	6,1
Содержание мостов и казенных мостовых	30	3,7
В Приказ общественного призрения	37,8	4,5
Мелкие и чрезвычайные расходы	30	3,7
В Комитет по устройству казарм	6,1	0,7
На содержание канцелярии Думы	14,3	1,7
На содержание Магистрата и канцелярии	14,6	1,8
Всего расходов	817,7	100,0
Остаток	133,3	

В расходной части бюджета 1806 г. заметно усилилась тенденция, наметившаяся в 1800 г.: резкое увеличение городских расходов на общегосударственные цели. В 1806 г. 78 % всех средств поступало на содержание казарм и полиции, тогда как затраты на благоустройство составляли только 10 %, а на народное образование (в Приказ общественного призрения) – 4,5 %. Очевидно, что, предоставляя городам новые источники доходов, государство перекладывало на их бюджеты и содержание административных учреждений.

С увеличением городских средств усиливался надзор администрации за их использованием. Сфера деятельности «Комитета для уравнивания городских повинностей» постепенно расширялась; в его ведении оказались все денежные сборы, повинности и даже благоустройство Москвы. По мысли членов Комитета, из ведения Думы следовало вовсе изъять все финансовые дела. Во всеподданнейшем докладе за 1806 г. они писали по этому поводу: «Городская дума, составленная по силе Городового положения для предметов далеко не столь многосложных и для дел одного купечества, а не всех сословий, обязанных ныне повинностями к составлению столь знатной городской казны, никак не может управлять сим делом с надлежащею верностью и порядком». Опасаясь за

рациональное использование городских доходов, которые, как отмечалось в докладе, «установлены на предметы государственной потребности и службы», члены Комитета предлагали изъять их из ведения Московской думы, оставив ее «в том же составе и обязанности». Для управления городскими доходами предлагалось учредить постоянный комитет или городское правление в составе правительственных и выборных членов⁴⁵. Государственный Совет не поддержал предложение Комитета, признав его «несогласным с общим городским положением, по коему управление сей (финансовой – Л.П.) частью присвоено думе»⁴⁶.

В сферу деятельности Думы вторгались не только административные учреждения. Как уже отмечалось, большое влияние на городские дела оказывали органы купеческого самоуправления. В этот, не лучший для городского общественного управления период, развитие и благоустройство Москвы осуществлялось за счет казны, купеческого общества и частных лиц.

В первое десятилетие XIX в. начал действовать водопровод (в 1804 г.), построен новый Гостиный двор, закончено строительство каменного моста через Яузу, открыты многие благотворительные заведения. В их числе: Коммерческое училище и Практическая академия коммерческих наук, где получали образование будущие купцы, Александровское училище благородных девиц для дочерей купцов, священников и военных (до чина капитана) на 1400 рублей, пожалованные императором Александром I, Екатерининский институт (высшее училище для благородных девиц), Вдовый дом на Кудринской площади, Голицынская больница за Калужскими воротами по завещанию князя Д.М. Голицына и Мариинская больница, учрежденная по распоряжению Александра I, наконец, Странноприимный дом (богадельня) и больница графа Н.П. Шереметева на Сухаревской площади⁴⁷.

Развитие древней столицы было прервано Отечественной войной 1812 г.

7. Французский муниципалитет в Москве. 16 сентября – 10 октября 1812 г. Вступив 2 сентября в Москву, французы попытались ввести жизнь города в нормальное русло. По распоряжению Наполеона 16 сентября в Москве был образован муниципалитет или «Отеческое градское

---

⁴⁵ ПСЗ-1. Т. 29. № 22030. 23 февраля 1806 г. С. 91.

⁴⁶ Архив Государственного совета. Т. 3: Царствование императора Александра I. Ч. 1. 1801-1810 гг. СПб. 1878. Стлб. 162.

⁴⁷ Кондратьев И.К. Седая старина Москвы. М., 1997. С. 487-490.

правление»⁴⁸, размещавшийся в доме гр. Н.П. Румянцева на Маросейке. В его состав входили 66 человек иностранцев и русских. Многие упорно отказывались быть членами нового городского управления и вступали в должность лишь под угрозой расстрела «в пример другим». Члены муниципалитета получили охранные грамоты, им присвоены отличительные знаки, сходные с французскими, и назначено жалованье, которое должно было выплачиваться золотом⁴⁹.

При исполнении должности служащим муниципалитета предписывалось носить красную ленту через плечо, а городскому голове – еще и белый пояс. Их обязанности составляли: закупка провианта, содержание улиц и мостов, освещение, очистка города от трупов, надзор за богослужением, «наблюдение спокойствия и правосудия», размещение французских войск и др. Члены городского правления охотно исполняли обязанности по надзору за больничной частью и за восстановлением богослужения, но избегали участия в покупке провизии в качестве переводчиков⁵⁰. Подобное учреждение Наполеон ввел ранее и в Смоленске.

До 11 октября, когда французы, взорвав часть Кремля, покинули Москву, состоялось около 15 заседаний муниципалитета, что указывает на достаточно высокую степень активности этого учреждения. Однако в условиях хаоса, насилия и повсеместного мародерства, царивших в занятой французами столице, члены муниципалитета, несмотря на благие намерения многих из них, не могли стать защитниками москвичей. Из числа жителей, находившихся в Москве при вступлении французов⁵¹, к 11 октября осталось около 3 тыс. человек.

Уже в сентябре 1812 года Министерство полиции обнародовало «Предостережение», в котором грозило «произвести строгий и праведный

---

⁴⁸ Провозглашение. (Обращение к жителям Москвы интенданта или управляющего городом и провинцией Московскою Лессепса). 19 сентября (1 октября) 1812 г. // Отечественная война в письмах современников. 1812-1815 гг. /Сост. Н. Дубровин. М., 2006. С. 152-153.

⁴⁹ Как писал штаб-лекарь Московской управы благочиния И. Кульман, ставший членом муниципалитета потому, что «без хлеба умирать слишком страшно», французы давали «понемножку муки и мяса», а денег обещали много, но денег никому не хотелось, особенно бумажных (См.: Письма из эпохи 1812-1813 годов к М.А. Волковой. (Письмо И. Кульмана, 5 ноября 1812 г.) // Русский архив. 1887. № 2. С. 188.

⁵⁰ Бестужев-Рюмин А.Д. Записки Алексея Дмитриевича Бестужева-Рюмина. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году // Русский архив. 1896. № 7. С. 374; Мускатблит Ф.Г. Москва в 1812 г. // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 9. М., б.г. С. 84.

⁵¹ По одним сведениям в Москве оставалось 20 тыс., по другим – около 50-60 тыс. жителей. Очевидно, большинство из них покинули город, а многие погибли.

суд» над теми, кто сотрудничал с французами, так как «вступать в учреждаемые неприятелем должности – есть уже признавать себя ему подвластным, а не просто пленником»⁵². По требованию императора 16 октября 1812 г. ему представлен «Список лиц городского управления, во время пребывания французов в Москве». В феврале 1813 г. члены муниципалитетов Москвы и Смоленска⁵³ вместе с другими лицами, сотрудничавшими с неприятелем, были преданы суду, но по манифесту 30 августа 1814 г. все они, за редким исключением, получили прощение⁵⁴.

После отступления французов из Москвы на улицах города обнаружилось 11959 человеческих и 12576 лошадиных трупов. Город напоминал «черное большое поле со множеством церквей, а кругом обгорелые остатки домов»⁵⁵. Из 9158 жилых строений сгорело свыше 6,5 тыс., из 8,5 тыс. магазинов и лавок – 7,1 тыс. и пр. По официальным данным сумма убытков составила 320 млн. рублей⁵⁶.

8. Финансовое положение послевоенной Москвы. После освобождения столицы от неприятеля городские власти в краткие сроки провели очистку города. Уже в декабре 1812 г. возобновили работу все присутственные места, и жизнь в Москве стала оживать. Восстановление Москвы шло быстрыми темпами, но объем разрушений был так велик, что еще в 1819 г. оставалось свыше 300 обгоревших и не отремонтированных домов; следы московского пожара сохранялись и в 1826 г.

Освобожденная Москва находилась в таком бедственном положении, что до 1816 г. средства на содержание полиции и другие расходы города выделялись из государственного казначейства. Правительство компенсировало убытки москвичей, обеспечивало их хлебом, выделяло льготные ссуды на восстановление и строительство новых зданий.

В 1816 г. содержание полиции вновь возложено на городской бюджет, что заставило администрацию искать дополнительные источники доходов. С этой целью в 1816 г. учрежден особый «Комитет для изыскания

---

⁵² Цит. по: Мускатблит Ф.Г. Указ. соч. С. 85.

⁵³ 7 декабря 1812 г. П.Н Каверину было дано секретное предписание министра полиции А.Д. Балашова о сыске и доставке в Москву чиновников Смоленской губернии, сотрудничавших с французами (ОПИ ГИМ. Ф.368. Оп. 1. Д. 18. Л. 15-15 об.).

⁵⁴ ПСЗ-1. Т. 32. № 25671. 30 августа 1814 г.; К истории 1812 г. // Русский архив. 1866. № 5. Стлб. 695-700; Киселев Н.С. Дело о должностных лицах Московского правления, учрежденного французами в 1812 г. // Русский архив. 1868. № 6. С.881-903; Кольчугин Г.Н. Записка Г.Н. Кольчугина о 1812 г. // Русский архив. 1879. № 9. С. 45-62.

⁵⁵ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. 1. М., 1897. С. 119; Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С.148.

⁵⁶ Мускатблит Ф.Г. Москва в 1812 г. // Москва в ее прошлом и настоящем. Вып. 9.С. 100, 105.

способов к усилению городских доходов». В этом «Комитете» впервые обсуждался вопрос о необходимости введения оценочного сбора с недвижимого имущества, который мог бы обеспечить более справедливое распределение бремени городских налогов между жителями Москвы⁵⁷. Однако проведенная 1817 г. оценка недвижимого имущества, практического значения не получила. Источником пополнения городских средств стала сфера торговли.

По «Положению об акцизе с торгующих крестьян», утвержденным Комитетом министров 21 марта 1816 г., всем крестьянам и ямщикам разрешалось вести в Москве свободную торговлю, подобно купечеству и мещанам. Не менее значимым документом для усиления городского бюджета стало «Положение о гостиницах, кофейных домах, ресторациях, трактирах и харчевнях в С-Петербурге и Москве», принятое в феврале 1821 г.⁵⁸ Новые налоги и сборы по существовавшим ранее статьям позволили значительно увеличить доходы Москвы.

Новый этап в развитии финансов Москвы связан с деятельностью «Комитета для рассмотрения доходов и расходов Московской городской думы» (учрежден 16 октября 1820 г. под председательством генерал-губернатора кн. Д.В. Голицына)⁵⁹. В результате деятельности этого Комитета в 1823 г. поземельный сбор заменен 0,5 % сбором с недвижимой собственности. До конца XIX в. этот сбор оставался основным источником доходов Москвы. Кроме того, установлены городские налоги с купеческих свидетельств 1-3 гильдий в размере 0,25 % с объявленных капиталов (37,5, 15 и 6 рублей в год в зависимости от гильдии). Наконец, составлено «Положение о доходах и расходах московской столицы», которое представляло собой полный свод правил, касающихся финансов и общественного хозяйства Москвы (действовало до 1872 г.). Меры, принятые Комитетом, благотворно сказались на городских доходах Москвы.

Статьи доходов в 1823 г.	В рублях	В %
1. Сборы с обывателей, их домов и заведений	1372000	62,5
2. Сборы с промышленности и промышленников	545000	24,8
3. Сборы с взаимных актов и публичной продажи	92000	4,2
4. Окладные доходы (от питейного откупа, оброчных статей, городских бань и весов)	131000	6,0
5. Случайные доходы	55000	2,5
Всего доходов	2195000	100,0

⁵⁷ Щепкин М.П. Общественное хозяйство города Москвы. Ч. 1. Вып. 1. М., 1888. С. 114-119.

⁵⁸ ПСЗ-1. Т. 33. № 26205. Т. 37. № 28538.

⁵⁹ ПСЗ-1. Т. 37. № 28439.

Замена поземельного налога оценочным сбором с недвижимых имуществ позволила в 1823 г. резко увеличить поступления в городскую кассу, что вызвало более чем двукратный рост бюджета Москвы (с 951 тыс. в 1806 г. до 2195 тыс. рублей). В немалой степени этому способствовало и введение нового обложения торгово-промышленного населения. В бюджете 1823 г. налоги с недвижимых имуществ и торговли (статьи 1 и 2) составили, в общей сложности свыше 87 % всех городских средств. Остальные источники доходов, большинство из которых города получили вместе с Жалованной грамотой 1785 г., по сравнению с 1806 г. заметно сократились.

В 1823 г. городские средства расходовались на следующие цели:

Статьи расходов в 1823 г.	В рублях	В %
1. Содержание полиции (жалованье, отопление зданий), пожарных лошадей и др.	830574	40,0
2. Содержание жандармского дивизиона	95966	4,6
3. Содержание тюрем	21360	1,0
4. Содержание правительственных и городских учреждений	121624	5,9
5. Содержание казарм	478766	23,1
6. Расходы на богоугодные заведения	49990	2,4
7. Устройство и содержание мостов, дорог и бульваров	170000	8,2
8. На освещение города	146633	7,1
9. Наем домов и квартирные деньги гражданским и военным чинам	80000	3,8
10. Прочие расходы	81360	3,9
Всего расходов ⁶⁰	2076273	100,0

Роспись городских расходов позволяет заключить, что с не меньшей скоростью росли и многочисленные обязательства города перед казной. Расходы на общегосударственные нужды (содержание полиции, тюрем, отопление и освещение казарм, правительственных зданий и пр.) поглощали до 80 % всех средств, и на протяжении первой четверти XIX в. эта цифра не снижалась. С освобождением москвичей от «служб» по содержанию дорог и освещению города, расходы Думы по этим статьям заметно выросли, что стало причиной сокращения ассигнований на школы,

⁶⁰ В 1820-е гг. курс ассигнационного рубля по отношению к серебряному колебался в пределах 4-3,5, а в 1839 г. установлен постоянный курс: 3,5 рубля ассигнациями за серебряный рубль. Если исходить из такого расчета, то доходы Москвы в 1823 г. составляли 627142 серебряных рублей.

богадельни и другие богоугодные заведения до 2,4 % (в 1780-е гг. они превышали 8,5 %). Очевидно, что принятых мер было явно недостаточно для развития городского хозяйства.

В первой четверти XIX в. усилия законодателей в отношении городов были сосредоточены преимущественно на решении финансовых задач. Вопрос о коренном преобразовании всей системы городского управления и хозяйства стал предметом обсуждения только в 1820-е гг. Важнейшим результатом деятельности правительства Александра I в отношении городов стало освобождение городского населения от большинства натуральных повинностей, берущих свое начало с глубокой древности. Что касается конкретных мер, принимаемых для развития городских финансов, то в столицах они привели к заметному росту доходов, но не сделали городские бюджеты бездефицитными.

9. Управление и финансы Москвы во второй четверти XIX в.

В 1830-е годы бюджет Москвы, как и бюджеты многих российских городов, был дефицитным. Так, по смете 1832 г. расходы превышали доходы на 400 тыс. рублей (3 млн. против 2,6 млн. рублей ассигнациями). Хронический дефицит бюджета стал причиной создания в 1832 г. «Комитета для устройства хозяйства Московской городской думы» (работал до 1836 гг.) под председательством военного генерал-губернатора кн. Д.В. Голицына. Комитету, состоявшему из двух сенаторов, губернатора, предводителя дворянства и двух депутатов (от дворян и от Думы), предстояло найти способы увеличить доходы столицы. В решении финансовых проблем Комитет прибегнул к испытанному способу: предложил повысить некоторые сборы и ввести новые налоги.

В соответствии с рекомендациями Комитета в 1836 г. введены налоги с магазинов, лавок, постоянных дворов и товаров, провозимых через московскую таможню; установлен сбор с фабрик и заводов (по одному рублю за каждого рабочего)⁶¹. Кроме того, введен специальный сбор на обслуживание Мытищинского водопровода, которым облагались владельцы домов и другой недвижимой собственности. В результате в 1840 г. городские доходы превысили 1200 тыс. рублей серебром⁶².

В 1840-е гг. правительственная политика в отношении городов получила новое направление: было признано, что улучшить финансовое положение городов и поднять благосостояние населения можно лишь путем усиленного развития торговли и промышленности. К 1853 г. бюджет Москвы был сбалансирован в доходной и расходной части и составлял

---

⁶¹ ПСЗ-2. Т. 11. № 8942. 4 марта 1836 г.; Варадинов Н. Указ. соч. Ч. 3. Кн. 1. С. 443-444; Ч. 3. Кн. 2. 393.

⁶² Гастев М. Статистическое описание г. Москвы. Ч. 1. М., 1841. С. 233-235.

1,7 млн. рублей серебром, или 17 % от совокупного городского бюджета России (от 10 млн. рублей). В этом отношении первопрестольная столица уступала только Петербургу, доходы которого приближались к 2,4 млн. рублей.

На благоустройство и развитие городского хозяйства казна выделяла специальные средства. Так, в 1849 г. около 1 млн. рублей было ассигновано на столицы и Одессу и 250 тыс. на строительные работы в других городах. В Петербурге значительные суммы израсходованы на очистку реки Фонтанки и строительство набережной, а также устройство «в виде опыта» спиртового освещения в 500 уличных фонарей; в Москве за счет казенного пособия завершена отделка съезжего дома и исправлен водопровод⁶³. Водоснабжение Москвы было предметом постоянных забот администрации. В 1826-1835 гг. проведены работы по реконструкции Мытищинского водопровода; в 1853-1858 гг. в связи с быстрым ростом населения Москвы этот старейший водопровод подвергся новой реконструкции, стоившей казне свыше 1,5 млн. рублей. Таким образом, рост доходов и благоустройство городов были, в значительной мере, результатом деятельности правительства, а не общества. В таких условиях вполне естественно, что не выборные учреждения, а разного рода ведомства, комиссии и комитеты распоряжались городскими доходами и землями, занимались решением хозяйственных вопросов. Больницы, училища, приюты, богадельни и другие благотворительные заведения, а также казенные здания, водопроводы, сады и скверы – все это находилось в ведении или Приказа общественного призрения и Ведомства императрицы Марии, или различных министерств и ведомств, которые не были подотчетны городу. Органы общественного управления выделяли средства на содержание городских учреждений, но не могли проконтролировать их использование.

10. Отношение к выборной службе в первой половине XIX в.

В первой половине XIX в. городская выборная служба оставалась обязательной, тяжелой и не престижной. Не случайно, в 1824 г. по гильдейской реформе министра финансов Е.Ф. Канкрин ввела четкая градация выборных должностей, а их исполнение связывалось с той или иной группой торгово-промышленного населения. По городскому управлению купцы 1-й гильдии обязаны были принимать на себя только должность городских голов; купцы 2-й гильдии – бургомистров и ратманов; купцы 3-й гильдии – городских старост, членов шестигласных дум и депутатов при разных местах; «во все прочие низшие должности

---

⁶³ Краткий обзор правительственных действий Министерства внутренних дел за 1849 год. Из всеподданнейшего отчета господина Министра. СПб. 1850. С. 74-75.

избираются мещане, когда купцы не пожелают принять их»⁶⁴. Право купцов 1 и 2 гильдий отказаться от избрания в шестигласные думы снижало значение этих учреждений еще на один «градус». Об участии в них дворян и «именитых граждан», как предусматривалось Жалованной грамотой городам, уже не было и речи. По оценке П.Г. Рындзюнского, принятием этого закона «правительство, в сущности, покончило с идеей всесословного представительства в городах»⁶⁵. С этого времени, даже в столицах, шестигласные думы избирались только из купцов 3-й гильдии и мещан. В 1840-е гг. в Петербурге и в Москве, шестигласные думы состояли из 4-х купцов 3-й гильдии, мещанина и цехового; общих дум к этому времени не было нигде⁶⁶.

В 1842 г. в Петербурге для исполнения различных общественных должностей было избрано в общей сложности 570 человек (237 купцов и 333 мещан и цеховых), в том числе 38 городских гласных. На практике никакого особого учреждения эти гласные не составляли, а исполняли отдельные поручения Шестигласной думы. По материалам ревизии общественного управления Москвы в 1840-е гг. в древней столице избирателей было больше, чем в Петербурге, но москвичи также не отличались высокой избирательной активностью. В московских городских выборах участвовало 2,5 % избирателей из купцов и не более 0,5 % из мещан⁶⁷. В 1855 г. в первопрестольной столице насчитывалось 28227 избирателей, в том числе 2874 купца, 21060 мещан и 4293 ремесленника, которые выбирали соответственно, 122, 80 и 67 депутатов различных учреждений⁶⁸.

Особое место в иерархии выборных должностей занимала должность городского головы. На нее избирались наиболее уважаемые и состоятельные купцы. Лица, занимавшие эту ключевую в городском управлении должность, были связующим звеном между администрацией и городским обществом. Чаще всего, именно головы выступали инициаторами сбора денежных средств на создание учебных и благотворительных учреждений, и первыми жертвовали крупные суммы, обращались с просьбами к губернаторам о передаче городам казенных

---

⁶⁴ ПСЗ-1. Т.39. № 30115. §§ 30-33. 14 ноября 1824 г.

⁶⁵ Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 128.

⁶⁶ Дитятин И.И. Из истории «жалованных грамот» // Статьи по истории русского права. СПб. 1895. С. 142; Справочник: Москва. Городское управление. М., 1997. С. 193.

⁶⁷ Петербургская городская дума. 1846-1918. СПб. 2005. С. 10; Дитятин И.И. Из истории «жалованных грамот» // Статьи по истории русского права. СПб. 1895. С. 142-143.

⁶⁸ Ионова В.В. Из истории формирования общественного самоуправления в России: Дом московского градского общества // Государственное и муниципальное управление: теория, история, практика. Материалы шестой межвузовской научно-практической конференции. Иваново, 1998. С.89.

зданий, сотрудничали с администрацией во время подготовки праздников, борьбы с эпидемиями и пр. Особенно значительной была их роль в Москве. Так, в 1802 г. благодаря ходатайству городского головы М.П. Губина купеческое общество получило здание упраздненного Андреевского монастыря, где открыло первую в Москве крупную общественную богадельню. Губину принадлежала идея создания коммерческого училища (открыто в 1804 г.); он же стал автором устава этого училища, предусматривавшего получение учащимися широкого образования⁶⁹.

Настоящим патриотом Москвы и России был А.А. Куманин, городской голова в 1811-1813 гг. В 1812 г. на военные нужды он отдал половину своего капитала (50 из 100 тыс. рублей), крестясь и говоря: «Мне дал их Бог, а я отдаю их Отечеству». После освобождения Москвы при нем проводились самые срочные и неотложные меры, необходимые для нормализации жизни города. Большим уважением москвичей пользовался и городской голова М.И. Титов, немало сил положивший в 1814-1819 гг. на восстановление столицы и увеличение городских доходов (он участвовал в работе всех комиссий и комитетов, созданных для этих целей после 1812 г.). В числе первых купцов Титов послал своих детей учиться за границу. Император Николай I одобрил эту поездку, сказав, что нужно учиться у иностранцев, но «учиться доброму, а не худому». В 1831 г. на этот сюжет была даже выпущена лубочная картинка⁷⁰.

В историю Москвы 1840-х гг. вошел городской голова А.П. Шестов. Тогда в древней столице велось большое строительство, и на этой почве возникали злоупотребления, с которыми глава города энергично боролся. Он добился права участвовать в работе строительной комиссии, что позволило контролировать расходование городских средств. Всея Москве было известно дело о поставке в армию партии бумажных касок, когда только решительное вмешательство Шестова помогло раскрыть эту махинацию (взламывал в комиссариате каски и вместо кожи находил внутри бумагу)⁷¹.

Лица, занимавшие столь высокую выборную должность, пользовались уважением горожан, их заслуги отмечала верховная власть, награждая орденами и даже дворянством.

---

⁶⁹ История Московского купеческого общества. Т. 4. Вып. 1. М., 1914. С. 43-47; Кошман Л.В. Московское коммерческое училище // Вопросы истории. 1983. № 1. С. 186-189.

⁷⁰ Титов Н. Московский градский голова М.И. Титов (1767-1835) // Русский архив. 1914. № 12. С. 478-493.

⁷¹ Ушаков А.С. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. Вып. 2. М., 1866. С. 3-24.

* * *

Конкретный материал об организации общественных учреждений Москвы в XVIII – первой половины XIX в. и их финансового положения позволил выявить характерные черты процесса становления городского общественного управления этого периода. В первую очередь следует отметить, что общественные учреждения находились в ведении торгово-промышленных слоев населения, которые относились к выборной службе, как к неизбежной повинности; престижной считалась только должность городского головы. Не менее важно и то, что в связи со слабым экономическим развитием русских городов, включая столицы, их бюджеты формировались путем передачи городам части общегосударственных доходов, а благоустройство осуществлялось за счет ассигнований из государственной казны. Финансовая зависимость общественных учреждений от администрации ставила их под жесткий контроль со стороны различных министерств и ведомств, которые распоряжались скудными городскими бюджетами, возлагая на них содержание общегосударственных структур и учреждений. В Москве, в силу ее политического и экономического статуса, эти черты городского общественного управления России проявились с полной определенностью. Не случайно, второй реформой, после отмены в 1861 г. крепостного права, стало преобразование общественного управления Москвы, разработанное по инициативе и с участием москвичей.

МОСКВА – ПЕРВОПРЕСТОЛЬНАЯ СТОЛИЦА ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Шевырёв А.П.

Московский государственный университет

Важнейшей функцией Москвы, обеспечивающей ее формальный статус столицы Российской империи, было то, что она служила местом проведения коронаций. Однако ее внешний облик мало походил на столицу европейской монархии, какой презентировало себя российское самодержавие в XVIII и XIX вв. Екатерина II и ее преемники прилагали усилия к тому, чтобы придать Москве современный столичный облик. Однако созданные Екатериной органы городского управления были недостаточно эффективными для решения этих задач. Тем не менее, с каждым десятилетием Москва укрепляла свой статус национального центра страны.

Ключевые слова: Москва, столица, коронации, городское благоустройство, городское самоуправление, градостроительство.

MOSCOW – THE MOTHER SEE OF THE CAPITAL OF THE EMPIRE IN THE SECOND HALF OF XVIII – FIRST HALF XIX CENTURY

Shevyrev A.P.

Moscow State University

The main function of Moscow as a formal capital of the Russian Empire was being a place of coronations. Though the Russian autocracy presented itself as a European monarchy the shape of Moscow did not correspond an image of European capital. Catherine II and her successors made efforts to give Moscow a modern metropolitan image. However, institutes of municipal government, established by Catherine II, were not effective enough to achieve this goal. Nevertheless, decade by decade Moscow strengthened its status of a Russian national center.

Kew words: Moscow, capital, coronations, municipal services, municipal self-government, urban planning.

В 1844 г. В.Г. Белинский отмечал исключительное положение Москвы, что выражалось в том, что она «соединила в себе тройственную идею Оксфорда, Манчестера и Реймса». Раскрывая эту мысль, он продолжал: «Москва – город промышленный. В Москве находится не только старейший, но и лучший русский университет, привлекающий в нее

свежую молодежь из всех концов России»⁷². Об идее Реймса Белинский не сказал ни слова. Тем не менее, это была важнейшая функция Москвы на протяжении XVIII и XIX веков, обеспечивающая ей формальный статус столицы Российской империи, столицы первопрестольной.

Коронации являлись хотя и редкими, но самыми важными государственными церемониями. Помимо своего сакрального значения, коронации служили политическими и идеологическими манифестами нового царствования. В условиях неустойчивости трона в XVIII веке каждая коронация, по наблюдению Ричарда Уортмана, была «неотложной потребностью нового правления, и приготовления к ней начинались сразу же после захвата власти». Коронации становились важнейшими актами в каждом сценарии власти. «Екатерина была представлена как гуманная императрица, чье правление должно отличаться состраданием и разумом». Коронация Павла представляла «образ и модель власти, которая должна была внести в государство порядок». Коронацией Александра открывался «сценарий доброго и кроткого монарха, который правит своими подданными, непритворно заботясь об их благоденствии». Наконец, коронация Николая, писал Уортман, была первой коронацией с привлечением народа и с введением нового ритуала тройного поклона народу с Красного крыльца. Этими новшествами она возвещала «об исторических связях монарха с его народом»⁷³.

Коронация требовала организации подходящего пространства, достойного для демонстрации имперского величия и перед иностранцами, и перед собственной элитой, а впоследствии, и перед народом. Центром коронации был Успенский собор, местом же торжеств в день коронации был весь Кремль. Однако пространство коронационных торжеств выходило далеко за пределы кремлевских стен. Не были они и однодневным актом, а длились по несколько недель, а то и месяцев.

Важнейшими актами коронационного сценария за пределами самой коронации были торжественный въезд монарха в Москву и народный праздник. Коронации Павла I, проходившей на Пасху, предшествовала глубоко символическая церемония торжественного въезда в Москву, состоявшаяся в Вербное воскресенье, и таким образом «коронационные торжества презентировали Павла как высшего религиозного лидера, одаренного от небес знаками христианского предназначения»⁷⁴. В коронации Екатерины II важную роль играли праздничные увеселения, которые продолжались восемь дней и демонстрировали как великолепие

---

⁷² Белинский В.Г. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 7. М.: Художественная литература, 1981. С. 154–155.

⁷³ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. С. 129, 157, 233, 263, 372.

⁷⁴ Там же. С. 237.

двора, так всенародное одобрение императрицы. Народный праздник проходил на Красной площади, где били фонтаны белого и красного вина, а для угощения выставлялись жареные быки. Ночью же в день коронации Екатерина инкогнито выходила на Красную площадь полюбоваться иллюминацией, но «народ узнал ее и приветствовал громким ура, пока она не удалилась во внутренние покои»⁷⁵.

Вне коронационных торжеств монархи во второй половине XVIII и в первой половине XIX веков были нечастыми гостями Первопрестольной. Екатерина II бывала в Москве в основном проездом – лишь в 1775 году она приехала в первопрестольную специально для празднования заключения Кючук-Кайнарджийского мира. Однако пребывание монархов во время коронации длилось порой неделями и даже месяцами. Екатерина II, прибыв в Москву на коронацию, провела здесь целых девять месяцев.

За это время она смогла вдоволь насмотреться на Москву и проникнуться к ней презрением. В Первопрестольной столице не было даже приличной императорской резиденции: во время приездов в Москву императрицы останавливались либо в поновляемых палатах ветшавшего кремлевского дворца, либо в Лефортовском и Слободском дворцах, которые не отличались ни величием, ни комфортом. Построенные уже в царствование Екатерины II Пречистенский и Коломенский дворцы ни в коей мере не удовлетворяли требованиям монаршей резиденции, а грандиозный классицистический проект кремлевского дворца В.И. Баженова не был осуществлен. В Москве Екатерину раздражало не только физическое состояние города с его бескрайними пространствами, но и его непросвещенность. В своих «Размышлениях о Петербурге и Москве» она называла Москву «столицей безделья», ее возмущала «грязь в домах, площади которых огромны, а дворы грязные болота», она отмечала, что «никогда народ не имел перед глазами больше предметов фанатизма, как чудотворные иконы на каждом шагу, церкви, попы, монастыри, богомольцы, нищие, воры, бесполезные слуги в домах»⁷⁶.

С одной стороны, раздражение Екатерины можно отнести к особенностям восприятия большого русского города глазами иностранки из маленького немецкого княжества. Но с другой – Москва к середине XVIII века отразила в себе следствие того застоя, в который она погрузилась в петровское время и пребывала в последующие десятилетия.

Власть забросила древнюю столицу, окончательно перебравшись в северный парадиз. Князь М.М. Щербатов писал в 1787 году о ее

---

⁷⁵ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. С. 163.

⁷⁶ Екатерина II. Размышления о Петербурге и Москве // Записки Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 652.

«восьмидесятичетырехлетнем забвении»⁷⁷. Но при этом Москва представляла собой многонаселенный город и воспринималась и в народе, и среди элиты сердцем страны. Его населяли отставные сановники, фрондирующие аристократы, зимой в нее перебирались провинциальные помещики. Отличительной особенностью Москвы, которая могла бы поддержать ее столичный характер, было присутствие в городе тонкого слоя самой богатой знати, которая задавала тон всей московской жизни. Однако, по мнению американского исследователя Александра Мартина, именно доминирование знати в публичной жизни, ее щедрое гостеприимство, покровительство искусствам имело следствием весьма существенное ограничение публичного пространства в городе: «В начале XIX века в Москве имелся только один театр, а зарубежные посетители отмечали ничтожно малое количество публичных развлечений» и «возмущались тем, что в городе слишком мало гостиниц, а те, которые есть, – грязные и чрезмерно дорогие»⁷⁸.

Хотя большую часть XVIII столетия Москва и пребывала в забвении, российские монархи все же сознавали несоответствие ее облика столичному статусу. Превращение Москвы в настоящий столичный город стало одной из задач власти, начиная со второй половины XVIII века. Екатерина II прикладывала немалые усилия к тому, чтобы устранить те негативные черты города, которые делали его ненавистным для императрицы. Эти усилия, по мнению А. Мартина, «преследовали двоякую цель: преобразовать Москву в соответствии с принципами просвещения» и осуществить то, что он сам назвал «имперским социальным проектом». Конечной его целью должно было стать создание «городского «среднего рода людей», который бы разделял ценности ее режима и поддерживал его политику». Преобразованием пространства Москвы и ее социального строя она надеялась превратить город в «просвещенный метрополис»⁷⁹.

Важной предпосылкой для обретения Москвой подлинного столичного статуса было сохранение за Москвой некоторых столичных функций, что в свою очередь было обусловлено ее географическим положением, а точнее ее нахождением в центре исторически сложившейся системы коммуникаций. В 1775 году вокруг города действовало 8 главных и 9 малых застав, при этом от главных застав отходило 12 дорог во все стороны света⁸⁰. Благодаря этому Москва сохраняла за собой значение

---

⁷⁷ Щербатов М.М. Прошение Москвы о забвении ее // Он же. Сочинения князя М.М. Щербатова. Том второй. Статьи историко-политические. СПб., 1898. С. 63.

⁷⁸ Мартин А. Просвещенный метрополис: Созидание имперской Москвы, 1762–1855. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 195.

⁷⁹ Мартин А. Указ. соч. С. 25.

⁸⁰ Рубан В.Г. Описание Императорского, столичного города Москвы. СПб., 1782. С. 148–154.

центра внутренней торговли страны. Этому же обстоятельству Москва во многом обязана тем, что стала университетским центром. Удобство коммуникаций оставляло за Москвой роль религиозного центра (в городе было 14 мужских и 7 женских монастырей, а в 1847 г. было 388 церквей, при том, что в Петербурге было 169 храмов, а в других городах меньше ста⁸¹), а также местом размещения значительного гарнизона. У Москвы было немало предпосылок для того, чтобы оставаться второй столицей империи.

Чего ей существенно недоставало для того, чтобы быть столичным городом – это качественных черт внешнего облика. Если Петербург служил великолепной витриной европейской империи, то Москва совсем не походила на современный европейский город. Описывая ее в 1811 г., К.Н. Батюшков называет ее «большим провинциальным городом», в котором можно наблюдать «чудесное смешение зелени с домами, цветущих садов с высокими замками древних бояр; чудесную противоположность видов городских с видами сельскими»⁸². Усадебная застройка даже центральных улиц⁸³, обилие садов, огородов, выгонов, преобладание деревянной застройки над каменной (в 1796 г. из 9140 домов каменных было всего 2012, или 22%⁸⁴) – все это служило основанием для Москвы отвечать расхожему определению «большой деревни». Своим образом столичного города она все более и более уступала Петербургу.

Не соответствовал столичному уровню, а тем более образу европейского города и уровень благоустройства. Если в отношении ольфакторных качеств Москва имела некоторые преимущества перед европейскими столицами благодаря климату и невысокой плотности населения при том, что самими горожанами вонь воспринималась как привычный фон (хотя в восприятии провинциалов Москва была довольно вонючим городом⁸⁵), то по другим параметрам, таким как снабжение чистой водой, освещение, безопасность, она заметно отставала от европейских городов. Большой городской проблемой, чреватой санитарным неблагополучием, был недостаток чистой воды. Строительство Мытищинского водопровода должно было решить эту

---

⁸¹ История Москвы с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Т. 2: XIX век. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», АО «Московские учебники и картолитография», 1997. С. 12.

⁸² Батюшков К.Н. Прогулка по Москве // Он же. Сочинения. М.; Л.: Academia, 1934. С. 299, 305.

⁸³ Кулакова И.П. История московского жилья. М.: ОГИ, 2006. С. 45.

⁸⁴ История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1: XII – XVIII века. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», АО «Московские учебники и картолитография», 1997. С. 287.

⁸⁵ См.: Мартин А. Указ. соч. С. 64–65.

проблему, но его строительство затянулось на четверть века, и он вступил в строй только в 1804 г., а уже через два десятилетия из-за выхода части труб из строя, он стал вместо воды из мытищинских источников подавать грунтовые воды из Сокольников. Но и после ремонта водопровода в 1835 г. Москва не получала того объема воды, которое было запланировано еще Екатериной II. К тому же состояние водопровода вскоре снова ухудшилось, и к 1848 г. потребление чистой воды снизилось до 4 литров в день на человека, в то время как в Париже к этому времени ежедневный уровень водоснабжения вырос до 100 литров⁸⁶. Вода подавалась в фонтаны, из которых черпали ее водовозы и развозили по домам.

До середины XVIII века ночь погружала город в полную тьму. Проблемы ночного освещения напрямую были связаны с проблемой безопасности, тем более что полицейское присутствие на улицах города ограничивалось лишь нахождением стражников при рогатках, преграждавших всякое ночное движение. В начале царствования Екатерины II Москва освещалась всего 600 масляными фонарями, которые как по расстоянию между ними, так и по мощности светового излучения могли служить лишь путеводными ориентирами на больших улицах. По реформе 1782 г. обязанность освещения улиц по ночам возлагалась на созданную управу благочиния, и к 1800 г. их насчитывалось уже 6559⁸⁷.

Одним из главных рычагов переустройства облика Москвы, соответствующего статусу столичного города, были градостроительные реконструкции. В 1762 г. была учреждена «Комиссия о каменном строении Санкт-Петербург и Москвы», но ее деятельность видимых плодов не принесла. В 1774 г. Екатерина II учредила Особый, или Отделенный, департамент этой комиссии в качестве ее московского отделения, и годом позже департаментом был представлен Генеральный план Москвы, предусматривавший в соответствии с классицистической концепцией пространства снос крепостных стен, разбивку бульваров, создание площадей, спрямление улиц⁸⁸. Этот план был осуществлен лишь частично (снос стен Белого города, создание ряда площадей по их линии, разбивка Тверского бульвара, прокладка Водоотводного канала), но «идеи этого первого проектного плана легли в основу последующих архитектурных разработок, которые претворялись в жизнь уже после пожара Москвы 1812 г.»⁸⁹.

---

⁸⁶ Мартин А. Просвещенный метрополис: Созидание имперской Москвы, 1762–1855. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 70–71.

⁸⁷ История Москвы с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. С. 290.

⁸⁸ Домшлак М.И. Очерк градостроительной истории Москвы // Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М.: Искусство, 1982. С. 141–145.

⁸⁹ Клименко Ю.Г. Пространство города эпохи Просвещения в первом проектном плане Москвы 1775 г. // Пространство и время. 2013. № 4 (14). С. 144.

Именно катастрофа, произошедшая с городом во время наполеоновского нашествия, предопределила его быструю реконструкцию. Во-первых, уничтожение более 70% жилых домов открывало широкий простор градостроительному проектированию, а во-вторых, сакрализация Москвы, закрепление за ней статуса национального центра империи делала необходимым придание ей столичного облика. В 1817 году «Комиссия для строений в Москве», созданная вскоре после окончания войны, представила свой генеральный план, который и осуществлялся на протяжении последующих десятилетий. Облик Москвы, особенно ее центральной части, изменился весьма существенно. В центре города, вокруг Кремля и Китай-города сложилась система парадных площадей, и их большие пространства придали городу «масштабность, регулярность и торжественность»⁹⁰. Река Неглинная, протекавшая вдоль северо-западной стены Кремля, была заключена в трубу, и над ее руслом был разбит Александровский сад. Ров вдоль северо-восточной стены, со стороны Красной площади, был засыпан. Сама площадь получила классицистическое здание Верхних торговых рядов и памятник Минину и Пожарскому. За Александровским садом был построен огромный Манеж. Эти сооружения вместе с реконструированным и заново построенным зданиями Университета, Благородным собранием, Большим и Малым театрами, а также с частными домами, построенными в стиле «московского ампира» придавали облику города определенное единство. Если к этому добавить завершение оформления бульваров на месте Белого города, снос стен Земляного города, то можно, пожалуй, признать, что это время было эпохой наиболее гармоничного градостроительного развития Москвы, годами, когда «город на короткое время превратился в единую систему, как мечталось еще классицистам XVIII века»⁹¹.

Столичный облик Москвы нуждался не только в архитектурном обрамлении, но и во внутреннем благоустройстве. Важную роль на пути создания благоприятных условий санитарной и полицейской безопасности должны были играть реформы управления. Губернская реформа 1775 г., Устав благочиния 1782 г., Жалованная грамота городам 1785 г. как составные части «имперского социального проекта» Екатерины II предписывали определенные стандарты благоустройства и безопасности, а также должны были привлекать к благоустройству в городах силы, наиболее в нем заинтересованные.

Как административная единица Москва выделялась среди других городов в силу как своего формального столичного статуса, так и

---

⁹⁰ Турчин В.С. Александр I и неоклассицизм в России. Стиль империи или империя как стиль. М.: Издательство «Жираф», 2001. С. 339.

⁹¹ Домшак М.И. Очерк градостроительной истории Москвы. С. 162.

реального административного, экономического и культурного веса. Уже само положение генерал-губернатора в общей системе управления отличалось от наместников других губерний. «Несмотря на жившее в государях чувство отчуждения к их древней столице, – писал главнокомандующий Москвы Ф.В. Ростопчин, – они из политических видов относились к ней самым внимательным образом. Генерал-губернатором Москвы был всегда кто-нибудь из прежних главнокомандующих, а часто и фельдмаршал. Он имел право сноситься непосредственно с государем; дом, в котором он жил, был лучшим в городе; для домашнего употребления имел великолепную посуду от двора. В военное время каждый раз, когда надо было извещать о победе, отправлялся из Петербурга курьер с рескриптом генерал-губернатору, заключающим в себе лестные для Москвы выражения. При каждом восшествии на престол посылался туда кто-либо из выдающихся офицеров, чтобы возвестить об этом событии»⁹².

В Москве находились некоторые учреждения, относящиеся к ведению центрального управления. В Кремле было выстроено здание Сената, где разместились три департамента этого высшего судебного учреждения империи. В Москве располагались сенатский архив и сенатская типография, а также архив старых дел. Святейший Синод имел свое представительство в Москве в лице Синодальной конторы, ведавшей кремлевскими соборами и ставропигиальными монастырями и другими церковными учреждениями. Нахождение Москвы в центре поместного землевладения обусловило изначальное размещение здесь Вотчинной коллегии, реорганизованной в 1786 г. в Вотчинный департамент.

Во всем остальном Москва была губернским городом, и «благочиние, добронравие и порядок» должны были поддерживаться полицейскими властями города и губернии. Но в городском законодательстве Екатерины II появляется новый фактор городского благочиния – «градское общество», которое в Жалованной грамоте «приобретает более четкие черты как новый социально-правовой институт, определяется его состав, права членов общества, главным из которых было право участия в выборах органов общественного городского управления»⁹³. Градское общество, подразделенное на шесть разрядов, выбирало по разрядам Общую городскую думу, которая в свою очередь избирала Шестигласную городскую думу, занимавшуюся текущими делами городского самоуправления.

---

⁹² Ростопчин Ф.В. Записки о 1812 годе // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 258.

⁹³ Кошман Л.В. Город пореформенной России: социокультурные и правовые аспекты. Учебное пособие для студентов университетов и высших учебных заведений гуманитарного профиля. М.: Издательство Московского университета, 2018. С. 30.

Несмотря на широкое привлечение горожан к участию в управлении городом, перемены в городском благоустройстве по инициативе городских дум были малозаметны. Реальной властью в городе по-прежнему «обладали не шестигласные думы во главе с городскими головами, а полицейские учреждения и бюджетные комитеты (созданы в 1802 г.), ведавшие распределением городских средств»⁹⁴. Л.Ф. Писарькова объясняет это «и жестким контролем со стороны администрации», «и несовершенством самого закона, и неготовностью общества к совместной деятельности, и воспитанным вековой практикой страхом перед каждым административным лицом и учреждением», а также «законодательной неопределенностью сферы деятельности городских дум»⁹⁵. Скромным оказывался и бюджет городских дум, складывающийся из доходов от малочисленных городских предприятий, лицензий на ловлю рыбы, незначительной доли доходов от таможенных пошлин, винной монополии, штрафов.

Тем не менее на протяжении первой половины XIX века Москва продвинулась вперед в своем развитии. В 1830-х годах А.С. Пушкин, отметив упадок Москвы аристократической, указывает на ее процветание в других отношениях: «промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством. С другой стороны, просвещение любит город, где Шувалов основал университет по предначертанию Ломоносова»⁹⁶. Об этом же писал и цитированный в начале этой статьи В.Г. Белинский, который вряд ли мог быть знаком с неопубликованным очерком Пушкина.

К середине XIX века Москва была крупным промышленным центром с развитым хлопчатобумажным производством. В начале 1830-х годов в «Статистической записке о Москве» Андросов насчитывал 135 хлопчатобумажных мануфактур на которых работало свыше 19 тыс. рабочих⁹⁷. Помимо этой, самой развитой отрасли московской промышленности, в городе работали предприятия шелкового, суконного, бумажного, табачного, парфюмерного, свечного, металлического производства. Всего Андросов насчитывал 1 124 мануфактуры с 24 700 рабочими и 3 257 ремесленных заведений с 20 400 работниками⁹⁸.

---

⁹⁴ Писарькова Л.Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 3. С. 32.

⁹⁵ Там же. С. 28.

⁹⁶ Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 7. Л., 1978. С. 190.

⁹⁷ Андросов В.П. Статистическая записка о Москве. М., 1832. С. 158.

⁹⁸ Там же. С. 180–181.

Как торговый центр Москва по объему оборотов уступала только Нижегородской ярмарке, но в отличие от нее торговля в столице велась круглый год. В 1845 г. Журнал Министерства внутренних дел называл Москву «главным Гостиным двором» страны, в который стекались «все богатства нашей торговой мены с Европой и Азией с тем, чтобы потом растекаться оттуда по внутренности империи»⁹⁹. Роли Москвы как центра транзитной торговли открывало широкие перспективы железнодорожное строительство. С вводом в строй Петербурго-Московской железной дороги устанавливалась самая быстрая и достаточно значительная по грузоподъемности связь Москвы с Петербургом – главным внешнеторговым центром страны, что усиливало экономическое значение обеих столиц.

К середине XIX столетия значительно расширилась в Москве сеть учебных заведений, как сословных, так и всесословных. Университетская реформа 1835 года значительно укрепляла материальную базу университетов, хотя и лишала их при этом значительной доли автономии, дарованной уставом 1804 г. Реформирование Московского университета в 1835 г. совпало с назначением попечителем московского учебного округа графа С.Г. Строганова, одного из разработчиков проекта устава, и «строгановские времена», длившиеся до его отставки в 1848 г., стали временем расцвета университета. Другим высшим учебным заведением в Москве была Медико-хирургическая академия до ее слияния в 1845 г. с медицинским факультетом университета.

Средние учебные заведения в Москве были представлены основанным в 1833 г. Дворянским институтом, четырьмя гимназиями (Четвертая была учреждена в 1849 г. вместо упраздненного Дворянского института), Московской духовной семинарией, Первым, Вторым и Александринским сиротским кадетскими корпусами, Екатерининским женским институтом, полутора десятком частных пансионов. Несколько десятков уездных, начальных, монастырских благотворительных училищ давали детям лиц низших сословий начальное образование.

Важную роль в поддержании благочиния в Москве играло строительство казарм. До царствования Павла I войска в Москве размещались на постое. Это была одна из самых тяжелых повинностей для городских обывателей. Поэтому начавшееся с 1798 г. строительство казарм за счет города явилось для горожан меньшим бременем, нежели содержание солдат в собственных квартирах. Строительство новых зданий, перестройка старых, в том числе дворцовых и музейных сооружений, позволило перевести московский гарнизон на казарменное положение и

---

⁹⁹ Цит. по: История Москвы в шести томах. Т. 3. Период разложения крепостного строя. М., 1954. С. 256.

превратить Москву если не в «военную столицу», подобную Петербургу, то по крайней мере в крупный военный центр.

В первой половине XIX века развивалось публичное пространство города, отсутствие которого в сравнении с Петербургом было заметно в XVIII столетии. Открытие в 1824 г. Малого театра, более доступного в сравнении с Большим для широкой публики как по цене, так и по репертуару, привлекло в зрительный зал «средний род людей», а Театральную площадь, благоустроенную после заключения реки Неглинки в трубу, превратило в редкий для Москвы законченный архитектурный ансамбль. Публичным местом для городской публики становится университет, где проводятся публичные чтения его профессоров. Местами общественных собраний являлись Английский и Немецкий клубы, Купеческое собрание. Чтение газет и обсуждение новостей в кофейнях становилось все более распространенным досугом просвещенной публики.

Однако по справедливому наблюдению А. Мартина, отставание Москвы от европейских столиц только увеличилось: «город так и не перешел с масляного освещения на газовое», «Москва не имела современного решения таких проблем, как водоснабжение и вывоз отходов», «широкая система публичных школ так и не была создана»¹⁰⁰. Решение этих проблем все в большей степени требовало эффективного муниципального руководства, а оно оставалось почти исключительно в руках полицейских властей, подозрительно относившихся ко всяким общественным инициативам¹⁰¹.

И все же Москва по праву удерживала за собой титул Первопрестольной столицы. Ее значение как национального центра только усиливалось, и об этом писали и Пушкин, и Белинский. Об этом же емко и образно говорил в 1817 г. и Н.М. Карамзин: «Москва будет всегда истинною столицею России. Там средоточие царства, всех движений торговли, промышленности, ума гражданского. Красивый, великолепный Петербург действует на государство в смысле просвещения слабее Москвы, куда отцы везут детей для воспитания и люди свободные едут наслаждаться приятностями общежития. Москва непосредственно дает губерниям и товары, и моды, и образ мыслей. Ее полуазиатская физиогномия, смесь пышности с неопрятностью, огромного с мелким, древнего с новым, образования с грубостью представляет глазам наблюдателя нечто любопытное, особенное, характерное. Кто был в Москве, знает Россию»¹⁰².

---

¹⁰⁰ Мартин А. Указ. соч. С. 393.

¹⁰¹ Там же. С. 399.

¹⁰² Карамзин Н.М. Записка о московских достопамятностях // Он же. Сочинения Карамзина. Т. 9. СПб., 1836. С. 264.

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ШЕСТИГЛАСНАЯ ДУМА. ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ФОНДА.

Болдина Е.Г.

Центральный государственный архив города Москвы

В статье предпринята попытка обзора документов фонда Московской городской шестигласной думы, хранящихся в Центральном государственном архиве города Москвы. Представлены основные группы документов, даны их общие характеристики и анализ содержания текстов. Большой интерес представляет журнал первого заседания думы, состоявшегося 16 января 1786 года. Большой комплекс документов посвящен благоустройству столицы в 19 веке.

Ключевые слова: выборы в думу, городское хозяйство, городские доходы и расходы, благоустройство города, контроль за торговлей и промышленными предприятиями.

THE MOSCOW CITY SIX-MEMBERED DUMA. THE REVIEW OF ARCHIVE FUND DOCUMENTS

Boldina E.G.

The Central State Archive of Moscow

In this article author tried to give the review of the Fund of the Moscow city six- membered Duma, stored in the Central State Archive of Moscow. The main groups of documents are presented, their general characteristics and analysis of the content of the texts are given. The journal of the first meeting of the Duma is great interest. The meeting was held on January 16, 1786. A large set of documents devoted to the improvement of the capital in the 19th century.

Keywords: elections to the Duma, municipal economy, city income & expense, improvement of Moscow, control of trade and industry.

В подведомственном Главархиву Москвы Центральном государственном архиве города Москвы сохранились документы всех учреждений городского самоуправления XVIII - начала XX веков – ратгауза, ратуш, городских дум и управ. Особое место среди этих фондов занимает Московская городская шестигласная дума, которую историк права И.И. Дитятин справедливо назвал первым органом «городского

общественного устройства»¹⁰³. Архив Шестигласной думы имел непростую судьбу. Во время московского пожара 1812 г. значительная часть документов Думы сгорела. До 1863 г. архивные дела хранились в здании присутствия Думы, несколько попыток в 1820-1840-е гг. сдать журнальные, маклерские, нотариальные книги с 1814 по 1832 г. на хранение в Московский губернский архив старых дел не увенчались успехом. Лишь после образования Распорядительной думы документы наконец-то стали приниматься в губернский архив. С момента учреждения в 1870 г. новых органов управления столицей эти документы затребовал себе город. Но потом, не справившись с огромным объемом (свыше 80000 дел и книг), городские власти передали архивные материалы в Московский архив Министерства юстиции (МамЮ). К 1917 г. фонд Шестигласной думы был рассредоточен между тремя хранилищами: губернским архивом, архивом городской управы и МамЮ. На сегодняшний день общий объем данного фонда (фонд № 14) составляет свыше 39 тыс. единиц хранения за 1782–1879 гг., описанных в 17 описях.

Среди сохранившихся материалов Думы важнейшую группу составляют организационно-распорядительные документы – документы, закрепляющие функции, задачи, цели деятельности учреждения. К ним относятся предписания московских главнокомандующих, генерал-губернаторов, губернаторов, Московского губернского правления, приказы обер-полицмейстеров, журналы и протоколы заседаний думы, журналы входящих и исходящих документов, настольные и докладные реестры. На наш взгляд, исключительную ценность представляют журналы и протоколы заседаний Шестигласной думы. Информационный потенциал этой разновидности документов очень высокий, т.к. на заседаниях рассматривались все вопросы деятельности учреждения. Они сохранились практически за весь период существования, в том числе за первый год деятельности Думы. Первое заседание нового органа городского управления состоялось 16 января 1786 г., на нем присутствовали городской голова Семен Ситников и 6 гласных: от настоящих обывателей – титулярный советник Михайла Романов, от купеческих гильдий – Василий Михайлов, от цехов – Тимофей Зыков, от иногородних и иностранцев – Иван Бостельман, от московских именитых граждан – Алексей Девятов и от посадских людей – Викул Зеньков. На этом заседании присутствующие слушали выписку «учиненную из Высочайше Ея Императорского Величества о городах учреждении касательно до городской думы...» и определили день и время заседания – «быть в каждой неделе по одному

---

¹⁰³ Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. 2. Ярославль, 1877. С. 505.

разу, именно по вторникам собираться не позднее 8 часов»¹⁰⁴. В течение двух последующих заседаний (20 и 27 января) гласные думы занимались тем, что «упражнялись в чтении и толковании закона, изображенного в статьях Высочайшего ея Императорского Величества о городах учреждения касательно до должностей шестигласной думы»¹⁰⁵.

Состав документов данного фонда определяется возложенными на учреждение задачами и функциями. К ведомству Шестигласной думы относились следующие вопросы, которые можно условно разделить на четыре группы:

Первая группа. По делам общественным – назначение собраний, дела о городских выборах, перемещение и увольнение от должности, представление губернскому начальству докладов о городских нуждах, записью лиц в сословия, выдачей паспортов, описью и оценкой имущества, назначаемого в публичную продажу за недоимки и т.д.

Сохранились несколько дел, посвященных выборам городских голов: в 1834 г. – купца И.А. Колесова; в 1843 г. – коммерции советника А.П. Шестова; в 1849 г. – купца 1 гильдии К.А. Кирьякова; в 1860 г. последнего городского головы по Городовому положению 1785 г. – М.Л. Королева¹⁰⁶. Поскольку при Шестигласной думе находились особые выборные органы, осуществлявшие некоторые функции торговой полиции, – торговая депутация, торговые смотрители, торговые и рядские старосты, то в фонде имеется довольно обширный комплекс дел о выборах этих должностных лиц по различным торговым рядам (сурожскому, панскому, ветошному, суконному, табачному, колокольному, иконному, шнуручному, фряжскому, золотокружевному, живорыбному и др.) и городским частям.

Вторая группа. По городскому хозяйству – снабжение продовольствием городского населения, составление ведомостей о справочных ценах на предметы торговли в городе и определение цен на продукты, наблюдение за сохранностью и состоянием публичных зданий, пристаней, амбаров, магазинов, лавок, площадей, лесов на городских выгонах, контроль за городскими доходами и расходами.

В фонде сохранились рапорты торговых старост о ценах и ведомости справочных цен на продукты, дрова на городских рынках, строительные, лесные материалы и промышленные товары. Установленные цены служили определенными таксами, которых должны были придерживаться торговцы. При нарушении этих цен торговцы подвергались штрафам. Так, в 1845 г. один крестьянин был оштрафован за продажу бычьих голов

---

¹⁰⁴ ЦГА Москвы. Ф. 14. Оп. 12. Д. 451. Л. 7.

¹⁰⁵ ЦГА Москвы. Ф. 14. Оп. 12. Д. 451. ЛЛ. 8-9.

¹⁰⁶ ЦГА Москвы. Ф. 14. Оп. 1. ДД. 191, 1327; Там же. Оп. 10. Д. 2249; Там же. Оп. 5. Д. 290.

сверх установленных такс, а в 1832 г. повышение цен на ржаную муку по сравнению с установленными на этот период таксами повлекло необходимость получения разрешения генерал-губернатора¹⁰⁷.

В фонде сохранились дела, относящиеся к благоустройству города: об уборке городских мостовых, строительстве торговых бань, устройстве уличных фонарей, строительстве мостов, вывозе снега, замощении тротуаров. Последняя обязанность ложилась на плечи городских обывателей, но в тех случаях, когда дело касалось беднейших жителей, дума иногда брала расходы на себя. В 1823 г. замощение мостовых и ремонт заборов и палисадников перед домами беднейших жителей Мещанской части было проведено за счет города¹⁰⁸. Отдельные мероприятия по благоустройству города Дума выполняла по распоряжениям высших властей губернии, например, в 1843 г. на площадях, улицах и переулках столицы за счет города были установлены 1294 доски с названиями улиц и площадей, а спустя 2 года на Охотнорядской площади были устроены городские весы, которые могли взвешивать до 25 пудов. Правда, другое распоряжение генерал-губернатора об изготовлении флагов для всех городских площадей не было выполнено¹⁰⁹.

Сохранился обширный комплекс дел, посвященных московским казармам: о строительстве, перестройке, ремонте зданий, обеспечении дровами, мебелью и посудой, поставке фитилей и свечей, устройстве лазаретов, очистке пруда рядом с Хамовническими казармами и укрепление берегов Москва-реки около Крутицких казарм, а также ведомости войск, расквартированных в казармах.

Третья группа дел. По торговой полиции – наблюдение за соблюдением правил торговли, сбор сведений о торговых домах и промышленных заведениях, выдача разрешений на открытие торговых заведений и свидетельств на торговлю, клеймением мер и весов и т.п.

Среди этой группы дел особый интерес представляют документы о надзоре Думы за соблюдением правил торговли, депутаты регулярно проводили проверки торговых заведений. По Положению о трактирных заведениях харчевни в отличие от ресторанов и трактиров не имели права подавать посетителям бальзамы, водку, ликер, пиво, курительные трубки, устанавливать орган для игры, поскольку это наносило ущерб городским доходам. Такой же недозволенной деятельностью занимались некоторые владельцы кондитерских и колбасных лавок, продававшие шоколад, водку, ликер без уплаты акциза¹¹⁰. Достаточно регулярно торговые и базарные

---

¹⁰⁷ ЦГА Москвы. Ф. 14. Оп. 10. Д. 4385; там же. Оп. 9. Д. 1720.

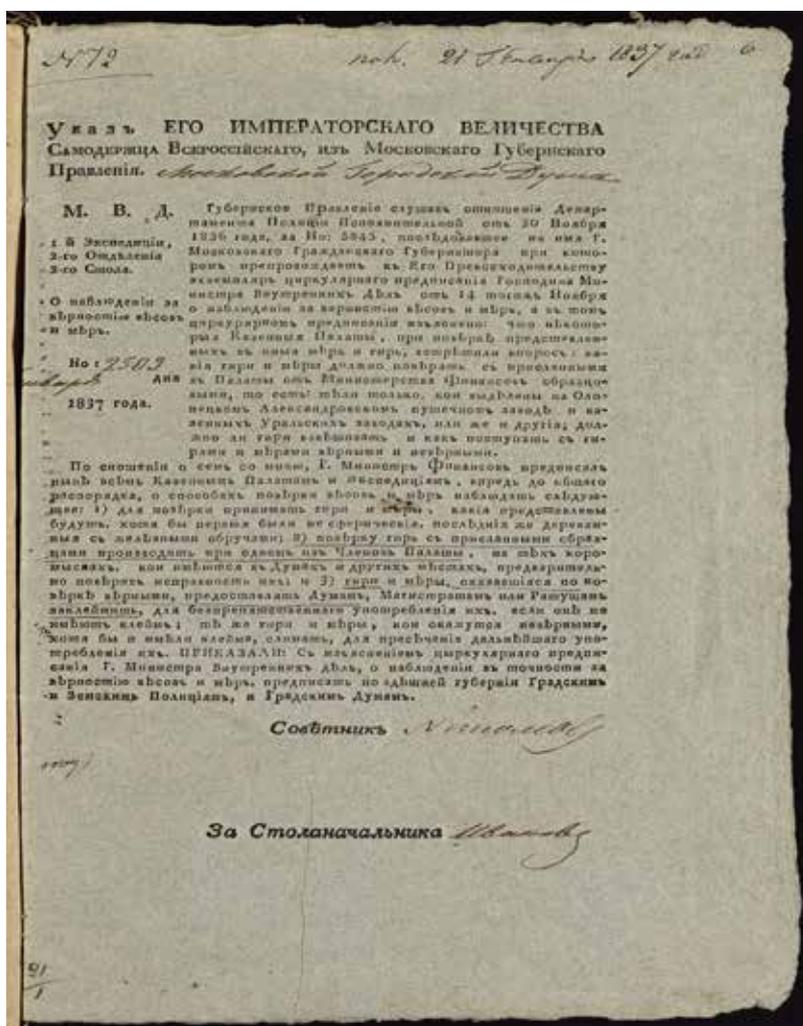
¹⁰⁸ Там же. Д. 8.

¹⁰⁹ Там же. Оп. 2. Д. 83; Там же. Оп. 10. Д. 3394.

¹¹⁰ Там же. Оп. 10. ДД. 3318, 3969.

смотрители проверяли торговцев хлебом на предмет соответствия их изделий установленному весу. Во время одной проверок выяснилось, что вес продаваемых саяк оказался меньше на 15-28 золотников (от 64 до 119 граммов) сверх установленной нормы. Владелец пекарни уплатил штраф 30 рублей серебром, а его работник, продававший сайки, был подвергнут телесному наказанию в управе благочиния¹¹¹.

Одной из обязанностей городской думы было наблюдение за правильностью мер и весов не только с целью соблюдения правил торговли, но и для приращения городского дохода, поскольку клеймение весов являлось одной из доходных статей. В связи с этим городские старосты регулярно проверяли наличие клейм и соответствие весов и аршинов эталонам, а с 1855 г. была введена специальная плата за клеймение десятичных весов¹¹².

Указ за соблюдением правильности мер

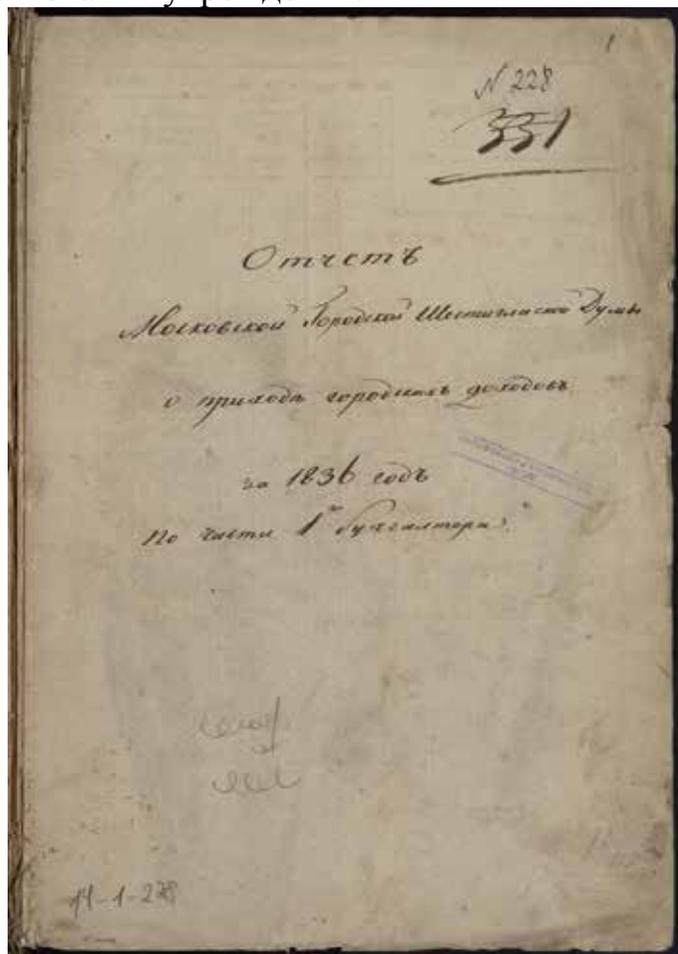
¹¹¹ ЦГА Москвы. Ф. 14. Оп. 10. Д. 3449.

¹¹² Там же. Оп. 2. Д. 669.

Сохранился значительный комплекс документов об учреждении и закрытии Торговых домов, в том числе таких известных впоследствии московских купеческих династий как Гучковы, Солдатенковы, Рахмановы, Хлудовы, Шапошниковы, Усачевы, а также иностранных предпринимателей – Вогау, Рабенек, Ралле.

Четвертую группу составляют документы по «казенным делам» – раскладка и взыскание казенных и городских податей и сборов, управление городскими податными сословиями, проведение рекрутской повинности.

Очевидно, что для осуществления своей деятельности городская дума должна была быть финансово обеспеченной. Статьи 146-152 Городового положения определяли законные основания получения доходов городом (таможенный, питейный сборы, штрафы, городская недвижимость, выморочное имущество жителей) и обозначали статьи расходов, к которым относились: содержание магистратов и чиновников с жалованьем от города, содержание городских школ и заведений Приказа общественного призрения, строительство и ремонт городских зданий. Сохранились расписания городских доходов и расходов за разные периоды существования учреждения.

Расписания городских доходов и расходов

Так, в 1836 г. взыскивались следующие налоги и сборы: поземельный налог с владельцев недвижимого имущества в городе, 3 % и 6 % акцизный сбор – за содержание трактиров, лавок, съезжих дворов, пивоварен, кофеен, 0,5 % налог с явки условий и контрактов, 0,25 % сбор с явки заемных писем и протеста векселей, кроме того в пользу города стали поступать с 1831 г. 3 % сбор за содержание паровых машин и фонтанов Мытищенского водопровода (так называемый водопроводный сбор), а с 1835 г. – 10 % сбор с обгорелых домов и земель¹¹³. Источником дохода для города были и отданные в содержание городские владения: пустопорожние земли, торговые бани, участки земли на Красной, Театральной площадях, на Новинском валу. Последние сдавались в аренду для устройства качелей, балаганов, палаток для торговли цветами и деревьями¹¹⁴.

Доход приносила и торговля на улицах города, когда торговцы «разными припасами и лакомствами», а также извозчики должны были приобретать специальные билеты и знаки, которые обязались пришивать к кафтанам. Сведения о поступлении денежных сумм в городской доход содержатся в делах о взыскании акцизных денег за содержание трактирных заведений, пивоварен, кофеен, поземельных недоимок за дома, лавки, указах кассиру Московской городской шестигласной думы о записи в приход денежных сумм в разные статьи городского дохода и указах бухгалтеру о записи в расход денежных средств по разным статьям.

Для учета поступления денежных средств в городской бюджет ежегодно заводились самые разные книги: окладные книги поземельного, процентного и водопроводного сборов с домовладельцев по частям города, квартирные книги, книги записи городских и казенных недоимок, свидетельств на содержание трактирных заведений, книги публичных нотариусов, маклерские книги.

Последние представляют особенный интерес, так как содержат автографы выдающихся российских деятелей. Так, в книге маклера Тверской части на 1835 год имеется автограф русского поэта Е.А. Баратынского, подписавшегося под условием о сдаче в аренду дома его тестя – генерал-майора Л.Н. Энгельгардта. В другой маклерской книге, уже Арбатской части за 1831 г. был обнаружен автограф А.С. Пушкина, благодаря которому эта книга включена в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Москвы¹¹⁵. Хочется также отметить, что в этом фонде сохранилась книга московского городского маклера слуг и рабочих людей за 1850 г.¹¹⁶ Важное значение этого факта бесспорно, т.к. в литературе бытует мнение, что должность маклера слуг и

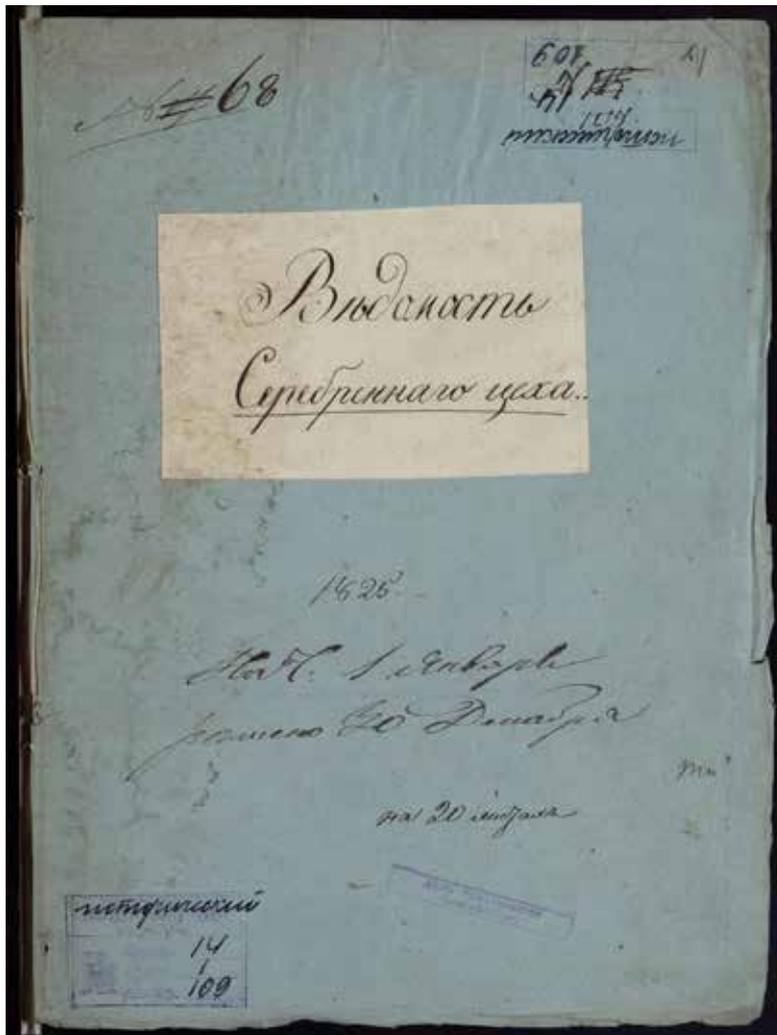
¹¹³ Там же. Оп. 1. Д. 228.

¹¹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1042; Там же. Оп. 10. Д. 3390.

¹¹⁵ Там же. ДД. 3964, 3308.

¹¹⁶ Там же. Оп. 6. Д. 1566.

рабочих людей существовала только на бумаге и не была воплощена на практике.

Ведомость Серебряного цеха

С такой же фискальной целью составлялись различные ведомости: о переходе домов к новым владельцам, об оценке домов, лавок и земель по частям города, ведомости торговых, ремесленных заведений, фабрик и заводов по городским частям, ведомости ремесленников московских цехов: шапочного, серебряного, кузнечного, поваренного кушачного; ведомости торговцев по рядам Городской части. Владельцы заведений платили не только акцизный сбор, но и дополнительный налог за содержание работников, в том числе мальчиков младше 15 лет.

Хозяева трактиров уплачивали дополнительные деньги за торговлю холодными закусками в заведении, в 1825 г. сумма сбора варьировалась в зависимости от места расположения трактира: самый большой налог (375 рублей) был в Городской части, в Тверской и Мясницкой платили по 187 рублей 50 копеек, Сретенской, Яузской, Арбатской, Пречистенской,

Якиманской и Пятницкой – по 125 рублей, в остальных – 100 рублей¹¹⁷. С жителей взыскивали деньги за запись в городовую обывательскую книгу, в ремесленные цеха, выдачу свидетельств на торговлю и промыслы, на извозный промысел. Были установлены также таксы для входа в торговые бани, 70-копеечный сбор за пользование городской больницей и др.

В книгах Московской городской шестигласной думы для записи расхода городских доходов были перечислены следующие статьи расхода: содержание, в том числе освещение, отопление, очищение нечистот управы благочиния, полицейских зданий (домов обер-полицмейстера, 3 полицмейстеров, фурманных дворов, 20 съезжих дворов и 352 городских будок), губернского тюремного замка и временной тюрьмы, городской думы, квартирной экспедиции, конторы адресов, канцелярии генерал-губернатора, казарм, городских училищ, театров, богаделен, выдача жалованья чиновникам управы и служащим полиции, выдача денег на провиант и амуницию служащим, обмундирование и продовольствие нижних чинов, ремонт пожарных инструментов, покупка фуража для полицейских и жандармских лошадей.

Представленный краткий обзор документов фонда Московской городской шестигласной думы позволяет сделать вполне определенный и обоснованный вывод: в данном фонде сосредоточен наиболее полный и разнообразный по составу и содержанию комплекс документов, информационный потенциал которых как источников по истории Москвы крайне высок. Документы фонда содержат богатый материал по истории городского хозяйства столицы, по истории развития промышленности, торговли в конце XVIII – первой половине XIX вв., и, очевидно, могут представлять интерес, как для историков Москвы, так и для современного депутатского корпуса Московской городской Думы.

---

¹¹⁷ ЦГА Москвы. Ф.14. Оп. 1. Д. 76.

**ИСТОРИК АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КИЗЕВЕТТЕР
О ПРОБЛЕМАХ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ В МОСКВЕ В КОНЦЕ XVIII В.**

Лачаева М.Ю.

Московский педагогический государственный университет

Творчество А.А. Кизеветтера оказало глубокое влияние на отечественную науку. Одним из первых он глубоко рассмотрел природу городских преобразований на уровне законодательном и в реальной жизни, показал противоречия между ними и объяснил причины этого явления. В статье разбираются концептуальные подходы историка к проблемам городского самоуправления в XVIII в. и его оценки.

Ключевые слова: А.А. Кизеветтер, законодательство, «Городовое Положение Екатерины II. 1785 г. Опыт исторического комментария», городская дума, городское самоуправление.

**HISTORIAN ALEXANDER KIESEWETTER ABOUT THE PROBLEMS
OF URBAN PUBLIC ADMINISTRATION IN MOSCOW IN THE END
OF XVIII CENTURY**

Lachaeva M. Y.

Moscow pedagogical state University

The work of A. A. Kizevetter had a profound impact on the domestic science. He was one of the first who deeply examined the nature of urban transformations at the legislative level and in real life, showed the contradictions between them and explained the reasons for this phenomenon. The article describes the conceptual approaches of the historian to the problems of municipal government in the eighteenth century and its evaluation.

Keywords: A. A. Kizevetter, legislation, «City Status of Catherine II. 1785, the Experience of historical review», the city Duma, city government.

Александр Александрович Кизеветтер (1866-1933) – видный представитель Московской исторической школы, один из выдающихся и наиболее литературно одаренных учеников знаменитого историка Василия Осиповича Ключевского (1841-1911). Мнения Кизеветтера были хорошо известны читающим современникам и студенческой молодежи. Он вел занятия в Московском университете и на Московских высших женских курсах (Герье), в народном университете Шанявского и Коммерческом институте. Современники вспоминали о нем как о высокоталантливом

лекторе и ораторе с «неистощимым красноречием, щедро отмеренным ему судьбой»¹¹⁸. Помимо фундаментальных научных трудов, он много писал для известных журналов¹¹⁹. Статья Кизеветтера «Местное самоуправление в России X-XIX вв. была опубликована в 1910 г. в московском журнале «Русская мысль». Историк создал замечательную галерею исторических портретов деятелей прошлого, в их числе и императрицы Екатерины II.

Человек с немецкой фамилией – Кизеветтер – принадлежал русской культуре, немецкий язык он знал плохо. Его предки по материнской линии были русскими, по отцовской линии – немцами: в их числе были ремесленники, священники, композиторы, музыканты, историки и юристы. Когда родился Александр Александрович Кизеветтер, его отец Александр Иванович заведовал архивом Главного штаба. В том же здании находилась его служебная квартира, где появился на свет будущий историк. Мать Александра Александровича – Олимпиада Николаевна Турчанинова – была выпускницей Смольного института. В семейном воспитании большое значение придавалось истории. Получив среднее образование в оренбургской гимназии, где его отец представлял военное министерство при Оренбургском генерал-губернаторе, в 1884 г. А.А. Кизеветтер поступил в Московский университет, куда он шел целенаправленно – к Ключевскому. По словам Кизеветтера, имя Ключевского, «тогда только что прогремевшее в связи с его блестящим докторским диспутом, на котором он защищал диссертацию «Боярская Дума Древней Руси»», притягивало «словно магнит»¹²⁰.

Докторская диссертация Ключевского «Боярская дума Древней Руси» печаталась на страницах журнала «Русская мысль» в течение 1880–1881 гг. Ключевский исходил из того, что в русской политической культуре изначально существовали европейские (демократические) и самодержавные тенденции. В свою концепцию московской государственности он встроил идею о необходимости преобразований в стране. Историка интересовало, как и до какого времени в условиях самодержавия улаживались, не достигая уровня конфронтации, возникавшие противоречия. Проблемы управления, в том числе и русского города XVIII в., городского управления и его отдельные аспекты стали предметом постоянного научного интереса Кизеветтера не случайно. XVIII столетие, которым Ключевский как исследователь не занимался,

---

¹¹⁸ Цит. по: Вандакковская М.Г. Александр Александрович Кизеветтер. /Кизеветтер А.А. На рубеже двух эпох. Воспоминания 1881-1914. – М. Искусство, 1997. С.5.

¹¹⁹ «Русская мысль», «Русское богатство», «Образование», «Ежемесячный журнал для всех» и др.

¹²⁰ Кизеветтер А.А. На рубеже двух эпох. Воспоминания 1881-1914. – М. Искусство, 1997. С.21.

увлекло Кизеветтера. Он увидел в нем «знаменательную эпоху в истории нашего государственного развития»¹²¹.

Политические взгляды¹²² оказали, безусловно, влияние на концепцию историка, но по своему внутреннему складу он все же был не общественным деятелем, а ученым, в чем и отдавал себе отчет. Так, в 1907 г. (за два года до защиты докторской диссертации «Городовое Положение Екатерины II. 1785 г. Опыт исторического комментария»¹²³) Кизеветтер стал депутатом Второй Государственной думы от г. Москвы. Но для историка были важны, в первую очередь, исторический источник и живая история. Основу успешно защищенной в 1903 г. магистерской диссертации «Посадская община в России XVIII столетия» составили архивные материалы из фондов главного и городских магистратов, Коммерц-коллегии и Сената, которые Кизеветтер скрупулезно выявлял в течение семи лет. Документальный материал показал зависимость самоуправления от самодержавной власти, а также существовавшие противоречия между запросами власти и фактическим состоянием городской общины. Само ее состояние определялось условиями жизни общины, социальным составом, посадской службой и тяглом, а также тем характером самоуправления, который действовал в период от муниципальной реформы Петра I (т.е. комплекса нововведений 1699-1720 гг.) до издания городского положения Екатериной II в 1785 г.

Кизеветтер проанализировал конкретные изменения, происходившие в городском общественном управлении после Петра I вплоть до Екатерины II, а также содержание усилий Екатерины II по его исправлению в первые 23 года ее царствования. Сначала с помощью частных улучшений, а затем и радикального изменения всего порядка городского управления в 1785 г., к пониманию необходимости которого пришла императрица.

Современные историки находят у Кизеветтера сведения о предпосылках законодательного оформления в 1785 г. идеи о создании Городской думы как представительного и распорядительного органа городского самоуправления, играющего важную роль в решении вопросов местной хозяйственной жизни. Кизеветтер считал особенно ценной у Екатерины II выраженную ею законодательно идею всеобщности в организации местного (городского) управления.

Еще настойчивее, чем Петр I, Екатерина II хотела превратить русский тяглый город в центр промышленности и культуры, заложить в рамках городской жизни основание общественного самоуправления и тем

---

¹²¹ Кизеветтер А.А. Посадская община России в XVIII ст. - М., 1903. С. III.

¹²² В начале XX в. либеральные убеждения Ключевского и Кизеветтера привели обоих ученых в кадетскую партию.

¹²³ Городовое Положение Екатерины II. 1785 г. Опыт исторического комментария. Издано в Москве в 1909 г.

самым русский город возвысить. Кизеветтера интересовало сочетание новизны и архаики в идеологии, законодательстве, практике управления и реальной жизни в городе. Не менее важным для историка было выяснение того, как разные слои городского населения воспринимали перемены, с какими проблемами они сталкивались и насколько их осознавали.

Кизеветтер учитывал работы предшественников, но относился к ним критически. Он прочел книгу «Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии» Людвига Осиповича Плошинского, впервые вышедшую в 1852 г., но что интересно, переизданную уже в наши дни в 2011 г.

Плошинский изучал права и обязанности городских сословий, их участие в управлении городами, а также политику государства по вопросам налогообложения горожан. Для Плошинского Жалованная грамота 1785 г. стала основанием современной ему (он писал при императоре Николае I) системы законодательства. Именно ее, по мнению автора, продолжили узаконения императоров Александра I и Николая I.

Еще одной работой, на которую ссылается Кизеветтер, была книга «Опыт истории состояния городских обывателей в Восточной России» А. Пригары (СПб., 1868), опубликованная уже при императоре Александре II. В этой работе воспроизводилась правительственная точка зрения на городское законодательство.

Кизеветтер отнесся внимательно к результатам изучения истории местного самоуправления историками русского права, в частности учеником А.Д. Градовского – Иваном Ивановичем Дитятиным (1847-1892), выпускником Петербургского университета 1870 г. Заметим, что материалы трудов Дитятина активно используют и современные исследователи в наши дни. Иван Иванович примечателен не только своими научными заслугами, но еще и тем, что, занимаясь историей городов и проблемой их управления, сам происходил из мещан и знал жизнь своего сословия не понаслышке, а изнутри.

Двухтомник Дитятина «Устройство и управление городов России» (СПб., 1875-1877) стал событием в историографии. Работа основана преимущественно на законодательном материале. Привлекая документы делопроизводства министерства внутренних дел, материалы статистики, Дитятин существенно расширил источниковую базу исследования. Он сосредоточил свое внимание на проблемах городского развития России, неоднократно подчеркивал бесправие и беспомощность городских сословий. В них он видел причину жалкого положения городов России конца XVIII - начала XIX вв., большинство которых почти не отличалось от деревень. Вне поля зрения Дитятина остались факты, свидетельствовавшие о градообразовательных процессах, что не осталось без внимания Кизеветтера.

В качестве научной проблемы, требующей безотлагательного решения, Кизеветтер поставил перед собой изучение столкновения глубоко архаических корней городской жизни с идущими сверху законодательными экспериментами (в период от Петра I до Екатерины II). Об этом времени историк писал: «То была пора перекрестного взаимодействия старых и новых начал муниципальной жизни»¹²⁴. Его интересовали два вопроса: как возникли новые для того времени общественные формы и в какое отношение встали провозглашенные в екатерининском законодательстве начала к русской действительности того времени? Такая постановка вопроса была новой.

Кизеветтер изучил структуру городского самоуправления, социальный состав населения, осуществление Городового положения на местах, самочувствие горожан и мотивов их жизненной стратегии. Историк воспринимал город как сложный исторический феномен, решить проблемы управления которым было непросто, прежде всего, в свете поставленных задач Городовым положением 1785 г., и, по мнению Кизеветтера, в оставшиеся Екатерине II (1729-1796) одиннадцать лет жизни ей это сделать не удалось. Тем не менее, было положено начало стимулированию гражданской активности московского общества. Заметим, что отличительные признаки Москвы - ее внешний вид, особенности застройки, состав населения, жизнь и нравы москвичей - не оставались неизменными.

Императрица Екатерина II побывала в Москве семь раз. По результатам своих наблюдений правительница высказалась о Москве в наброске «Размышления о Петербурге и Москве» критически. Тем не менее, за Москвой оставалась историко-символическая функция, подтверждаемая в начале каждого нового царствования церемонией коронации в кремлевском Успенском соборе. В «Медном всаднике» А.С. Пушкин сравнил положение «старой» Москвы с «порфиноносной вдовой». «Младшая» северная столица - Петербург, формируя правящую элиту, отовсюду, включая Москву, притягивала честолюбивых искателей карьеры. Тем более интересно, что оставалось Москве.

Кизеветтер рассматривал Российскую империю в царствование Екатерины II как сословно-дворянскую монархию¹²⁵. По его словам, на долю Екатерины досталась задача сообщить этому строю окончательную юридическую формулировку и установить те новые учреждения, которые соответствовали самой природе сословно-дворянской монархии. И Екатерина оказалась вровень со своей задачей – не ниже и не выше¹²⁶.

---

¹²⁴ Кизеветтер А.А. Посадская община России в XVIII ст. - М., 1903. С. IV.

¹²⁵ Кизеветтер А.А. Екатерина II. / Кизеветтер А.А. Исторические силуэты. – Ростов-на-Дону, Феникс, 1997. С.119.

¹²⁶ Там же. С.120.

Екатерина предпочитала идти на сделку с жизненными обстоятельствами. В очерке, посвященном Екатерине II, Кизеветтер отметил особенность императрицы, которая в случае разногласия с ее пониманием вопроса, возникавшего у других, для большей убедительности своей позиции подчеркивала различие в положении философа, мысль которого парит в заоблачных высях, и государя, принужденного «писать законы на человеческой коже»¹²⁷.

В связи с этим историк проанализировал возможности решения дел на местах, которые предусматривались Екатериной II. Функционал местного управления был прописан в Городовом положении 1785 г. Кизеветтер пришел к следующим выводам. Он дал высокую оценку идеологии, концепции законодательства, подчеркнув, что Городовое положение 1785 г. теоретически и законодательно оформило принципиально новые основы городского самоуправления.

В законодательстве Екатерины II город впервые был провозглашен всесословным самоуправляющимся союзом, состав которого должен обнимать все элементы городского населения и деятельность которого должна заключаться не только в отправлении различных государственных повинностей, но и в самостоятельном заведовании всеми отраслями городского благосостояния. Ни Московское государство, ни Петербургская империя такого взгляда на сущность городского самоуправления ранее не знали.

В правительственных сферах со времени воцарения Екатерины II уже созревало решение уничтожить прежнюю разобщенность различных групп городского населения и создать из города всесословный самоуправляющийся союз. В нововведениях Екатерины II проглядывала идея объединения городских жителей всех сословий на почве городского самоуправления. В Городовом положении 1785 г. более ранние частичные начинания и опыты по переустройству городского управления получили «развитие и систематическое завершение» на совершенно новых началах.

Были достаточно отчетливо выражены две идеи, прямо противоположные основам предшествующего городского управления. Во-первых, объединение городских жителей всех сословий, имеющих постоянное пребывание и владеющих недвижимостью в черте городской оседлости в единое «общество градское». И, во-вторых, предоставление органам этого общества заведования всеми отраслями общегородского хозяйства.

Однако если в идеологии екатерининского законодательства Кизеветтер видел перспективные для города и страны тенденции, то его оценка влияния екатерининского законодательства на реальную практику

---

¹²⁷ Там же. С.130.

городского управления и жизнь горожан была критической. Он показал различия в тех формах, в которых идеи городского общественного управления должны были быть воплощены, если следовать букве закона, и тех реальных формах, в которых они были реализованы на практике. На первых порах старина оказывала «огнеупорную стойкость» и наложила собственную печать на предпринятые Екатериной II преобразования. Вывод Кизеветтера был безапелляционен. Старина, уходившая своими корнями вглубь исторического прошлого, продолжала сохранять силу и во многих отношениях адаптировала начала городского устройства и новые формы городского управления, провозглашенные в законодательном акте 1785 г. Новые начала при Екатерине II жизненного значения не получили и на практике не привились. Кизеветтер образно охарактеризовал противоречия и борьбу двух начал: екатерининская реформа видоизменяла предшествующую старину, а старина приносила собственное видение проблемы. Основной недостаток «Городового положения» 1785 г. Кизеветтер видел в недостаточной разработанности порядка взаимоотношений между общегородскими учреждениями и недостаточного разграничения сфер их деятельности. Не нашлось идей для разрешения на практике противоречий между сословным и сословным принципами в организации системы местного управления.

Если «собрание общества градского» и «магистрат» являлись по «Городовому положению» 1785 г. всецело сословными учреждениями, то думы – Общая и Шестигласная – формально строились на сословном начале, благодаря тому, что в них имел свое представительство сословный разряд «настоящих городских избирателей». Тем не менее, торжествовал сословный принцип. Дворяне, имевшие дома в городах, не обнаруживали никакой склонности участвовать в городских думах наравне с купцами и посадскими «мужиками». Городское законодательство в царствование Екатерины носило скорее поощрительный, а не стеснительный или ограничительный характер для нарождавшейся русской организованной общественности. После событий Французской революции Екатерина резко меняет свое отношение к проявлениям общественной инициативы и деятельности, поглощая ее.

ПЕРЕСТРОЙКА УПРАВЛЕНИЯ СТАРОЙ СТОЛИЦЕЙ В ХОДЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЕКАТЕРИНЫ II

Черникова Т.В.

Московский государственный институт
международных отношений

В докладе дана характеристика основных подходов к реформированию общественно-политической жизни в царствование Екатерины II, исходя из особенностей российского самодержавия второй половины XVIII в., которое базировалось на одной социальной опоре в лице дворянства. Отсутствие буржуазии в Екатерининской России определило, по мнению автора, декоративный характер введения в России городского самоуправления по «Городовому положению» 1785 г. В докладе показано, что реформа шла сверху, не пытаясь опереться на опыт городского самоуправления, существовавший в России в XVII столетии. Идеологической основой городской реформы были постулаты Просвещения. Проводя преобразования, правительство ставило своей целью создать из горожан особое «среднее состояние». Органы городского самоуправления и их отношения с губернскими властями и дворянством рассматриваются на примере Москвы.

Ключевые слова. Областная реформа 1775 г., «Жалованная грамота городам», «Городовое положение» 1785 г., «градское общество».

RESETTING THE CONTROL OF THE OLD CAPITAL DURING THE TRANSFORMATION OF CATHERINE II

Chernikova T. V.

Moscow State Institute of International Relations

The report describes the main approaches to the reform of social and political life in the reign of Catherine II. The author proceeds from the features of the Russian autocracy of the second half of the 18th century, which was based on a single social support in the person of the nobility. The absence of the bourgeoisie in Catherine's Russia determined, in the author's opinion, the decorative nature of the introduction of municipal government in Russia under the "City Regulations" of 1785. The report shows that the reform came from above, not trying to rely on the experience of city government, which existed in Russia in the XVII century. The ideals of the urban reform were the postulates of the Enlightenment. Conducting transformations, the government set as its goal

to create a «middle state» among the townspeople. The organs of city government and their relationship with the provincial authorities and the nobility are examined on the example of Moscow.

Keywords: The regional reform of 1775, «The Charter of Literacy for Cities», «City Regulations» in 1785, «urban society».

Начать анализ государственной политики реформирования городского управления в России 1770-х – 1780-х гг. необходимо в контексте двух ставших банальными, но не потерявших от этого символической точности, характеристик екатерининской эпохи в целом как «сплава просвещения и рабства» и «золотого века русского дворянства».

Все крупнейшие мероприятия царствования «матушки государыни» (созыв Уложенной комиссии, Церковная реформа, Областная реформа 1775 г.) базировались на сочетании трёх начал: внедрения идей Просвещения в качестве государственной идеологии, формирующей во многом мировоззрение и менталитет социальной элиты, повышение эффективности института абсолютной монархии и превращение «мейн стрима» внутренней политики в формулирование и воплощение в практику социально-экономических интересов консолидируемого государством дворянского сословия.

Последнее вытекало из особенностей российского самодержавия, которое отличалось по своей общественно-политической природе от западноевропейского абсолютизма XVII-XVIII вв. Русский абсолютизм середины XVII – первой трети XVIII в. представлял собой последний высший этап развития вотчинного государства в России, а с 1730 г. он начал свою трансформацию (свёртывание вотчинного уклада) с опорой на одну социальную опору – российское дворянство. Второй социальной опорой, характерной для западноевропейских монархий этого времени, – поднимающейся буржуазии в России просто не было.

Городская среда была, однако той сферой, в рамках которой через развитие ремесла, торговли и промышленности во второй половине XVIII в. начали складываться социально-экономические предпосылки для возникновения буржуазии в будущем. Сам этот процесс открывал возможности для внутренней органической модернизации России, что являлось главной стратегической задачей страны в контексте её положения в Европе и мире. Все обладатели русского престола конца XVII – середины XVIII в., предшественники Екатерины II, ни субъективно, ни объективно этой задачи не понимали и не реализовывали в своей правительственной программе. Все они, включая великого реформатора Петра I, для повышения конкурентоспособности России в европейском и мировом геополитическом пространстве развивали модель европеизации (вестернизации). Она возникла ещё при рождении единого Московского

государства во времена Ивана III (1462-1505) и Василия III (1505-1533) и представляла собой постоянное заимствование и использование разнообразного западноевропейского опыта (особенно «новшеств пороховой революции») без какого-либо серьёзного их воздействия до Петровской эпохи на внутренние средневековые социокультурные основы России. Подобна поверхностная европеизация являлась суррогатом, подменявшим модернизацию, но уже в начале XVIII в. её потенциал был исчерпан.

О субъективном понимании стратегических задач российского развития Екатериной II можно спорить, но это не является целью нашего доклада. В его центре другая проблема, правда, связанная с последним. Реформа городского управления и изменения статуса горожан могли ускорить процесс появления русской буржуазии, формируя льготные или даже «тепличные» условия её жизни в городском пространстве. Вопрос только в том, ставило ли правительство перед собой данные цели, выпуская различные документы, затрагивающие положение горожан и лиц, занятых торгово-промышленными делами, особенно разрабатывая положения Областной реформы 1775 г. и Жалованной грамоты городам 1785 г.?

Идеи европейского Просвещения, рупором которых в России являлась сама императрица, казалось бы, идеологически обеспечивали такой поворот событий. И можно найти внешние признаки именно такого развития событий.

17 марта 1775 г. по случаю успешного завершения Русско-турецкой войны (мир заключен 10 июля 1774 г.) и подавления войны внутренней, крестьянской (казнь вождя восставших Е. Пугачева состоялась 10 января 1775 г.) был выпущен Манифест¹²⁸, в котором верным подданным даровалось ряд милостей. Часть их была адресована непосредственным участникам войн, прежде всего военным (дворянам и недворянам), но обнародованы были и милости, предназначавшиеся тягловому населению, в частности, горожанам, которые вынужденно несли по случаю войн дополнительные налоги.

По данному манифесту купцов и цеховых ремесленников освободили от уплаты введённого в годы Русско-турецкой войны нового налога в 80 копеек. Указ от 21 апреля 1775 г. снизил акциз на соль на 5 копеек¹²⁹. Владельцы металлургических мануфактур освобождались от платежа 5 рублей с каждой медеплавильной или доменной печи и от обложения дополнительным сбором 4 копеек с каждого пуда чугуна. Для хозяев текстильных предприятий был отменён рублёвый сбор со станов. А кроме

---

¹²⁸ ПСЗ. Т. XX. № 14275.

¹²⁹ ПСЗ. № 14303.

того разрешалось всем подданным заводить промышленные станы, не обращаясь за разрешением в Мануфактур-коллегию. «Отменялись многие десятки мелких сборов, приносивших казне незначительный доход, но крайне раздражавших население и обусловивших участие мелких промысловиков в крестьянской войне: с кожевенных, овчинных, салотопенных промыслов, кирпичных сараев, харчевен, кузнец, постоянных дворов, цирюлен («бритвенных изб»), домовых бань, мельниц, соляных варниц и т.д.»¹³⁰.

Верность высшего слоя торговых людей была отмечена повышением их социального статуса. Городских торговцев с капиталом менее 500 рублей вывели из сословия купцов и переписали в мещане. Оставленных в купечестве разбили соответственно капиталу на три гильдии, заменил сбор с них подушного оклада налогом в 1 % с годового оборота. В 1776 г. купцам разрешено было взамен рекрутчины вносить взнос в 360 рублей¹³¹.

Все перечисленные выше меры ранее присутствовали в «наказах» от городского населения депутатам, представляющим интересы посадских людей в Уложенной комиссии, так что, есть все основания предположить, что правительство и императрица «услышали» запросы городского сообщества.

Осмысляя причины и последствия Пугачевщины, правительство Манифестом 1779 г. регламентировало повинности приписных крестьян, повелев вдвое увеличить плату за их работы в пользу завода. Одновременно многие заводовладельцы, пострадавшие от Пугачёвщины, получили займы сроком на 10 лет под льготные проценты (1 % в течении первых 3-х лет, 3 % – далее)¹³².

Рост числа городов проистекал непосредственно из правительственной политики, проводимой в рамках Областной реформы 1775 г. «Учреждение о губерниях» 1775 содержало не только вводимую новую систему государственного управления губерниями и уездами, но и начало вводить новую систему местного самоуправления. Областная реформа велась в течение 10 лет. 4 января 1780 г. была опубликована вторая часть «Учреждений о губерниях». Новое в Областную реформу внесли и Жалованные грамоты дворянству и городам, обнародованные 21 апреля 1785 г. в день рождения императрицы¹³³.

---

¹³⁰ Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 2016. С. 177.

¹³¹ Там же.

¹³² ПСЗ. № 14285.

¹³³ Петров И.Р. Реформы в России в XVI - XIX вв. М.: Норма, 2008. С. 55-57.

Личное участие императрицы¹³⁴ в разработке всех названных законодательных актов придало им большой идеологический посыл, декларирующий построение в России «законной монархии» в соответствии с главными общественно-политическими постулатами европейского Просвещения. Многие принципы построения местного государственного управления, обнародованные в 1775 и в 1785 гг., были заявлены и раньше, в частности, ещё в появившемся в 1764 г. «Наставлении губернаторам». Его по приказу Екатерины II составил, по мнению Л.Ф. Писарьковой, статс-секретарь И.П. Елагин¹³⁵.

«Я строю нынче сто с чем-то городов вдруг», – писала в 1781 г. Екатерина II Гримму, оспаривая утверждения аббата Рэнэля о небольших успехах императрицы в деле урбанизации России. Вскоре Гримм получил от своей эпистолярной собеседницы составленный Безбородкой перечень российских успехов за 19 лет её правления и там наравне с 78-ю военными победами указывалось, что за эти годы построили 144 новых города¹³⁶.

«Городовое положение» 1785 г. повсеместно вводило новую систему городского самоуправления, которая через сословное представительство всех наличных на тот момент слоёв городского населения оригинально воплощает в жизнь всесословный компромисс («общее благо»). На примере Москвы, одного из крупнейших и безусловно самого важного в социально-экономическом и политическом плане города России можно проанализировать, так ли это?

«Городовое положение» декларировало объединение горожан разных сословий в некое «градское общество», расписанное по разрядам в Городской обывательской книге. Население Москвы, как и всех прочих городов России, было разделено на 6 разрядов.

Первый составляли «...настоящие городовые обитатели суть те, кои в том городе дом или иное строение, или место, или землю имеют». Исходя из такой характеристики можно заключить, что первый разряд «настоящих городские обывателей» включал всех собственников недвижимости без различия происхождения, звания и занятия. Однако определение далее части собственников по другим разрядам, методом исключения оставляет в первом разряде только дворян.

Ко второму разряду относились купцы трёх гильдий. Первая гильдия включала собственников торгового капитала от 10 до 50 тыс. рублей,

---

¹³⁴ Работая над «Учреждением о губерниях» более 5 месяцев, Екатерина II одному Вольтеру направила в 1775 г. писем «общим листажом» более 200 страниц. Активная роль принадлежала в подготовке реформы также А.А. Безбородко, Г.А. Потёмкину, С.Е. Десницкому, П.В. Заводовскому и др.

¹³⁵ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 390.

¹³⁶ Брикнер А.Г. История Екатерины Великой. М., 1998. С 606.

ведущих зарубежный торг и имеющих право владеть морскими судами. За ними была закреплена «паспортная льгота», позволявшая свободно разъезжать по стране. Во Вторую гильдию были объединены владельцы капиталов от 5 до 10 тыс. рублей. Купцам Второй гильдии дозволялось иметь речные корабли. Как и купцы первой гильдии они могли быть хозяевами мануфактур. Купцы первой и второй гильдии освобождались от телесных наказаний. Купцы третьей гильдии являли собой мелких торговцев, владельцев трактиров, постоянных дворов, могли заниматься и ремеслом. Они обладали капиталом от 1 до 5 тыс. рублей.

Третий разряд представляли члены городских ремесленных цехов, созданных некогда Петром I для мобилизации мелких городских мастеров для работы, направленной на снабжения армии.

Четвёртый и Пятый разряды включили весьма разрозненные по отношению к друг другу элементы городского населения, объединённого скорее механически.

Так к Четвёртому разряду отнесли как русских подданных, временно пребывающих и временно приписанных к посаду старой столицы (среди последних могли быть, как жители других городов, так и крестьяне, подвизавшиеся по торговым и ремесленным делам, а также иностранные гости).

Пятый разряд имел звучное наименование «именитых граждан» и включал нарождавшуюся интеллигенцию (художников, зодчих, музыкантов, учёных и прочих образованных неблагородных людей, имевших академические и университетские дипломы), лиц, которых выдвинули на выборные должности, а также богатейших купцов с капиталами выше 50 тыс. рублей и банкиров, обладавших более чем 100 тыс. рублей. Этот разряд был освобождён от телесных наказаний, рекрутской повинности и подушной подати. Имел право обладать садами и загородными резиденциями, ездить в каретах, запряжённых двумя парами лошадей цугом. В третьем поколении именитым гражданам разрешалось переписываться во дворянство.

Шестой разряд составили низы городского населения, не владевшие недвижимостью. Этот слой горожан назывался по-старинному «посадские люди» и включал в себя публику, часто жившую наёмным трудом, включая самые тяжёлые и «чёрные» работы. Здесь же оказались занятые мелкими промыслами и нецеховые ремесленники.

Все население города в соответствии со своим разрядом было внесено в Городскую обывательскую книгу¹³⁷, но в московских городских окладных списках присутствовало не 6, а 5 разрядов горожан (с 2 по 6).

---

¹³⁷ Грамота на права и выгоды городам Российской империи // ПСЗ. Т. XXII. № 16187. С. 358-384. Городовое положение // История государственного управления в России: Хрестоматия. – М.: Изд-во РАГС, 2003. С. 149.

Обязанности и положения дворян, собственников городских усадеб и домов, в городском самоуправлении было описано очень туманно. Заявлялось, что они не освобождаются от городских «тягот», но «ради их дворянского достоинства» свободны от личных податей и городских служб. По сути дворяне, как и духовенство с чиновниками-разночинцами, выпадали из системы городского самоуправления.

Горожане недворяне, занятые в торговле и различных видах промышленной деятельности (промыслах, ремёслах, мануфактурных производствах), разнесённые «Городовым положением» по разным разрядам, постепенно, как показал А.А. Кизиветтер в труде «Посадская община в XVIII столетии»¹³⁸, складывались в 2 городских сословия – купцов (3-х гильдий, а также богатейшие купцов и ростовщиков, отнесённых к разряду именитых граждан) и мещан (третий, шестой, частично четвертый разряды). При этом «Москва купеческая» и «Москва мещанская» последней трети XVIII в. не составляли цельного городского общества. Эти «две Москвы» были ближе по своему менталитету к традиционному русскому городскому посаду XVII в., нежели к просвещённому европейскому городскому сообществу конца XVIII в.

Система органов Московского самоуправления была довольно сложной, при этом дворянские городские обыватели практически в ней не участвовали. Имея право уклоняться от выборных должностей и несения городских служб, они стремились отмежеваться от неблагородного «градского общества».

На практике оказалось, что «Жалованные грамоты» 1785 г. и «Городовое положение» разделили старую столицу с точки зрения состава её населения на два города: «Москву дворянскую», к которой городское самоуправление не имело никакого отношения, и Москву некоего, конструируемого властью, «среднего состояния», отличного от дворян, духовенства и крестьян. А была ещё и «третья Москва» - Москва столица, город губернатора и его военно-чиновного окружения.

В таком подходе государственного творчества в отношении социального регламентирования мы видим продолжение старой доброй традиции поверхностной европеизации, попыток механического переноса европейского опыта на русскую почву. Зная о наличии практически во всех странах Западной Европы класса «буржуа», чётко выделяющегося в среде «третьего сословия» и являющегося социальной базой, как торгово-промышленного развития страны, так и идеологии Просвещения, Екатерина II пытается сконструировать подобный «средний класс» на базе городского населения России. «К сему роду людей причесть должно всех тех, кои, не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в

---

¹³⁸ Кизиветтер А.А. Посадская община в XVIII столетии. М., 1903.

художествах, в науках, в торговле, в мореплавании и ремеслах»¹³⁹. Ранее Екатерина II писала, что «сброд разношёрстной толпы всегда готов сопротивляться доброму порядку...» и пытается в ходе Областной реформы 1775 г., а потом и в реализации положений «Жалованной грамоты городам» 1785 г. объединить «разношёрстные толпы» в единое общесословное городское сообщество. «Жалуя грамоту городам, Екатерина питала большую надежду на то, чтобы в России в короткий срок появилась развитая городская жизнь и буржуазия западного образца как двигатель экономического прогресса»¹⁴⁰. Исходя из западноевропейских реалий раннего Нового времени, она включает в него наряду с дворянами реально не чувствующее и не составляющее в России никакого социального единства «среднее состояние» «городских обывателей», «граждан», как их именует «Городовое положение», представителей нарождающегося слоя интеллигенции (художников, артистов, учёных, литераторов как российских, так и иностранных), отнеся их совершенно в европейском духе к наиболее привилегированным разрядам городского населения.

Высокий статус, выданный государством представителям малочисленной тогда в России интеллигенции, безусловно стоит оценить положительно, как понимание властью значения данного класса для модернизационного процесса, особенно в сравнении с тем, что к середине XIX в. подобный акцент в социальной политике испарится. Хотя именно к середине XIX в. в России можно будет говорить о наличии некоего «образованного общества», включавшего в себя дворян, интеллигенцию и образованных горожан из прочих состояний.

Основными органами городского самоуправления «Москвы купеческой и мещанской» по реформе 1785 г. являлись общее городское собрание, Общая городская дума, Шестигласная дума, городской глава, судебные сословные магистраты¹⁴¹.

В общем городском собрании Москвы могли участвовать горожане-мужчины, достигшие 25 лет и имевшие имущество, равносильное капиталу, приносящему годовой доход в 50 рублей. Общее собрание созывалось раз в 3 года и выбирало городского главу, членов сословных судов – магистратов, членов Общей городской думы и некоторых иных лиц. Собрание имело право писать губернатору на темы общественных нужд и пользы города, но правом на жалобы и представления, которыми обладало благородное сословие по «Жалованной грамоте дворянства», не обладало.

Общая городская дума, состоявшая из различного числа выбранных

---

¹³⁹ Грамота на права и выгоды городам Российской империи // ПСЗ. Т. XXII. № 16187. С. 358-384.

¹⁴⁰ Д' Анкосс Э.К. Екатерина II. Золотой век в истории России. М., 2010. С. 250.

¹⁴¹ Абрамов В.Ф. Местное самоуправление: идея и опыт // Социс. 2008. №1. с. 20 – 28.

гласных от шести разрядов, избирала на 3 года Шестигласную думу из 6 членов, по одному от каждого разряда. Сама Общая дума постоянно не действовала, собираясь по обстоятельствам. Общая дума регулярно отчитывалась перед губернатором по всем делам городского хозяйства, представляла информацию о доходах и тратах.

Вместе с городским главой Шестигласная дума являлась постоянным всеобщим распорядительным органом московского самоуправления. Шестигласные думы губернских и уездных городов России просуществовали вплоть до городской реформы 1870 г. Их столичные аналоги исчезли раньше: в Петербурге – после 1646 г., в Москве – после 1862 г.

Сам механизм выстраивания этажей системы самоуправления, вводимой в 1785 г., отличался сложностью и мало учитывал опыт достаточно хорошо функционировавшего в России земского самоуправления первой половины – середины XVII в. Причина такой политики крылась в полном отказе Екатерины II после роспуска Уложенной комиссии от обращения к прямому совету с городскими сословиями, забвению практики русской Земской монархии XVII в. да и сословно-представительной традиции Запада XV-XVI вв. Вместо опоры на «старину» Екатерина II, подобно Петру I, предпочла «волюнтаристское» решение сверху и продавливала его на городское сообщество без всякого участия последнего в разработке реформы. В самом таком подходе уже была заложена причина малой эффективности в дальнейшем городского самоуправления и того, что никаких «тепличных условий» для созревания социальных предпосылок модернизации оно не создавало, являясь по сути имитацией попытки «выращивания» среднего класса и суррогатом системы его самоуправления.

Последнее четко видно во взаимодействии городского самоуправления по реформе 1785 г. с так сказать «Москвой государственной» и «Москвой дворянской».

Распорядительный орган самоуправления Шестигласная дума во главе с городским главой полностью подчинялась воле губернатора, не имея никаких самостоятельных административных или полицейских функций в областях, отведённых «Городовым положением» к её ведению – строительству и надзору за поддержанием в порядке городских домов, площадей и улиц, улаживанию конфликтов между обывателями, надзору за порядком в местах торговли, взиманию и использованию собираемых в рамках самоуправления средств. Всем этим ведали на деле органы губернаторского управления, от поведения и отношения которых к решениям и функционалу Шестигласной думы и городского главы и зависело реальное благополучие «среднего состояния».

Подобный диссонанс между задумкой в духе идей Просвещения и

результатами её воплощения на практике неслучаен и продолжает свойственную всему XVIII в. непоследовательную и противоречивую государственную политику в отношении регламентации положения торгово-промышленных слоёв. Постоянными здесь являлись лишь фискальные интересы казны.

К примеру, предшествовавшая «Городовому положению» 1785 г. Гильдейская реформа 1775 г. разделила купечество на три гильдии в зависимости от объявленного купцами капитала. В первую гильдию вошли обладатели капитала в 10 тыс. рублей и выше, во вторую – от 1 тыс. рублей, в третью – от 500 рублей. При этом от объявленного капитала теперь и уплачивался налог в казну («гильдейский сбор»). Он составлял 1 % от капитала в год. В последующие за царствованием Екатерины II годы гильдейский сбор неизменно рос. В 1797 он составлял 1,25 %, в 1819 – 1,75, в 1812 – 4,75, в 1821 – 5, 23. Введение гильдейского сбора означало резкий рост налога, в итоге вначале численность купечества сократилась. Люди предпочли уйти «в тень» других состояний. В 1775 г. в купцы записалось только 12,2 % прежней массы купцов, что в абсолютных цифрах составило 27 тыс. человек. Число же «торгующих» из разных податных слоёв населения по разным источникам к 1782 г. составляло более 107 тыс. человек. «Жалованная грамота городам» 1785 г. вводила строгую монополию купцов на торговлю. Это вызвало рост числа записавшихся в данное сословие.

Декоративность системы городского самоуправления по реформе объяснялась ещё и тем, что Москву 1770-х – 1780-х гг. по составу её населения трудно было назвать городом прежде всего торгово-промышленных людей и интеллигентов из некоего русского «среднего состояния». В 1770-80-е гг. социальный состав Москвы представлял собой следующее: 35-40 % составляли разночинцы, 27-35 % – дворяне, 20 % – купечество, 13 % – духовенство.

Весь XVIII в. Москва являла собой «старую (вдовствующую) столицу», через которую, однако, по-прежнему шла значительная доля управления империей и, которая в прямом смысле своим обликом, выражала важнейшие смысловые символы эпохи. Поэтому настоящая власть в городе сосредотачивалась непосредственно в руках губернатора, от субъективных качеств которого зависело очень многое. К примеру, рост влияния старообрядческого сообщества вплоть до чумной эпидемии и чумного бунта 1771 г., включая влияние достаточно радикальной в сравнении с традиционным православием беспоповской общины, возник благодаря покровительству последней московского губернатора фельдмаршала Салтыкова.

Вторая половина XVIII в. заявляла о себе как о времени формирования в России «разумно построенного государства», где городу и

его регулярной застройке по утверждённому верховной властью плану отводится видная роль. Во второй половине XVIII в. было разработано более 400 типовых проектов планировки городов. В Москве планы создания здесь «регулярного города» долгое время вырабатывались так называемой «партикулярной академией» во главе с В.И. Баженовым при экспедиции кремлевского строения, а также основанной в 1775 г. школы при Каменном приказе в Москве, где большим влиянием обладали такие архитекторы как Д.В. Ухтомский и М.Ф. Казаков.

Именно эти государственные органы и люди, назначенные верховной властью, а не выбранный «градским обществом» городской глава и его Шестигласная дума вкупе с прочими институтами городского самоуправления определили развитие московской городской застройки, а вслед за ней и всей городской среды.

Государство по-прежнему являлось главным распорядителем в Москве. После верховной власти и её агентов вторым по значимости «хозяином» старой столицы являлось её дворянское население. Москва была городом екатерининских вельмож и значимых действующих лиц эпохи, находящихся чаще всего уже в отставке. В конце царствования Екатерины II Москва, по мнению исследователей, насчитывала 230-300 тыс. постоянных жителей. Но зимой её население удваивалось за счёт возвращающихся из поместий дворянских семейств, сопровождаемых толпами дворни и крепостных крестьян. По оценкам известного знатока московской жизни XVIII в. И.Е. Забелина, крестьянство «...к началу XIX столетия составляло ни больше ни меньше, как две трети всего населения нашей столицы. Этот почтенный историк Москвы говорит, что в эту эпоху из трех москвичей двое были крестьяне, притом крепостные, из которых один был дворовый, а другой принадлежал к крестьянской земледельческой семье. Москва, имевшая зимой по 600 тыс. жителей, летом оставалась с тремястами тысяч населения, потому что весной помещики уезжали из своих барских особняков и увозили в поместья своих крестьян, составлявших не только их прислугу, но и разнородных домашних ремесленников и музыкантов, хористов и даже актеров. Немало, до половины прошлого столетия, среди купечества было крепостных, которые платили гильдию и наживали миллионные капиталы»¹⁴².

К каким же выводам мы приходим после всего сказанного относительно системы власти в первопрестольной в 1770-е – 1790-е гг.? Следует насчитывать три параллельно существующие системы власти: Губернаторскую, назначаемую непосредственно императрицей и играющую главную роль; власть дворянского сообщества, вытекающую из статуса и влияния дворянских корпоративных органов и системы

---

¹⁴² Назаринский В. Из истории Москвы 1147-1913. М., 1913. С. 67.

крепостного права; и лишь третьей по значимости, с явным оттенком декоративности в угоду идеалам европейского Просвещения, декларируемого Екатериной II в качестве государственной идеологии России, выступают органы городского самоуправления, созданные по «Городовому положению» 1785 г. И помимо идеологической составляющей другие посылы к созданию предпосылок органической модернизации просматриваются в данной реформе слабо.

Законодательство и на практике реализуемая городская реформа Екатерины II вполне соответствовала тому «сценарию власти», который выбрала для себя императрица ещё в начале своего правления, утверждая регламент коронационного торжества. «...в сценарии Екатерины не было демократического подтекста. Люди из народа были только актерами, подпевающими хору элиты и свидетельствующими о заре новой эры, наступившей с вступлением Екатерины на престол. Не было и намёка на то, что источником власти является народное мнение или власть чем-то ему обязана. Напротив, такая реакция подтверждала, что источник власти находится в высшей сфере мироздания, внушающий альтруизм и мудрость и позволяющей ей расточать свои добродетели»¹⁴³.

---

¹⁴³ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2004. С. 158.

ОБЩАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА (1786 – 1799 ГГ.) И ЕЕ РОЛЬ В СИСТЕМЕ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Тарасова С.В.

Московский городской университет
управления Правительства Москвы

В статье осуществлен анализ становления парламентаризма в городе Москве. Дается квалифицированная оценка условий и причин создания Московской Общей городской думы, особенностей ее деятельности. Особое внимание уделено выборной практике, продемонстрированы ее достоинства и недостатки. Представлена авторская оценка роли и места Общей городской думы в системе московского городского самоуправления.

Ключевые слова: дума, парламентаризм, выборы, Ратгауз, демократическая практика, городское самоуправление, городские обыватели, городское собрание.

THE GENERAL CITY DUMA (1786 - 1799) AND ITS ROLE IN THE MOSCOW'S CITY SELF-GOVERNMENT SYSTEM

Tarasova S.V.

Moscow Metropolitan Governance University

The article considers analysis of the formation of parliamentarism in Moscow. The present section provides expert assessment of conditions and reasons of Moscow's General City Duma establishment, and also features of its working. Special attention is paid to elective practice, its advantages and disadvantages are shown. The author estimates the role and place of the General City Duma in the Moscow's system city self-government.

Keywords: Duma, parliamentarism, elections, Rathous, democratic practice, city self-government, city inhabitants, city assembly.

В современной исторической науке вопросам становления парламентаризма в России и регионах уделяется недостаточное внимание. Превалируют иные, как принято считать, более рациональные темы. Между тем, объявленная тема имеет весьма существенное значение. Невозможно оценивать тенденции и традиции городского управления без обращения к роли и месту парламентской практики.

Отмечу также, что в западной исторической науке утверждается тезис о недемократичности российского социума. Реагировать на этот посыл конечно же надо и реагировать – по существу.

Сегодня невозможно представить городскую жизнь без Мосгордумы. Ее роль очевидна и вряд ли у кого-то может вызвать сомнения. Система московского парламента отработана и действует без очевидных сбоев.

Естественно, возникают вопросы: с чего все начиналось?! Какие традиции московского парламентаризма закладывались изначально?! Представляют ли они практический интерес сегодня?!

Попытаемся ответить на эти вопросы. Сразу оговорюсь: рассматривать Общую городскую думу в качестве полноценного городского парламента можно с оговорками. Скорее – это начало движения к парламентской практике.

Как известно, формирование системы городского самоуправления берет свое начало с 1785 г., когда в свет вышло Городовое положение, известное как «Грамота на права и выгоды городам Российской империи».

Грамота на права и выгоды городам Российской империи

Важно дать объективную оценку данному документу, который существенным образом отличался от документов «петровского» периода.

Прежде всего, отмечу, что города России впервые стали рассматриваться как автономные центры со своими городскими интересами и по сути приобрели статус юридических лиц. Во-вторых, петровская городская самоуправленческая практика базировалась на принципе вовлечения в систему городского управления, в первую очередь купцов и ремесленников. Документ же Екатерины II провозглашал в качестве приоритетного принцип всесословности, который нашел свое воплощение в термине «городовые обыватели».

Кто эти люди?! Это – жители Москвы, имеющие недвижимость (дом, землю), либо состоящие в гильдиях, цеховики, госслужащие со стажем работы и др. Таким образом, диапазон принадлежности к обывательскому чину был весьма широким, вплоть до лиц, непрописанных в Москве.

Однако их статус зависел от целого ряда факторов социального, профессионального и имущественного характера. Общеизвестно, что всего было определено 6 разрядов:

- настоящие городовые обыватели (владельцы домов и иных строений);
- купцы трех гильдий;
- ремесленники («цеховые люди»);
- иностранные гости;
- именитые граждане (к этой категории относились известные представители науки, искусства, управленцы, а также крупные предприниматели, банкиры, оптовые торговцы и др.);
- посадские.

Названные разряды одновременно являлись и списками избирателей. Депутаты именовались «гласными».

Выборы в Общую городскую думу проводились один раз в три года по шести избирательным куриям, соответствующим разрядам. В качестве гласных депутаты избирались на собраниях, форма и характер которых соответствовали устоявшейся практике функционирования соответствующих групп населения. Так, купцы голосовали по гильдиям; иногородние – по национальностям; цеховые – по цехам; именитые – по 7 категориям и т.д.

Из числа избранных гласных формировалась Шестигласная дума (один представитель от каждого разряда). Шестигласная дума представляла собой исполнительный орган городского самоуправления.

Несмотря на различное количество гласных от разрядов, каждый разряд обладал одним голосом.

Понятно, что гласные представляли различное количество стоящих за ними избирателей. Преимущество было у владельцев имущества, купцов и представителей других сословий. Данное положение можно

рассматривать как недостаток местной системы самоуправления. Однако в целом данная модель представляется колоссальным шагом вперед в развитии городской управленческой практики на демократической основе, хотя и не устраняла характерный для России межсословный конфликт.

По оценке некоторых историков, приоритет в Московской думе имели купцы и ремесленники, многие из которых не отличались добротным уровнем образования и культуры.

Необходимого межсословного консенсуса достичь не удалось, что естественно, сказалось на эффективности деятельности, качестве принимаемых решений.

В 1798 году Общая городская дума Москвы прекратила свое существование. В 1799 г. был учрежден Ратгауз (городское правление), т.е. практически произошла бюрократизация городского управления, отказ от демократического тренда. Во многом, это было связано с политическими обстоятельствами: после смерти Екатерины II на престол взошел ее сын Павел I, не отличавшийся европейскими демократическими наклонностями. Важно отметить, что именно при Павле I была сформирована система Ратгаузов фактически функционально заменивших собой упраздненные городские думы. Первоначально Ратгаузы как исполнительные органы главного городского начальства были созданы в Петербурге (сентябрь 1798г.). Затем – в феврале 1799 г. – они появились и в Москве. Президент Ратгауза назначался лично императором по предложению Сената; члены – назначались правительством и частично избирались городским сообществом. Выбирались бюргермейстеры и ратсгеры. Их выборы утверждались императором.

Таким образом, демократические достижения при формировании местного самоуправления были утрачены. Всем городским управлением стала ведать центральная администрация. Произошла централизация местного управления.

Подобная судьба была характерна и для других управленческих систем, например, для судебной. В конечном счете, дела подсудности всех упраздненных магистратов были переданы в ратгаузы.

Екатерининская традиция возобновилась лишь с воцарением любимого внука Екатерины II – Александра I, восстановившего своим указом от 2 апреля 1801 г. действие Жалованной грамоты городам. Местное самоуправление в России и Москве было реанимировано, но в целом продолжало носить ограниченный характер.

Незавидная судьба постигла и «списанный» с иностранной практики еще один орган местного самоуправления – городское собрание. Наряду с Общей городской думой, этот орган также олицетворял собой систему местного самоуправления. Однако и он в конечном итоге оказался заложником исполнительной власти, т.е. администрации. Шестигласная

городская дума, призванная стать связующим звеном между Общей городской думой и администрацией, также попала под плотный контроль последней. Более того, деятельность собрания «общества градского» изначально носила цензовый характер: правом голоса в нем обладали лишь крупные предприниматели, купцы первых двух гильдий и др., поскольку право участия в нем определялось имущественным цензом в 5 тыс. рублей.

И в заключение – несколько слов о функциональном предназначении и составе первой Московской городской думы. На нее было возложено ведение городским хозяйством и управлением. Этими же функциями занималась и Шестигласная дума. Руководил ею городской голова. Заседания собирались по мере надобности или в согласованные сроки.

Первая Общая городская дума Москвы при своем открытии 15 января 1786 г. имела следующий состав:

- 15 гласных от настоящих городских обывателей;
- 3 гласных от гильдейского купечества;
- 16 гласных от цехов;
- 12 гласных от иностранных гостей;
- 16 гласных от иногородних купцов;
- 1 гласный от именитых горожан;
- 15 гласных от посадских.

Всего в думу было избрано 78 человек¹⁴⁴. В 1798 г., когда Общая городская дума прекратила свое существование, состоялось три заседания (последнее – 27 мая), на которых присутствовало, соответственно, 50, 24 и 11 гласных¹⁴⁵.

Важной особенностью городского самоуправления была автономность органов: собрания градского общества и думы. Они друг другу не подчинялись и действовали параллельно.

Недостатком, по мнению ученых, было наделение адекватными полномочиями в рамках города двух структур. Многие функции оказались запараллелеными.

Достоинством Городового положения Екатерины II был пункт о повсеместном распространении демократической практики. Так, согласно Положению, цеха получали право собирать ремесленные сходы, которые, в свою очередь, были полномочны избирать ремесленную управу в составе старшины и двух «товарищей». Целью такой «частной» самоуправленческой системы была забота о самых различных цеховых нуждах. Более того, подмастерья были правомочны создавать выборным путем подмастерные управы.

---

¹⁴⁴ Еремян В.В., Федоров М.В. История местного самоуправления в России (XII – начало XX в.). М.: РУДН, 1999. С. 182.

¹⁴⁵ См.: Московская городская дума в 1863 – 1917 гг. М.: Мосгорархив, 1998. С. 12.

Ремесленные управы города избирали ремесленного голову, который входил в состав Шестигласной думы в качестве гласного от цеховых.

Подводя общие итоги, отметим, что система местного самоуправления в Москве, вершиной которой являлась Общая городская дума стала дополнением к дворянскому самоуправлению. Она внесла оживление в городскую жизнь, однако на практике служила придатком к аппарату администрации и полиции.

Тем не менее, значение сформировавшейся системы трудно переоценить. По сути дела, речь шла об активном вовлечении состоятельного населения в дела управления городским хозяйством.

ИЗМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II И ПАВЛА I

Айдашева Г.А.

Московский государственный объединенный музей-заповедник
«Коломенское-Измайлово-Люблино»

Статья посвящена актуальной теме становления российского законодательства в период правления императрицы Екатерины II и императора Павла I. Она охватывает достаточно протяженный период в истории России, за который произошли коренные изменения в российском законодательстве, сопоставимые лишь с периодом законотворческой деятельности императора Петра Великого. Изучение документальных источников, исторической литературы и мемуаров позволили воссоздать определенный этап становления российского законодательства XVIII века, а также ознакомить с любопытными материалами по истории Москвы того же периода времени.

Ключевые слова: императрица Екатерина II; Россия; Москва; «Наказ комиссии о составлении проекта нового Уложения»; «Учреждения для управления губерниями»; Уложенная комиссия; Коломенское; император Павел I; Устав о престолонаследии; законность.

CHANGES IN RUSSIAN LEGISLATION DURING THE REIGN OF CATHERINE THE GREAT AND PAUL I OF RUSSIA

Aidasheva G. A.

Moscow state United Museum-reserve
«Kolomenskoye-Izmailovo-Lyublino»

The article focuses on the topic issue of development and formation of Russian legislation during the reign of Empress Catherine the Great and Emperor Paul I of Russia. It embraces quite a long period of Russian history during which fundamental changes in Russian legislation, comparable only to the law-making activity of Emperor Peter the Great, took place. Documentary sources, historical literature and memoirs helped to reconstruct a certain stage of Russian legislation formation in the XVIII century as well as revealed interesting materials on the history of Moscow of the same period.

Keywords: Empress Catherine the Great; Russia; Moscow; «Catherine the Great's Instruction»; «Institutions for Provincial Management»; Legislative Commission; Kolomenskoye; Emperor Paul I of Russia; Act of Succession; legitimacy.

Развитие российского законодательства в XVIII веке стремительными темпами, несомненно, было связано с преобразованием России на европейских началах. Только в период правления императора Петра I было издано более 4 тыс. нормативных актов, большей частью составленных либо отредактированных им самим. Поток новых российских законов не уменьшился и при его преемниках.

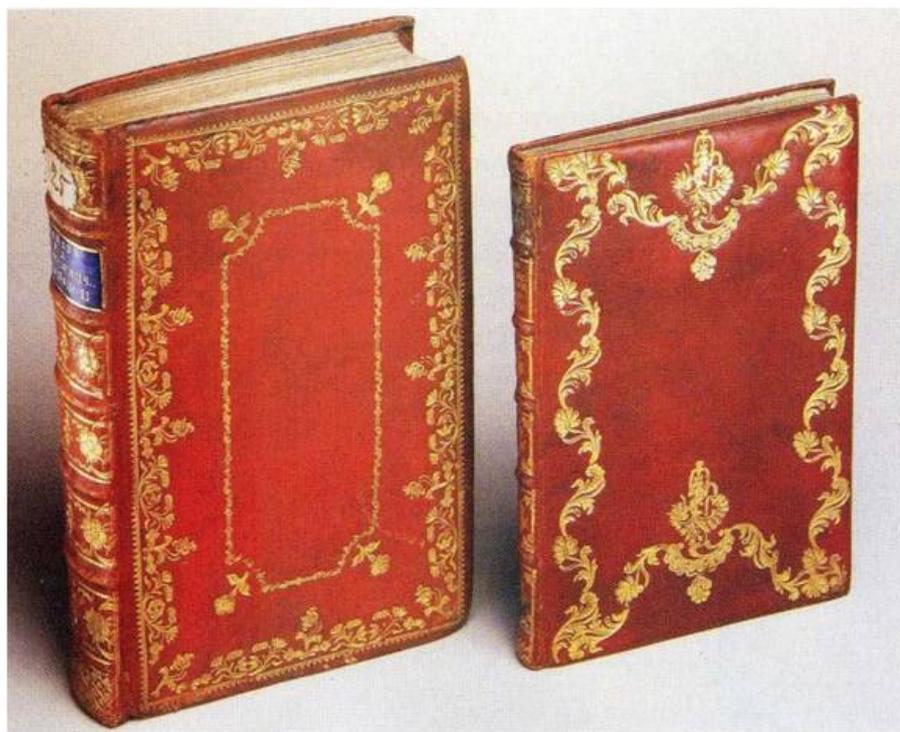
К началу правления императрицы Екатерины II система управления государством посредством коллегий, введенная Петром I, показала свою неэффективность. Господство фаворитов, сильное влияние родовитых дворян на самодержца, непрофессионализм чиновников – все эти факторы ослабляли коллегиальную систему управления в России. Екатерина II стремилась самостоятельно управлять страной, глубже вникая в государственные дела, меняя законодательные акты. Часто она убеждалась в том, что взялась за явно преждевременное и опасное дело. Как отметит в 1801 г. Н.М. Карамзин в своем «Историческом похвальном слове Екатерине II», императрица «... не нашла, может быть, в умах той зрелости, тех различных сведений, которые нужны для законодательства...»¹⁴⁶.

То наследие, которое она получила от своих предшественников, не устраивало Екатерину II потому, что рудиментарные образы малоавторитетных и корыстных воевод и губернаторов, воплощавших в своих лицах и судьбах, и финансистов, и администраторов, совершенно не соответствовали просветительским концепциям императрицы в сфере государственного устройства. Местное управление казалось Екатерине II порочным, потому что порождало волокиту, взятки и многочисленные злоупотребления. Оно существовало в автономном режиме, совершенно не ориентируясь на управление из центра, поэтому поражало своей первобытностью. Кроме того, просветительская концепция требовала от местного управления активного участия в социальной политике и мудрых взаимоотношений с сословиями. Основной документ реформы – «Учреждения для управления губерниями», изданный в 1775 г., – был в целом написан самой императрицей, которая при работе над текстом прибегала к помощи сановников из Германии, а также прибалтийской местной администрации. По своему значению «Учреждения» стали крупнейшим после «Наказа» произведением Екатерины II как государственного деятеля. Если «Наказ» был во многом публицистическим сочинением, то «Учреждение» явилось самостоятельным полноценным законодательным актом на базе идей «Наказа». «Наказ» Комиссии для сочинения нового Уложения, написанный самой императрицей в 1764-1766 гг., представлял собой талантливую компиляцию из работ

---

¹⁴⁶ Императрица Екатерина II. О величии России. М., 2006. С. 30.

французских и английских правоведов и философов. В основу сочинения были положены идеи Ш. Монтескье, Ч. Беккариа, Э. Люзака и других французских просветителей. В нем императрица утверждала, что для России, – государства с огромными территориями, богатейшими природными ресурсами и свободолюбивым народом, – никакой иной формы правления, кроме самодержавия, быть не должно. «Пространственное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно»¹⁴⁷ – отмечала Екатерина II.

Наказ Екатерины II Комиссии по Новому Уложению. 1767 г.

Если отделить в «Наказе» постановление, представляющее собой основу государственного устройства, то мы получим из оставшегося текстового материала «взгляд императрицы» на своих подданных как людей. При этом в сочинении провозглашалось, что государь должен править в соответствии с законами, что законы должны опираться на принципы разума и здравого смысла; что они должны нести в себе добро и общественную пользу. И, хотя в «Наказе» не говорилось о необходимости отмены крепостного права, но мысль о праве людей на свободу от рождения проведена в «Наказе» очень отчетливо.

---

¹⁴⁷ Императрица Екатерина II. О величии России. М., 2006. С. 73.

Екатерина II считала крепостное право гораздо большим злом, чем униженное состояние правосудия. Она не имела возможности восставать против этого зла, с той силой, как бы ей хотелось. В главе XI, трактующей о «Порядке в гражданском обществе», императрица пишет: «мы должны избегать случаев, чтобы не приводить людей в неволю, разве крайняя необходимость к изменению того привлечет, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной»¹⁴⁸. Реформируемая по идее Екатерины II система государственных учреждений – это лишь механизм реализации верховной воли просвещенного самодержца. Так принцип неограниченной власти был главным и основным принципом государственного строительства Екатерины II, который лежал в основе реформируемого ею политического режима. «Дело, которое наиболее сопряжено с неудобством, – это составление какого-нибудь нового закона, – писала Екатерина II в Особой тетради. Нельзя внести в это достаточно обдуманности и осторожности; единственное средство к достижению того, чтобы быть осведомленным о хорошей или дурной стороне того, что вы хотите постановить, это велеть распространить слух о том на рынке, и велеть точно известить вас о том, что говорят; но кто скажет вам, какие выйдут отсюда последствия в будущем. Остерегайтесь, по возможности, издать, а потом отменить свой закон; это означает Вашу нерассудительность и Вашу слабость и лишает Вас доверия народа, разве это будет только закон временный; в этом случае я желала бы заранее объявить его таковым и обозначить в нем, если возможно, основание и время, или, по крайней мере, обозначить в нем срок в несколько лет, по истечении которых можно было бы его возобновить или уничтожить»¹⁴⁹.

«Наказ» не стал официальным документом, но его влияние на дальнейшее развитие законодательства было значительным, так как это была программа, которую императрица хотела бы воплотить в жизнь. В своих сочинениях императрица точно указала правила управления: «Если государственный человек ошибается, если он рассуждает плохо или принимает ошибочные меры, целый народ испытывает пагубные следствия этого. Нужно часто себя спрашивать: справедливо ли это начинание? Полезно ли? Важно пять предметов: 1. Нужно просвещать нацию, которой должен управлять; 2. Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставить его соблюдать законы; 3. Нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию; 4. Нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным; 5. Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям»¹⁵⁰.

---

¹⁴⁸ Екатерина II Великая. Энциклопедия под ред. М. Ля Вольпе. М., 2008. С. 235.

¹⁴⁹ Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 357.

¹⁵⁰ Екатерина II. Сочинения. М., 1990.

Уложенная комиссия, один из главных законодательных органов екатерининской эпохи, собралась в 1767 г. в Москве. В ее работе участвовали 564 депутата. Они были выбраны народом во всех губерниях, им поручалось разработать необходимые стране законы, которые должны были прийти на смену Соборного уложения 1649 г. «... в Москву депутатов не только для того, чтобы от них выслушать нужды и недостатки каждого места, но и допущены они быть имеют в комиссию, которой дадим наказ и обряд управления для заготовления проекта нового уложения»¹⁵¹. Все помыслы императрицы в это время были заняты подготовкой к открытию Уложенной комиссии. 23 июля, за неделю до этого события, она выезжала в Москву на таратайках, видимо, чтобы ознакомиться с состоянием дел по подготовке открытия.

Панорамный вид села Коломенского. Ф.Я. Алексеев. 1800 гг. Из собрания Государственного Эрмитажа

За время своего царствования Екатерина II побывала в Коломенском несколько раз. В 1767 г. первый раз императрица «с небольшою свитою»

¹⁵¹ Ачаркан Д.- М. И. Дворцовое село Коломенское. История его памятников зодчества по архивным данным. 1918 г. Рукопись // МГОМЗ. Фонд книги. КП-13404/А-1596. С. 24.

посетила Коломенское для осмотра «новостроящегося в том селе дворца». Произошло это 24 февраля, в субботу, после обеда. У церкви ее встретил священник с животворящим крестом, при колокольном звоне»¹⁵². Затем императрица приезжала сюда 18 июня, 11, 15, 22 июля и 13 августа 1767 г. 29 апреля 1775 г. императрицу встречали в Коломенском крестьяне, а управитель поднес ей хлеб-соль.

28 июля 1767 г. она переехала из Коломенского в Головинский дворец в Лефортове, чтобы оттуда во главе торжественной процессии 30 июля направиться на церемонию в Кремль. Именно из Головинского дворца императрица с напряженным вниманием следила за первыми шагами работы депутатов и возвратилась в Коломенское только 13 августа, после того как 12 августа состоялся акт поднесения ей депутатами Комиссии титула «Екатерина Великая, Премудрая, Мать Отечества»; это имело большое значение для легитимизации ее власти. Трижды после этого она из Коломенского «навещала» собрание депутатов: 20 августа присутствовала на заседании Уложенной комиссии, а 28 августа и 5 сентября скрытно наблюдала за «собранием депутатства» из тайника над Грановитой палатой. Этот тайник существовал еще в XVII в., и оттуда женщины царской семьи могли наблюдать за церемонией приема иностранных послов¹⁵³.

С 28 августа по 3 сентября Екатерина вновь живет в императорской резиденции в Лефортове, где 30 августа в Головинском дворце проходит ежегодный торжественный прием императрицей кавалеров ордена Св. Александра Невского. Затем она возвращается в Коломенское, которое покидает лишь 16 сентября утром, завершая летний сезон. Именно здесь, в старинной родовой усадьбе Романовых императрица работала над «Наказом Уложенной комиссии». В письме к французскому философу Жану Лерону Д'Аламберу императрица писала: «Я зачеркнула и разорвала и сожгла больше половины, и Бог весть, что станет с остальным».¹⁵⁴

Осталось тайной, какие статьи «Наказа» Екатерина разорвала и сожгла. Здесь же, в Коломенском дворце царя Алексея Михайловича, проходило одно из заседаний «вельми разномыслящих» людей для рассмотрения этого Наказа»¹⁵⁵.

«Наказ» был отдан с позволением «чернить и вымарать все, что хотели».¹⁵⁶ Комиссия «вымарала» более половины сочинения, основным

---

¹⁵² Ачаркан Д.- М. И. Дворцовое село Коломенское. История его памятников зодчества по архивным данным. 1918 г. Рукопись // МГОМЗ. Фонд книги. КП-13404/А-1596. С.25

¹⁵³ Камер-фурьерский журнал. 1767 г. С.268; Суздальев В.Е. Очерки истории Коломенского. М., 2008. С. 109.

¹⁵⁴ Сборник ИРИО. Т.10. С. 167.

¹⁵⁵ Екатерина II. Т. XII. Ч. 2. СПб., 1907. С. 527.

¹⁵⁶ Суздальев В.Е. Очерки история Коломенского. М., 2008. С. 107, 108.

автором которого была императрица. Все замечания Екатерина II учла при доработке текста. Она провела дополнительную работу над «Наказом» по проблемам социально-правовой политики, написав дополнительные разделы о дворянстве, мещанстве и городах и переработав главу о крестьянстве. Указывая, как следует в будущем поступать с крепостными крестьянами, Екатерина писала: «Но вот удобный способ: постановить, что отныне кто-нибудь будет продавать землю, все крепостные будут объявлены свободными с минуты покупки ее новым владельцем, а в течение сотни лет все или, по крайней мере, большая часть земель меняют хозяев, и вот народ свободен. Свобода, душа всего, без тебя все мертво. Я хочу, чтобы повиновались законам, но не рабов. Я хочу общей цели делать счастливыми, но вовсе не своенравия, не чудачества и не тирании, которые с нею несовместимы».¹⁵⁷ Затем это философски-юридическое сочинение было издано на русском, французском, немецком и латинском языках.¹⁵⁸

Проработав 1,5 года, комиссия не утвердила ни одного закона. Однако подготовка к работе Уложенной комиссии оказала Екатерине II большую услугу: дала пищу для законодательной работы самой императрице, которая с тех пор профессионально занялась законодательством.

Среди событий, произошедших в 1775 г. и имевших значение для истории Коломенского, некоторые стоит отметить особо. В воскресенье 3 мая «перед полуднем в 12-м часу е.и.в. внутренних своих апартамент прибыть соизволила в комнату, что перед кавалерскую, куда внесена была бывшего старого Коломенского дворца модель и оную е.в. соизволила смотреть». Модель некоторое время стояла в «штучной» комнате.¹⁵⁹

На следующий день с утра состоялось первое в Коломенском заседание Императорского совета – высшего совещательного органа при императрице, на которое из города съехались графы К.Г. Разумовский, З.Г. и И.Г. Чернышovy, Н.И. и П.И. Панины, вице-канцлер И.А. Остерман, князя А.М. Голицын и А.А. Вяземский, а также статс-секретарь Екатерины II и делопроизводитель Совета С.Ф. Стрекалов. Совет собирался в Коломенском дворце еще 11 мая и 22 июня.

3 июня 1785 г. императрица торжественно въехала в Москву. После традиционного благодарственного молебна в Успенском соборе Кремля она поехала в Коломенское, где у дворца ее ожидала пышная и одновременно теплая встреча. Ее ждало большое число «съехавшегося из города знатного генералитета и дворянства» – московские чины во главе с московским главнокомандующим, московский предводитель дворянства,

---

¹⁵⁷ Екатерина II Великая. Энциклопедия под ред. М. Ля Вольпе. М., 2008. С. 353-354.

¹⁵⁸ Суздалев В.Е. Указ. соч. С.107, 108.

¹⁵⁹ Камер-фурьерский журнал. 1767. С. 268; Суздалев В. Е. Очерки истории Коломенского. М., 2008. С. 109

вельможная знать, жившая в Москве. Этот приезд Екатерины превратил старинную царскую резиденцию в место паломничества представителей разных сословий москвичей, которые приезжали сюда, чтобы приветствовать императрицу.¹⁶⁰

Екатерина II старалась перестроить всю систему государственной власти в России. Она показывала все свое искусство, соединив самодержавную форму правления и законность. Например, основой областной реформы стало такое изменение местного управления, которое усилило значение центра и самой императрицы в жизни России. Проведение аналогий между действиями Екатерины II в 1775 г. и действиями Петра I в 1708-1711 гг. кажется мне обоснованным. Как известно, Петр I ликвидировал большую часть приказов и создал губернии, во главе которых поставил обладавших большой властью должностных лиц, которые были непосредственно связаны с царем. По такому же пути пошла и Екатерина II: она ликвидировала большинство коллегий, что привело к передаче многих функций этих учреждений местным властям. Главной фигурой местной администрации стал губернатор или наместник. Новая губернская реформа означала продолжение процесса бюрократизации, что привело к росту численности чиновников. Количество губерний увеличилось с 25 до 41, а потом – до 50. Они формировались из расчета 300 – 400.000 жителей в каждой, а их размеры применительно к России позволяли власти вполне успешно контролировать положение дел на местах. Изменился и суд. Принцип независимости суда от администрации и отделение уголовного судопроизводства от гражданского – стали главными составляющими компонентами реформы. Создание при этом так называемого «Совместного суда» означало появление в России первого всесословного судебного органа. Значение этого суда состояло в том, что он принес на русскую почву зачатки гражданского общества и презумпцию невиновности, которые верховная власть гарантирует законом. Законы признавались Екатериной II равными для всех, и свободу определяла фраза «право все то делать, что законы дозволяют», а не дозволяют они только вредного» или каждому особенному или всему обществу», поэтому под хорошими законами понимает только такие, которые подданным производит уверенность, «что он ради собственной своей пользы стараться должен сохранить (их) нерушимыми». Определяя, что «законоположение должно применять к народному умствованию», Екатерина признает, что для лучших законов следует приготовить умы; только не следует это приготовление ставить в отговорку. Отделяя закон от обычая, она не

---

¹⁶⁰ Камер-фурьерский журнал. 1767. С. 271, 288, 391

советует обычаи отменять законами, а исправлять ими только вред, происходящий от законов.

«Закон – говорит Екатерина II далее, – не происходит единственно от власти» и вещи «между добрыми и злыми средние по своему естеству не подлежат законам». Преступления разделяет она на два главные рода: нарушающие безопасность жизни граждан или только спокойствие их. Только в первом случае имеют место казни, во всех же других видах – необходимо меры применять исправительные меры. Умеренность наказаний скорее, по мнению ее, приводит к цели, чем жестокость, правда, сильно поражающая воображение в начале, но потом страх уменьшается, так что приходится устанавливать «во всех случаях другое».¹⁶¹

Убеждая последовательность «природе, давшей человеку стыд вместо бича», Екатерина пишет в «Наказе»: «... пускай самая большая часть наказания будет бесчестие, при терпении наказания заключающееся». От суровости, говорила она далее, по уврачеванию зла «порок в общенародии остается; умы народы испортились: они привыкли к насильству».¹⁶²

Уврачевать это следует, полагает она, «непрерывным продолжением благополучия и сладкого спокойствия»; в заключение же решает, что «все наказания, которыми тело человеческое изуродовать можно, должно отменить». В главе IX о производстве суда говорится: «Власть судейская – для того, чтобы сомнения не было о свободе и безопасности граждан», что «ответчика должно слушать не только для узнания дела, но и для того еще, чтобы он себя защищал», «защищать» же, далее говорится «значит не что иное, как представлять суду в пользу ответчика все то, чем его оправдать можно. Хотите ли предупредить преступление? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми».¹⁶³ От общих, кратких начал законодательства, переходя к условиям чисто местным в главах XII-XVII, законодательница касается особенностей местного быта.¹⁶⁴

При Екатерине II концепция отношений власти и дворянства обогатилась рядом очень важных положений, которые вытекали из идей просветительства. Смысл преобразований состоял в том, чтобы русское общество, как и в Западной Европе, было организовано на сословных началах, чтобы было несколько основных сословий. Эти сословия получили бы неотделимые привилегии, которые необходимо закрепить законодательно. «Жалованная грамота дворянству» 1785 г., таким образом, закрепила достигнутое этим сословием положение «главного члена», и утвердила его привилегии и права в вопросах службы, землевладения,

---

¹⁶¹ Екатерина II Великая. Энциклопедия под ред. М.Ля Вольпе. М., 2008. С. 159.

¹⁶² Там же. С. 158.

¹⁶³ Там же. С. 159.

¹⁶⁴ Там же. С. 235.

суда. Кроме того, этот документ гарантировал личные свободы дворян. Еще один значительный документ этой эпохи – «Жалованная грамота городам». Именно эти документы стали основой политической программы императрицы, которую она проводила в жизнь на протяжении своего царствования. Екатерина рассматривала развитие города, городской жизни и общества как возможность активизировать жизнь всего государства с помощью оживленной предпринимательской деятельности. На базе городов императрица предполагала развитие свободного от крепостной зависимости населения. Жалованная грамота стала главным актом, который определил структуру городского общества и порядок его самоуправления вплоть до государственных реформ императора Александра II.

Портрет Екатерины II в меховой шапке. Неизвестный художник. 1767 г.

Вся огромная законодательная деятельность Екатерины II, особенно в 1770-1780 гг., становится выполнением ею работы по созданию больших законодательных блоков, определяющих основы государственного

законоположения России. Императрица Екатерина II стремилась к созданию единого свода государственных установлений. Центральное положение в своде занимал «Наказ Сенату», подготовленный в 1787 г. Более четко, чем раньше, этот документ утверждает, как незыблемый принцип полноту самодержавной власти. Именно она являлась единственным источником закона. Кроме того, в «Наказе Сенату» Екатерина II останавливается на проблеме престолонаследия. Самодержица решает, что порядок престолонаследия должен определяться законным путем; в нем должны соблюдаться важнейшие принципы: единонаследие, преимущество прав первородства и, несомненно, наследование по мужской линии. Определялись условия лишения наследника прав престола. Не менее важна вторая часть свода государственных установлений – «О узаконениях вообще». В этом документе закон признается как единственный принцип общественных взаимоотношений.

Екатерина II сформулировала и ряд положений, которые должны были защищать правовой строй, гарантировать незыблемость закона. Все подданные должны соблюдать законы, признавать законность судов, монополию и законность их решений. Запрещалось наказывать за то, что не определено законом как преступление. Провозглашалась свобода вероисповедания. Особенностью свода было то, что эти общие для граждан законы и их равная ответственность перед ним, реализовывались через сословную систему права. Таким образом, правовая система государства становилась достаточно сбалансированной. Императрица не опубликовала свод государственных установлений, возможно из-за того, что сомневалась в его возможностях гарантировать законность. Поэтому получалось, что вся сила самодержавия, которая основывалась на непререкаемом праве править без ограничений, оборачивалась для русского самодержавия такой стороной, что делало его в некоторые моменты беззащитным.

Императрица Екатерина II хорошо понимала, что одними правовыми нормами невозможно управлять обществом сколько-нибудь эффективно. Поэтому тексты многих ее законов несли в себе не только юридическое, но также и воспитательное содержание. В Особой тетради Екатерина II записала: «Власть без доверия народа ничего не значит; тому, кто желает быть любимым и прославиться, достичь этого легко. Примите за правило ваших действий и ваших постановлений благо народа и справедливость, которая с ним неразлучна. Вы не имеете и не должны иметь иных интересов».¹⁶⁵

---

¹⁶⁵ Екатерина II Великая. Энциклопедия М. Ля Вольпе. (Мысли из особой тетради). М., 2008. С. 354.

Кроме того, следует отметить, что к концу царствования Екатерины II рост государственных доходов увеличился почти вчетверо, то есть с 16, 5 млн. рублей до более чем 68; но необходимо знать и то, что также возросли и подати – подушные в 1,5 раза и более, а косвенные (акцизы) – почти в 2,5 раза. Разумеется, здесь необходимо учитывать и естественный прирост населения России.¹⁶⁶ Рост государственных доходов, конечно же, всегда являлся мерилем народного благосостояния.

После смерти Екатерины II на российский престол взошел пятый император XVIII века – Павел I. Он стремился наверстать упущенное и реализовать свои взгляды в деле. А, став самодержцем, он начал осуществлять свой вариант преобразований, не заботясь о продолжении начинаний Екатерины II. Павел I стал переориентировать всю систему управления и внутренней политики. В системе управления, введенной им, преобладающим стало бюрократическое направление. Именно бюрократами заменяются дворянские выборные должности, губернаторы получают большую административную свободу за счет прав сословий, а управление начинает осуществляться по военно-полицейскому принципу. Император не был заинтересован в проведении реформы Сената, которую планировала Екатерина II. Административные меры осуществлялись им очень поспешно, что привело к злоупотреблениям и неразберихе в государстве. Главными должностными лицами в городах становятся военные губернаторы. Политика в отношении разных групп населения была противоречивой. Павел I заставлял дворян служить Отечеству, но также он заботился и об их благосостоянии. Так, в декабре 1790 г. был учрежден Государственный вспомогательный банк для разорившихся помещиков, кроме того – император отдавал помещикам государственных крестьян, причем в огромных количествах. Также император считал, что все казенные земли нужно раздать помещикам, потому что они лучше будут о них заботиться.

Павел I был продолжателем дел своих предшественников. И Екатерина II, и Павел I в теории и практике управления исходили из опоры на доверенных и преданных людей. И императрица, и император, в периоды своих царствований, четко проводили личное начало в управлении. Павел I восстановил коллегии, но не для возрождения принципа коллегиальности, а для превращения их в разновидность министерств. Он избавился от екатерининских наместников; их властные полномочия стали осуществлять губернаторы, но их полномочия определял сам император. В конечном итоге, систему единоличной власти Екатерины II, ее наследник превратил в тиранию, но при этом он всемерно ратовал за то, чтобы подданные считали его «Отцом Отечества».

---

¹⁶⁶ Екатерина II: pro et contra. Антология. СПб., 2006. ПСЗ. XVII. №12801. С. 108.

Социальная политика Павла I была осуществлением старинных начал равенства всех государственных рабов перед одним государем. Император ощущал себя носителем высших ценностей государственной власти.

Император Павел I. Худ. С.С. Щукин.

В Москве император Павел I бывал не часто, но его визиты очень памятны для истории старой столицы. Документально зафиксировано только одно посещение цесаревичем Павлом Петровичем Коломенского, которое произошло в июле 1774 г.: «...однажды, когда из Москвы, где он жил со своей свитой, приехал цесаревич Павел, от залы с балкона пускаемы были для увеселения соколы на птиц»¹⁶⁷. Приехав в начале весны 1797 г. в Москву на коронационные торжества, император посетил также с инспекторской проверкой Московский военный госпиталь – детище своего великого прадеда – Петра I, где им были проведены многочисленные усовершенствования. Кроме того, заботясь о санитарном состоянии Москвы, Павел I высочайшим указом запретил своз нечистот к московским рекам, а также повелел возвысить их берега, что благоприятно сказалось на дальнейшем развитии города.

---

¹⁶⁷ Горохова Е.Г. Императрица Екатерина II в Коломенском. М., МГОМЗ. 2016. С. 12.

Коломенское. Вид с высоты птичьего полета.

В день своей коронации 5 апреля 1797 г. Павел утвердил Устав о престолонаследии, установивший жесткий порядок наследования престола преимущественно по мужской нисходящей линии, а не по произвольному желанию самодержца, как это было раньше, после издания петровского Устава о престолонаследии в 1722 г.

Век Екатерины II и Павла I – это век формирования национального самосознания, складывания в обществе понятий законности, чести и личного достоинства. Конечно, и при Екатерине II, и при Павле I Россия познала немало тягот и испытаний. Реальная жизнь россиян была очень далека от всеобщего благоденствия. И все же этот период русской истории по праву может именоваться периодом расцвета России.

Памятник Екатерине II. Санкт-Петербург. Скульптор М. Чижов.

РАТГАУЗ ВМЕСТО ДУМЫ: ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ МОСКВЫ ПРИ ПАВЛЕ I

Брусиловский Н.М.

Журнал «Историк»

В статье рассматривается кратковременный период существования Ратгауза в Москве. Учреждённый по указу императора Павла I, он был призван скорректировать систему городского управления, созданную Екатериной II. В силу своего недолгого функционирования Ратгауз долгое время считался «случайным» эпизодом истории московской власти, а потому мало исследовался. На самом деле этот опыт оказал влияние на проведение последующих преобразований в сфере городского управления.

Ключевые слова: Павел I, Ратгауз, Московская городская дума, городское управление.

RATHAUS INSTEAD OF DUMA: CITY ADMINISTRATION OF MOSCOW IN THE EPOCH OF PAUL I

Brusilovskiy N.M.

Magazine «Historian»

In the article the short period of existence of Rathaus in Moscow is considered. Established by the decree of Emperor Paul I, it was founded for correcting the city government system created by Catherine II. Due to its short-lived functioning, Rathaus has long been considered an "accidental" episode of the history of the Moscow authorities, and therefore little has been explored. In fact, this experience has had an impact on the implementation of transformations in the sphere of city management.

Keywords: Paul I, Rathaus, Moscow city дума, city administration.

Правление Павла I в течение многих лет рассматривалось исследователями однобоко и в целом отрицательно. Подавляющее большинство преобразований, проведённых в период его царствования (1796–1801), оценивалось как «непоследовательные» и якобы преследовавшие только одну цель – максимально уничтожить память о екатерининской эпохе и изменить всю систему государственной власти «в пику матери». Наконец, ещё один стереотип, до сих пор встречающийся в исследовательской литературе: будто бы после восшествия на престол Александр I отменил все павловские начинания, которые не оказали существенного влияния на развитие Российской империи. Эта точка зрения представляется в корне неверной. Яркой иллюстрацией павловских

реформ и их значения для последующей истории России стали преобразования в сфере городского управления – в частности, создание в Москве Ратгауза.

Говоря о характере правления Павла I, следует отметить его стремление к централизации, к сосредоточению власти в одних руках. Так, например, воссоздав ряд коллегий, упразднённых Екатериной, он, тем не менее, придал им совершенной иной характер – не коллегиальный, а централизованный. Во главе каждой из них стоял директор, имевший право личного доклада императору и обладавший независимостью от других членов коллегий. Де-факто это был прообраз министерств, которые позже введёт Александр I.

В рамках екатерининской реформы 1785 г. города получили местное самоуправление, введено избрание на должности, в целом проводилась политика децентрализации. Павел I был сторонником принципиально иного подхода, предполагавшего централизацию управления и в целом усиление самодержавной власти. Такая политика в 1790-е гг. была совершенно оправданной в связи с революционными событиями во Франции и попытками распространения соответствующих идей в России. В рамках противодействия этим процессам система управления на местах была встроена в «вертикаль власти» и подчинена столичной администрации.

В июне 1797 года в Санкт-Петербурге начала работу Комиссия о снабжении резиденции припасами, распорядком квартир и прочих частей, до полиции принадлежащих. Её возглавил великий князь Александр Павлович – наследник престола и будущий император Александр I.¹⁶⁸ Уже это показывает, сколь высокое внимание Павел уделял вопросу управления в столицах, поручая надзор за этим процессом своему сыну.

Московская Общая городская дума была упразднена указом от 17 января 1799 г., но фактически она перестала работать в 1798 г. Учреждался департамент вышеупомянутой Комиссии, в ведении которого отныне находилось управление Москвой – тем самым московская администрация была поставлена в зависимость от Санкт-Петербурга. 4 апреля 1799 года был создан Ратгауз (калька с немецкого «Rathaus» – Ратуша), заменивший Общую думу и Магистрат, поэтому в его ведении оказались как хозяйственные, так и судебные вопросы городского уровня.¹⁶⁹ Ранее Ратгауз был учрежден в 1798 году в Санкт-Петербурге, в его состав входили президент, директора экономии, 6 бургермейстеров и 10 ратсгеров. Бургермейстеров и ратсгеров избирало городское общество.

---

¹⁶⁸ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010. С. 53.

¹⁶⁹ Там же. С. 54.

Ратгауз заведовал городскими доходами и судебными делами граждан и разночинцев – как гражданскими, так и уголовными. Апелляция на его решения подавалась напрямую в Сенат, что также показывало его высокую роль в общей системе государственной власти Российской империи.

Ратгауз в Москве выполнял административные, финансовые, судебные и полицейские функции. В его состав входили президент, назначаемый императором, директор экономии, заведовавший городским хозяйством, 6 бургермейстеров и 12 ратсгеров (советников). Директор экономии утверждался императором по представлению Департамента комиссии, бургермейстеры и ратсгеры избирались городским обществом из числа граждан «заслуживших честное имя и общее доверие».¹⁷⁰ Важно отметить, что они считались состоявшими на государственной службе в чинах VII-VIII классов и даже получали право носить шпагу – ранее это позволялось только дворянам. Ратсгер формировал роту из мещан для несения караулов в здании Ратгауза и в домах его ведомства. Президент, бургермейстеры и ратсгеры управляли городом в судебном отношении, а директор экономии ведал финансами города.

Ратгауз разделялся на 3 отделения: «юстицкое гражданских дел»; «юстицкое криминальных дел»; камеральный департамент. Горожане, как в гражданских, так и в уголовных делах, были подсудны только Ратгаузу, если же в деле был замешан дворянин или чиновник, то дело передавалось в соответствующее сословное учреждение.

В «юстицком гражданских дел» департаменте присутствовали президент Ратгауза, 2 бургермейстера и 3 ратсгера. Департамент решал тяжбы горожан и разночинцев (в том числе и иногородних) об имениях, сделках, завещаниях, закладных, наследстве, праве наследования, вексельных исках, опеке малолетних, купчих и закладных.

В «юстицком криминальных дел» департаменте заседали 2 бургермейстера и 3 ратсгера. Здесь рассматривались уголовные дела, поступившие из частных судов, от военного губернатора или по предписанию департамента комиссии, по сообщениям из присутственных мест и предложениям генерал-прокурора. Приговоры этого департамента вносились Президенту Ратгауза.¹⁷¹ Тем самым расследование преступлений впервые было выделено в особый вид деятельности и поручено специальному следственному органу при Ратгаузе.

В камеральном департаменте заседали директор экономии, 2 бургермейстера и 6 ратсгеров. В его ведении находились повинности, назначаемые департаментом комиссии, городские доходы, поступавшие в

---

¹⁷⁰ Москва: городское управление. 300 лет истории управления городом. Справочник. М., 1997. С. 149.

¹⁷¹ Там же. С. 149–150.

департамент: суммы от питейного дела, штрафные деньги с купцов и мещан, выморочные владения, сбор с клеймения извозчичьих номеров и другие городские расходы; управление принадлежащими городу землями; учёт граждан (мещан и ремесленников); исполнение полицейских «надобностей»; осуществление надзора за городскими тюрьмами, госпиталями, цухт и дольгаузами, богадельнями; сбор сведений о торговых ценах; разработка таксы для трактиров, постоянных дворов, сдающихся внаём домов и квартир (на их освещение, отопление и др.). Камеральный департамент следил за тем, чтобы не было обмана, обмера, обвеса при продаже товаров; за своевременной выплатой жалования служащим. Он ведал также содержанием Ратгауза, мещанской роты, полицейской, мостовой и пожарной команд; военных казарм, квартирных домов и пр., состоящих на его содержании; наблюдал за соблюдением правил торговли. В ведении и под надзором камерального департамента находились все амбары, склады товаров и торговые места, а также ремесленные цеха.¹⁷²

Исследователь истории управленческой системы России Л.Ф. Писарькова отмечает, что по сравнению с Жалованной грамотой 1785 года павловские законы оказались более эффективными, так как разрабатывались с учётом реального положения российских городов, которые в силу своего слабого социально-экономического развития нуждались в опеке и помощи государства, прежде всего финансовой.¹⁷³ Сочетание выборных и назначаемых свыше должностей больше подходило для Москвы, нежели предложенная Екатериной II идея обособленных от администрации общественных учреждений, которые в условиях XVIII века оказались малорезультативными.

После убийства Павла I и восшествия на престол его сына, Александра I, многие преобразования конца XVIII века были отменены. «Всё будет как при бабушке» – провозгласил новый император, обещая возврат к екатерининским порядкам. 2 апреля 1801 г. – менее, чем через месяц после смены власти в России – была закрыта Комиссия о снабжении резиденции припасами и её департамент в Москве, а вместо ратгаузов в городах снова учреждались общие и шестигласные думы. Официально Ратгауз в Москве был упразднён 12 февраля 1802 г. по именному указу императора с передачей функций Городовому магистрату.

Однако полного возврата к Жалованной грамоте городам 1785 г. не произошло. Например, судебные палаты были восстановлены в том виде, в котором они существовали при Екатерине, но в их состав были включены выборные заседатели от дворянства. Нижние расправы восстановлены не

---

¹⁷² Москва: городское управление. 300 лет истории управления городом. Справочник. М., 1997. С. 151.

¹⁷³ Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 55.

были, их функции были переданы в нижний земский суд (бывший дворянский), в состав которых вводились дополнительно два заседателя от сельского населения. Кроме того, в 1802 г. в столицах были созданы Комитеты для уравнивания городских повинностей, в которых снова соединялись правительственное и выборное начала.¹⁷⁴ Своей деятельностью они продолжили тенденции, наметившиеся в предыдущее царствование. Таким образом, реформы, предпринятые Павлом I, были важным шагом на пути к созданию гармоничной и действенной системы городского управления. Позже централизованный и унифицированный механизм управления на местах был создан императором Николаем I, который тем самым продолжил линию, выбранную его отцом.

---

¹⁷⁴ Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 57.

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА В НИКОЛАЕВСКУЮ ЭПОХУ (1825–1855): ПОРА УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИЛИ ЭРА ПОДГОТОВКИ РЕФОРМ?

Полешук К.К.

Музейное объединение «Музей Москвы»

В статье исследованы организационная структура, преобразования, хозяйственные мероприятия органов московского самоуправления, дана оценка итогов деятельности Московской городской думы в период царствования императора Николая I. Статья написана на широкой источниковой базе.

Ключевые слова: Московская городская дума, московский городской голова А.П. Шестов, городское хозяйство.

MOSCOW CITY DUMA IN THE NICHOLAS ERA (1825-1855): TIME FOR LOST OPPORTUNITIES OR THE ERA OF REFORM PREPARATION?

Poleshchuk K. K.

Moscow city museum

In the article the organizational structure, transformations, economic measures of the bodies of Moscow self-government are examined, the results of the Moscow City Duma activity during the reign of Emperor Nicholas I. The author analyses the problem on the basis of representative cases from many different sources.

Keywords: Moscow City Duma, Moscow City Mayor A.P. Shestov, the city economy.

Николаевская эпоха – важный период в истории России и ее Первопрестольной столицы. Это время вызывало разноречивые оценки современников и потомков. В либеральной дореволюционной и советской историографии император Николай I (1796–1855) нередко предстает косным реакционером, ретроградом-консерватором, застопорившим развитие страны. Николаевское время, этот «апогей самодержавия», представляется эпохой упущенных возможностей¹⁷⁵.

---

¹⁷⁵ Полиевктов М.А. Николай I: биография и обзор царствования. М., 1918; Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925.

В то же время, существует диаметрально противоположный, апологетический взгляд на личность государя и его правление. Ряд дореволюционных историков и некоторые современные исследователи характеризуют правление Николая как период спокойного поступательного развития России, отечественной промышленности и торговли, роста городов, как время подспудной подготовки Великих реформ следующего царствования¹⁷⁶. Самодержец благоволил Москве. Архитектура николаевской Москвы – шедевры Тона и Бове, Стасова и Шестакова – по сей день украшают древнюю столицу. На парадном портрете, созданном художником Е.И. Ботманом, император предстает на фоне Кремлевского дворца, построенного Константином Тоном. Однако оппоненты царя-консерватора клеймили его «фасадную империю», упрекали самодержца в подавлении общественных институтов. Чем же была николаевская эпоха для одного из них – московского самоуправления? Порой упущенных возможностей или временем созидания?

Цель исследования – на основе исторических источников и историографии рассмотреть организационную структуру, преобразования, хозяйственные мероприятия органов московского самоуправления, оценить итоги деятельности Шестигласной думы в период царствования императора Николая I.

I. Структура московского самоуправления во второй четверти XIX в.

Какова же была структура московского самоуправления во второй четверти XIX века?

По Городовому положению, введенному Екатериной II в 1785 г., городское самоуправление в виде Общей думы было ориентировано на всех горожан. Но на практике в исследуемый период оно находилось в ведении сословных корпораций торгово-промышленного населения. Примечательно, что в николаевской Москве не было Общей думы. О Городской реформе Екатерины II напоминала лишь Шестигласная дума – исполнительный орган городского самоуправления – которую избирали сословные собрания. Она состояла из городского головы и шести членов – гласных – представлявших торгово-промышленные сословия: купцов, мещан и ремесленников. Так, сословное самоуправление де-факто подменяло собой общегородское, не получившее должного развития¹⁷⁷.

Городской голова и гласные избирались на три года. Как и в предшествующую эпоху, в функции Шестигласной думы входили сбор и

---

¹⁷⁶ Татищев С.С. Император Николай I и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889; Шильдер Н. К. Император Николай I, его жизнь и царствование. СПб., 1903; Выскочков Л.В. Николай I. М., 2006.

¹⁷⁷ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М., 2011. С. 75.

расходование городских средств, постройка городских зданий и торговых площадей, наблюдение за общественным порядком на ярмарках, базарах, урегулирование недоразумений между жителями¹⁷⁸. С 1820 г. Шестигласная дума располагалась в новом здании Присутственных мест на Воскресенской площади¹⁷⁹.

Должность *городского головы* была ключевой в московском городском общественном управлении. Голова избирался на трехлетний срок из числа наиболее состоятельных и уважаемых горожанами купцов. Он руководил работой Шестигласной думы, являлся связующим звеном между городским обществом и коронной администрацией. Так, городской голова обращался к генерал-губернатору по вопросам передачи Москве казенных зданий, во время борьбы с эпидемиями, при подготовке праздничных торжеств. Также голова отвечал за социальные проекты: собирал средства на создание школ, больниц и богаделен, нередко первым жертвуя на благое дело. Невзирая на то, что городская служба считалась безвозмездной, московские градские и сословные общества старались наградить своих выборных за «оправданное доверие» и «труды». Городским головам и гласным назначались фиксированные денежные оклады¹⁸⁰.

В николаевскую эпоху в Москве работали 13 городских голов, представлявших наиболее видные купеческие семьи: Алексеевых, Куманиных, Шестовых, Лепешкиных¹⁸¹. Показателен пример семьи одворянившихся текстильных фабрикантов и чаеоторговцев Куманиных. По свидетельству купца-мемуариста П.Н. Бурышкина, эта фамилия занимала «первое место в московском купеческом родословии по числу ее членов, возглавлявших Московское городское общественное управление»¹⁸².

Алексей Алексеевич Куманин (1751-1818), коммерции советник, был награжден орденом Святого Владимира, что предоставило ему право потомственного дворянства. В 1792-1795 гг. он избирался бургомистром Московского магистрата, а в 1811-1813 гг. – московским городским головой. На протяжении исследуемого периода его сыновья и племянник занимали высокую должность три раза: Константин Алексеевич

---

¹⁷⁸ Грамота на права и выгоды городам Российской империи 21 апреля 1785 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 тт. М., 1984–1994. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 127.

¹⁷⁹ История Москвы с древнейших времен до наших дней. В. 3 т. М., 1997–2000. Т. 2: XIX в. С. 52.

¹⁸⁰ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума С. 77–78.

¹⁸¹ Иваск У.Г. Московские городские головы и заместители их, 1782–1912 гг. // Русский архив. 1912. № 5. С. 78–80.

¹⁸² Бурышкин П.А. Москва купеческая. Записки. М., 1991. С. 130.

в 1824-1827, Валентин Алексеевич в 1837–1840 и Петр Иванович в 1852-1855 годах¹⁸³. Получив дворянство, большинство членов этой семьи не возвращалось к семейному бизнесу. Фамилию Куманиных можно встретить среди представителей чиновничества, общественных деятелей¹⁸⁴. Куманины привлекают внимание и как родственники Ф.М. Достоевского. Сын Алексея Алексеевича Куманина, Александр Алексеевич, был женат на родной тетке писателя, Александре Федоровне (урожденной Нечаевой). Супруги Куманины были крестными Федора Михайловича и оказывали ему материальную поддержку. Особняк Куманиных на Ордынке описан в романе «Идиот» как дом купцов Рогожиных¹⁸⁵.

Однако наиболее ярким и талантливым московским головой николаевской эпохи стал *Андрей Петрович Шестов*, возглавлявший городское самоуправление в 1843-1845 гг. Уроженец Боровска, Шестов вместе с братьями занимался чаеоторговлей, был заводчиком и банкиром. В должности московского городского головы Андрей Петрович покровительствовал мещанам и ремесленникам, снизил городские налоги и снискал народную любовь. В Москве в 1840-х годах шло большое строительство, с которым были связаны различные злоупотребления. Шестов бескомпромиссно боролся с взяточниками и казнокрадами. Голова добился права участвовать в работе строительной комиссии, что позволило контролировать расходование средств города. Наглядный пример энтузиазма Андрея Петровича – история с фальшивым военным обмундированием. В московский комиссариат была поставлена партия военных касок, оказавшихся поддельными – сделанными из картона.

---

¹⁸³ Иваск У.Г. Куманины. Б.г., б.м. С. 1–2.

¹⁸⁴ Бурышкин П.А. Москва купеческая. Записки. М., 1991. С. 131.

¹⁸⁵ Сукина Л.Б. К биографии московского городского головы А.А. Куманина // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы X Всероссийской научной конференции. Бородино, 3–5 сентября 2001 г. М., 2002. С. 189. Впоследствии, вспоминая тетушку, Достоевский отмечал ее огромное значение в своей жизни с младенчества до юности. Бесхитростные, но весьма обстоятельные, красочные и поучительные рассказы Александры Федоровны оставили глубокий след в сердце юного Достоевского. Из них он черпал сведения о своеобразных нравах и идеалах торгово-промышленной Москвы. Сама Александра Федоровна, фигура весьма колоритная, послужила прообразом нескольких персонажей романов Достоевского. Так, ее экстравагантный, властный характер угадывается в «бабуленьке» - героине романа «Игрок». Писатель, которого вечно преследовала нужда, вынужден был и в зрелые годы обращаться за помощью к своей тетушке. См.: Гуральник У. Ф.М. Достоевский // Русские писатели в Москве. М., 1987. С. 473–474.

Махинацию раскрыл городской голова, который в комиссариате лично взламывал каски. Вместо кожи внутри оказалась бумага¹⁸⁶.

Мемуарист Александр Ушаков характеризовал Шестова как рачительного и бескорыстного человека: «Широкий размах и не расположенность к мелочам были его прямой потребностью. Ему не жилось иначе. Но вместе с тем его нередко рискованные предприятия не были следствием удовлетворения личного расположения к роскоши, к открытой жизни, к излишествам. Напротив, он был нетребователен и крайне умерен, даже скуп»¹⁸⁷. Андрей Петрович жил в Лаврушинском переулке, в том самом доме, где ныне расположена Государственная Третьяковская галерея. В 1834 г. Шестов принимал участие в финансировании очередной перестройки храма Св. Николая в Толмачах, в наши дни являющегося домовою церковью Третьяковки¹⁸⁸.

В первой половине XIX столетия отношение москвичей к выборной городской службе было неоднозначным и менялось с течением времени. По свидетельству современника, в начале века избрания на муниципальные должности «домогались как отличия». Такой энтузиазм жителей Первопрестольной был связан с восстановлением императором Александром I екатерининской Жалованной грамоты городам, отмененной Павлом I. Большую роль сыграл и указ Александра от 1802 г. «О неуклонении дворянства и купечества от выборов», в соответствии с которым представители привилегированных сословий должны были «удостаивать лучших людей к определению в должности». Но уже в 1820-х гг. знатные и состоятельные москвичи стремились избежать избрания. Дабы уклониться от выборной должности, некоторые дворяне и купцы специально уезжали из Москвы в провинцию или даже за рубеж¹⁸⁹. Городская служба воспринималась многими состоятельными москвичами как тяжелая повинность. Чем объяснить такое поведение представителей имущих сословий? Городская служба являлась не престижной, поскольку была обязательной и безвозмездной. К тому же, до 1842 г. она не освобождала представителей непривилегированных сословий от телесного наказания. Ради решения московских проблем городскому голове и гласным приходилось часто отрываться от собственных дел¹⁹⁰.

---

¹⁸⁶ Ушаков А.С. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. Вып. 2. М., 1866. С. 6–22.

¹⁸⁷ Ушаков А.С. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. Вып. 2. М., 1866. С. 16.

¹⁸⁸ Романюк С.К. Переулки старой Москвы. История. Памятники архитектуры. Маршруты. М., 2013. С. 786–787.

¹⁸⁹ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума С. 78–79.

¹⁹⁰ История Москвы с древнейших времен до наших дней С. 52.

II. Реформы московского самоуправления во второй четверти XIX в.

Итак, какие реформы предпринимала власть в отношении Московской думы?

Император Николай, называвший себя «консерватором с прогрессом», предпринимал попытки преобразований многих отраслей государственной жизни, в том числе, и городского самоуправления, и хозяйства. В 1827 г. управляющий Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии М.А. Балугьянский представил в Государственный совет проект реформы, в соответствии с которым власть городских дум заметно расширялась. Однако, он не получил поддержки Госсовета. Особое значение уделялось правительством проблеме дефицита московского бюджета и повышения городских доходов. В 1832–1836 гг. в Москве работал особый комитет для устройства хозяйства Московской городской думы под председательством военного генерал-губернатора. В решении финансовых проблем комитет прибегнул к испытанному способу – предложил ввести ряд новых налогов и повысить сборы¹⁹¹.

Важную работу в 1840-х гг. инициировал министр внутренних дел Л.А. Перовский, видевший исправление недостатков в восстановлении учреждений, созданных Жалованной грамотой городам и привлечении к участию в городских делах домовладельцев из дворян и разночинцев. Деятельность по преобразованию городского хозяйства и управления была сосредоточена в хозяйственном департаменте МВД. Эта работа была поручена городскому отделению департамента, с 1842 г. возглавлявшемуся *Николаем Алексеевичем Милютиным (1818-1872)*. Выдающийся реформатор будущего царствования, Милютин и в николаевскую эпоху проявил себя незаурядным администратором. По его инициативе была проведена ревизия городского хозяйства в десятках городов империи¹⁹². Особое внимание уделялось столицам. В Москве был собран огромный статистический материал, проведена топографическая съемка, составлены инвентарные описи городской недвижимой собственности. Был установлен жесткий губернаторский надзор за городским хозяйством древней столицы, в особенности за использованием городских средств. В 1844 г. Милютин систематизировал наработанный материал в «Исследованиях о городах русских»¹⁹³.

Работа Милютина и его коллег быстро дала результат. Быстро рос бюджет Москвы. Так, в 1844 г. по сравнению с предшествующим годом доходы возросли с 386 до 608 тыс. рублей серебром. К 1853 г. московский бюджет был сбалансирован и составлял 1 697 000 рублей серебром, или 17

---

¹⁹¹ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума С. 66-69.

¹⁹² Там же. С. 70-71.

¹⁹³ Милютин Н.А. Исследования о городах русских // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. № 6-7.

% совокупного городского бюджета России, составлявшего тогда 9 969 000 рублей. По величине доходов к началу 50-х гг. позапрошлого века Первопрестольная столица уступала только Петербургу. Результатом четырехлетнего труда милютинского департамента стало Городовое положение 1846 г. В соответствии с этим законом в Петербурге была учреждена Общая городская всесословная дума и ее распорядительный орган – Распорядительная дума. Радикальный для своего времени закон, снискавший своему создателю репутацию «красного», Городовое положение 1846 г. стало основой для городских реформ в Москве в 1860-е гг.¹⁹⁴

Современники высоко оценили подвижнический труд Милютина. Показательно отношение к реформатору Н.А. Некрасова. Поэт был лично знаком с Милютиным, еще в 1850-е гг. сотрудничавшим в «Современнике», глубоко уважал его государственную деятельность. По свидетельству В. Якушкина, «у Некрасова в кабинете на стене висел большой литографированный портрет “кузнеца-гражданина”»¹⁹⁵. К его городским преобразованиям можно в полной мере отнести вдохновенные строки стихотворения «Кузнец» (1872), посвященные памяти Милютина:

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал.
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал.
В чем погрешу и чего не доделаю,
Думал, – исправят потом.
Грубо ковал ты, но руку умелую
Видно донине во всем.
С кем ты делился душевною повестью,
Тот тебя знает один.
Спи безмятежно, с покойною совестью,
Честный кузнец-гражданин!
Вел ты недаром борьбу многолетнюю
За угнетенный народ:
Слышал ты рабскою песню последнюю,
Видел свободы восход.¹⁹⁶

Стихотворение было написано сразу после кончины Милютина (26 января 1872 г). С тех пор в умах русской интеллигенции некрасовский образ «кузнеца-гражданина» отождествлялся с именем Николая

¹⁹⁴ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума С. 72, 85.

¹⁹⁵ Русская старина. 1897. № 10. С. 157.

¹⁹⁶ Некрасов Н.А. Кузнец // Полное собрание сочинений и писем в 15 томах. Л., СПб., 1981–2000. Т. 3. Стихотворения 1866–1877 гг. Л., 1982. С. 93, 323.

Милютин. Так, историк А.А. Кизеветтер назвал свою работу о Милютине «Кузнец-гражданин»¹⁹⁷.

III. Хозяйственная деятельность московских властей

Перейдем к вопросу хозяйственной деятельности московских властей. В обязанности Шестигласной думы входило заботиться о чистоте и благоустройстве города, продовольствии для жителей, торговле и промыслах. Однако особо отметим, что в николаевскую эпоху городское хозяйство де факто находилось в ведении коронной администрации. По свидетельству современника, дворянина-мемуариста Дмитрия Никифорова, Шестигласная дума «всцело была подчинена московскому генерал-губернатору, который и был в ней полновластным хозяином»¹⁹⁸. Последнему принадлежал высший надзор над деятельностью городского общественного управления.

Административная опека стесняла общественную инициативу в благоустройстве города, которое являлось результатом деятельности правительства, а не общества. В таких условиях не выборные учреждения, а государственные структуры, ведомства и комитеты занимались решением хозяйственных вопросов. Учебные заведения, больницы и богадельни находились в ведении министерств и ведомств или приказов общественного призрения и Ведомства императрицы Марии, которые не были подотчетны городу. По справедливому замечанию Л.Ф. Писарьковой, органы общественного управления выделяли средства на содержание городских учреждений, но не могли проконтролировать их использование¹⁹⁹.

Итак, что же было сделано городскими властями во второй четверти XIX в. для благоустройства древней столицы?

Одно из важнейших хозяйственных мероприятий в Москве николаевской эпохи – реконструкция Мытищинского водопровода в 1826–1835 и 1853–1858 гг. Особенно значимы работы по переустройству водопровода, проведенные бароном Андреем Ивановичем Дельвигом в середине 1850-х гг. и стоившие казне в 1,5 млн. рублей²⁰⁰. Старые москвичи были в восторге от нового водопровода. Особенно радовали глаз красивые водоразборные фонтаны, построенные на центральных площадях и декорированные изящными скульптурными композициями – «водометы, украшенные прелестными группами московского художника Витали»²⁰¹.

---

¹⁹⁷ Кизеветтер А.А. Кузнец-гражданин (из эпохи 60-х годов). Ростов-на-Дону. 1905.

¹⁹⁸ Никифоров Д.И. Из прошлого Москвы. Записки старожила. М., 1901. С. 77.

¹⁹⁹ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума С. 77-78.

²⁰⁰ Водоснабжение Москвы в 1779-1902 гг.: Мытищинский и другие вспомогательные водопроводы. М., 1902. С. 11-13.

²⁰¹ Загоскин М.Н. Москва и москвичи. М., 1988. С. 131.

Благоустраивались пути сообщения – строились новые булыжные мостовые, каменные набережные и мосты. Так, в 1829 г. был сооружен новый каменный Большой Москворецкий мост; в 1830–1840-х гг. по проекту инженеров А.И. Дельвига и Н.И. Яншина построена каменная Софийская набережная²⁰². В 1820–1830-х гг. были восстановлены зеленые насаждения Бульварного кольца и Петровского парка, пострадавшие в 1812 г. Изумленный современник описывал красоты воссозданного в 1830-х гг. Петровского парка: «Посмотрите, каким роскошным ковром раскинулся этот веселый парк, как разбегаются во все стороны его широкие, укатанные дороги, с каким изящным вкусом разбросаны его рощи, опушенные цветами и благородным кустарником, какой свежей и яркой зеленью покрыты его обширные поляны, как мил и живописен этот небольшой пруд со своими покатыми берегами и прелестными мостиками!»²⁰³

Улучшалась ситуация с городским освещением. Если в послепожарной Москве в 1817 г. был 4341 масляный фонарь, то к началу 1840-х гг. число таких светильников увеличилось до 7692. В середине столетия их постепенно стали заменять более совершенными спиртовыми фонарями²⁰⁴. Благоустраивалась и социальная сфера, строились новые больницы и богадельни. Так, в конце 1840-х гг. на 300 тыс. москвичей приходилось 63 больницы на 5420 коек и 83 богадельни на 5788 мест²⁰⁵.

Многие современники восхищались преобразованиями в московском хозяйстве. В.Г. Белинский, провинциальный интеллигент, впервые увидевший древнюю столицу в 1829 г., в письме землякам рисует идиллический городской пейзаж: «Вся Москва состоит из камня и железа. Улицы выложены камнем, тротуары кирпичные, крыши и заборы по большей части железные»²⁰⁶. В 1840-х гг. писатель М.Н. Загоскин в цикле очерков «Москва и Москвичи» восторгается жизнью обновленного города: «Нельзя довольно надивиться, когда посмотришь, что сделано для Москвы в течение последних 25 лет... Крутые спуски, от которых езда по Москве не всегда была безопасною, везде срыты, и грязные, заплывшие тиною пруды превратились в светлые бассейны, обсаженные тенистыми липами. Придет ли кому в голову, что этот широкий бульвар на Трубе, со своими зелеными полянами и гладкими дорожками был не так еще давно непроходимым и зловонным болотом! Кто поверит, что несколько лет

---

²⁰² Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. В 3 тт. М., 1950-1972. Т. 3. М., 1972. С. 349-351.

²⁰³ Загоскин М.Н. Москва и москвичи С. 132.

²⁰⁴ История Москвы с древнейших времен до наших дней С. 56-57.

²⁰⁵ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума С. 73.

²⁰⁶ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 12 тт. М., 1956. Т. 11. Письма: 1829-1840. С. 84.

тому назад на том самом месте, где теперь красивые сады опоясывают часть кремлевской стены, был безобразный ров, заваленный всякою отвратительною нечистотою?»²⁰⁷

Но не будем обольщаться. Невзирая на одобрение многими современниками позитивных перемен в городском благоустройстве, стоит отметить их очевидную недостаточность. Москва середины XIX века заметно отставала от многих европейских городов. Она была единственной европейской столицей, не имевшей газового освещения. Городу остро не хватало воды, отсутствовала канализация. Нечистоты часто попадали в реки. Описывая панораму древней столицы в 1834 г., М.Ю. Лермонтов отмечает «мелкую, широкую, грязную Москву реку, изнемогающую под множеством тяжких судов»²⁰⁸. Архаичные булыжные мостовые были неудобны для москвичей – шумные, они давали много пыли и грязи. А.С. Пушкин в 1827 г. в «Евгении Онегине» отметил изъяны главной улицы Москвы: «Вот уж по Тверской возок несется чрез ухабы»²⁰⁹. В теплое время года смрад и нечистоты отравляли воздух. Следствием такой обстановки были частые эпидемии заразных болезней: холеры, тифа, дифтерии, с которыми уже справились европейские города, и высокая смертность населения²¹⁰.

Выводы

Итак, московская Шестигласная дума в николаевскую эпоху представляла общественное управление древней российской столицы. Думцы ставили и пытались решать многие хозяйственные вопросы. Однако полномочия думы были весьма ограничены, ее задачи сводились в основном к составлению сметы доходов и расходов и сборам средств на нужды города. Московское самоуправление было практически бессильно вследствие подчиненности коронной администрации, скудости бюджета и отсутствия у думы административно-полицейской власти. Материалы ревизии Шестигласной думы, предпринятой в середине 1850-х годов, выявили ряд изъянов в ведении городского хозяйства. По свидетельству ревизора, дума «давно утратила свой коллегиальный характер и приняла вид какой-то канцелярии, беспрекословно исполнявшей все предписания и требования начальства, нимало не заботясь о городских интересах». По воспоминаниям современника, князя В.М. Голицына, Шестигласная дума «представляла собой нечто столь архаичное, безжизненное, что многие городские жители и не подозревали самого ее существования»²¹¹. Городское самоуправление Москвы нуждалось в преобразованиях.

---

²⁰⁷ Загоскин М.Н. Москва и москвичи. С. 131.

²⁰⁸ Лермонтов М.Ю. Панорама Москвы // Сочинения в 2 тт. М., 1990. Т. 2. С. 610.

²⁰⁹ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Полное собрание сочинений в 10 тт. Л., 1977–1979. Т. 5. Л., 1978. С. 135.

²¹⁰ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. С. 304.

²¹¹ Там же. С. 87.

Однако непростая работа московских городских голов и гласных николаевской эпохи не была напрасной. Это время было наполнено кропотливым каждодневным трудом на благо города. Николаевское тридцатилетие для московского самоуправления стало временем подспудной подготовки Великих реформ следующего царствования. Свидетельством тому явилась самоотверженная работа Николая Милютина и его коллег. В правление Александра II открылась новая глава в истории Московской городской думы.

**ДОХОДНАЯ ЧАСТЬ БЮДЖЕТА
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.**

Соловьев Я.В.

Московский государственный областной университет

В статье рассматривается проблема финансовой деятельности Московского городского самоуправления в конце XVIII – первой четверти XIX в. Автор анализирует доходную часть городского бюджета Москвы, отмечая значение того или иного дохода в общем бюджете. Отмечаются проблемы формирования доходной части бюджета города: бесправие городских органов самоуправления и ущерб от войны 1812 г.

Ключевые слова: Москва, городское самоуправление, Московская городская дума, городские доходы, городской бюджет.

**THE REVENUE PART OF THE BUDGET OF MOSCOW CITY
GOVERNMENT AT THE END OF XVIII-THE FIRST QUARTER OF
XIX CENTURY**

Soloviev Y.V.

Moscow State Regional University

The article deals with the problem of financial activity of Moscow city government in the late XVIII-first quarter of the XIX century. The author analyzes the revenue part of the city budget of Moscow, noting the importance of a particular income in the overall budget. The problems of formation of the revenue part of the city budget are noted: powerlessness of city self-government bodies and damage from the war of 1812.

Keywords: Moscow, city government, Moscow state дума, urban income, city budget.

Городская реформа Екатерины II практически заново создавала систему городского самоуправления в России. Успех реформы зависел в немалой степени и от решения вопросов организации финансовой деятельности городских дум. При этом тема такой деятельности в дореформенный период городского самоуправления в научной литературе освещена недостаточно.

Вопрос о финансовой деятельности городских дум рассматривался в дореволюционных исследованиях Ивана Ивановича Дитятин²¹². Финансовая деятельность городского самоуправления в Москве в первые годы после реформы 1785 г. была изучена на архивных материалах Александром Александровичем Кизеветтером²¹³. Высказанные этими исследователями мнения о том, что городские думы (даже столичных городов) располагали весьма скудными средствами, большая часть которых шла не на развитие города, а на обеспечение работы различных государственных структур (полиции и т.п.), и о том, что городские органы не обладали никакой самостоятельностью в финансовых вопросах, закрепились в советской и современной историографии (например, в многотомном труде «История Москвы»²¹⁴ или в более современном издании «История финансов Москвы»²¹⁵). Но, хотя в ряде современных диссертационных исследований, посвященных городскому самоуправлению дореформенного периода, описывается порядок составления бюджета городских дум, связанные с этим проблемы, тема финансовой деятельности городских дум, в том числе Московской, требует дальнейшего рассмотрения, в том числе по вопросам взаимодействия дум и административных органов губернии и с точки зрения оценки причин несамостоятельности городского самоуправления в столь важной сфере их деятельности.

Основы финансовой деятельности Московского городского самоуправления, формирования городского бюджета в конце XVIII – первой половине XIX в. были установлены рядом законодательных актов, из которых важнейшими были:

- 1) Жалованная грамота городам 21 апреля 1785 г.;
- 2) «Устав столичного города Москвы» 17 января 1799 г.²¹⁶;
- 3) Именной указ «О восстановлении разных Присутственных мест и о штатном положении Санктпетербургской и Московской губерний» 12 февраля 1802 г.²¹⁷;
- 4) «Положение о доходах и расходах столицы» 13 апреля 1823 г.²¹⁸

---

²¹² Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875; Т. 2. Ярославль, 1877.

²¹³ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II. Опыт исторического комментария. М., 1909.

²¹⁴ История Москвы. т. III. М., 1954.

²¹⁵ История финансов Москвы. М., 1998.

²¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (ПСЗ). Том 25. № 18822.

²¹⁷ Там же. Том 27. № 20142.

²¹⁸ Там же. Том 38. № 29423.

Последнее, по справедливому мнению авторов «Истории финансов Москвы», дало «прочное основание городскому хозяйству и финансам Москвы», так как в нем впервые были четко определены пределы финансовой деятельности городской думы, были перечислены все статьи доходов и расходов, разработан порядок сбора и расходования городских средств, приведены образцы финансовых документов и правила их составления. Кроме того, этот закон стал «отправной точкой в формировании системы финансовой отчетности Думы». Таким образом, «Положение» представляется обстоятельным и полным сводом правил финансовой деятельности органов городского самоуправления, действовавшим до 1870 г.²¹⁹

Именно этим определяется верхняя граница нашего исследования.

Кроме выше означенных законов определенное значение имеют также «Положение об акцизе с торгующих крестьян» 21 марта 1816 г.²²⁰ и «Положение о гостиницах, кофейных домах, ресторациях, трактирах и харчевнях в С.-Петербурге и Москве» 2 февраля 1821 г.²²¹

На основе анализа этих законодательных актов и исследования А.А. Кизеветтера с его богатым архивным материалом мы можем рассмотреть те средства, которые были в распоряжении городского самоуправления конца XVIII - первой четверти XIX в.

Сразу подчеркнем: ни разработанная сотрудниками М.М. Сперанского при систематизации соответствующего раздела законодательства, ни предложенная И.И. Дитятиным классификация городских расходов, с нашей точки зрения недостаточно удачны. Не претендуя на безупречность, предлагаем свою классификацию городских доходов того времени, выделив в них 5 групп: «общественные складки»; доходы от общественной собственности; доходы от разных сборов; доходы, поступающие от казны; случайные доходы. Рассмотрим теперь их поподробнее.

Такой вид дохода как «добровольные складки» городских обывателей имели в своем распоряжении еще предшественники городских дум – городские магистраты и ратуши. Добровольную складку можно было использовать только «по общему согласию», что весьма ограничивало возможности думы. Как нерегулярный, этот вид дохода только условно можно отнести к городскому бюджету. Как отмечал И.И. Дитятин: «на добровольные приношения трудно полагаться даже и не при таком состоянии общественно-городской жизни, с каким мы встречаемся во время издания Грамоты о городах»²²². Известные нам

---

²¹⁹ История финансов Москвы. М., 1998. С. 45.

²²⁰ ПСЗ. Том 33. № 26205.

²²¹ ПСЗ. Том 37. № 28538.

²²² Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875. С. 426.

бюджеты города подтверждают это мнение. Фактически этот вид дохода был заменен иным – займами у купеческой гильдии, о которых поговорим ниже.

Незначительными в общей сумме доходов были доходы от общественной собственности, среди которых были:

1) Сдача в аренду земель и общественных зданий, мельниц, бань, рыбных ловель, мер и весов на торговых площадях (оброчные статьи).

В конце XVIII в. оброчные статьи это: а) городские весы; б) лодочные перевозки; в) выгонные земли; г) право рыбной ловли; д) платьемойные плоты и проруби; е) лавки, городу принадлежащие; ж) пруды.

Оброчные статьи отдавались на содержание с торгов от 4 до 10 лет и составляли 6-8 % от доходов города, причем львиная доля – от бань.

2) Продажа ресурсов с общественной собственности (леса).

По-сути, этот доход носил характер случайного дохода, не играл почти никакой роли в московском городском бюджете.

3) Взимание платы за пользование перевозами, мостами.

По закону 1785 г. плата эта определялась самими городскими думами, но с одобрения сначала Сената, а потом министра внутренних дел. Собиралась специальными сборщиками, депутатами или давалась на откуп.

4) Доход с пускаемых в оборот городских капиталов.

За первое пятилетие деятельности Московской думы от процентов от вложенного в Воспитательный дом капитала было получено 530 рублей. (менее 1 % городского дохода). 20 мая 1805 г. из остатков поземельного налога был образован капитал в 400 тыс. рублей для получения 20 тыс. ежегодного дохода²²³. Но этот капитал и доходы от него быстро исчезают из городского бюджета, так как все более увеличивающиеся расходы города поглощают эти средства. В дальнейшем, глубоко дефицитный бюджет Москвы не позволял использовать такой источник дохода как проценты на капитал.

Ключевой группой доходов города были доходы от разных сборов, среди которых особо выделялись сборы с имущества.

Основным источником городского дохода до 1823 г. был поземельный сбор. Уже в 1800 г. он составлял почти 1/3 всего городского дохода. В 1806 г. уже 58 %. Но к 1816 г. вернулся к прежнему значению – приносил 400 тыс. рублей из 1 млн. 400 тыс.²²⁴, т.е. почти 30 %.

Наряду с ним немалое значение имели 3 % и 6 % сборы с отдаваемых в наем частными лицами и обществами земель, домов и

---

²²³ ПСЗ. Том 28. № 21761.

²²⁴ ПСЗ. Том 33. № 26205.

торговых помещений. В 1816 г. они приносили 200 тыс. рублей, т.е. почти 15 % всех городских доходов.

Поземельные сборы и сборы с аренды не учитывали реальной ценности облагаемого имущества, что ни раз вызывало нарекания. В 1816 г. Совет Министерства финансов признал несправедливыми эти виды сборов, но попытка перейти к более справедливой оценке в это время провалилась и только в 1821 г. большая работа по оценке земли и иной недвижимости была завершена, что позволило в 1823 г. отменить поземельный налог в Москве как основной вид сбора с имущества (правда он остался в качестве налога с пустопорожных земель и с неотделанных зданий²²⁵). Вместо поземельного налога и 3 и 6 % сборов в качестве основного утвердился оценочный сбор с лавок, домов и другой недвижимости. Для его сбора городская дума создавала комиссию для оценки. Комиссия представляла оценочные ведомости думе, та – гражданскому губернатору, окончательно утверждались московским генерал-губернатором. Общая оценка недвижимости Москвы 1821 г. составила 169 млн. 231 тыс. рублей (из которых 36 млн. 184 тыс. – Городская часть, 26 млн. 891 тыс. – Тверская, 15 млн. 642 тыс. – Мясницкая)²²⁶.

Сбор с оценки недвижимого имущества собирали гласные, учреждаемые от думы по частям города.

В 1823 г. доход от оценочного сбора составлял 45 % от всего бюджета. Остальной бюджет формировался в основном из различных сборов с торговли, капиталов и промыслов. Их перечень менялся в течение изучаемого периода и на его окончание выглядел так:

а) $\frac{1}{4}$ % сбор с московских купцов с объявленного капитала (был передан казной городам с 1807 г.²²⁷ Изначально предполагалось тратить его на служащих по купеческим выборам и хранить особой статьей, но с 1824 г. сбор мог расходоваться на городские потребности²²⁸);

б) сбор с иногородних купцов (500, 200 и 100 рублей в год в зависимости от гильдии, а также $\frac{1}{2}$ % с капитала иногородних купцов, ведущих оптовую биржевую торговлю);

в) с иногородних приказчиков и сидельцев у московских купцов (по 25 рублей в год);

г) 1 % сбор с иностранных купцов с объявленного капитала (с тех из них, кто не вел торговлю (заезжие купцы) 200 рублей в год²²⁹);

---

²²⁵ ПСЗ. Том 38. № 29423.

²²⁶ Отечественные записки. 1821. № 10. С. 238.

²²⁷ ПСЗ. Том 29. № 22418, ст. 17.

²²⁸ ПСЗ. Том 38. № 30115.

²²⁹ ПСЗ. Том 38. № 29423. Ст. 23.

д) акциз с торгующих крестьян в зависимости от характера торговли (места и товара – от 10 рублей);

е) акциз с владеющих огородами (40 рублей) и постоянными дворами (50 рублей) крестьян;

ж) акциз с извозчиков;

з) акциз с трактирных заведений (в зависимости от класса заведения (харчевня, кофейный дом, ресторация, гостиница) и места его расположения - части города, в 1823 г. давал 27 % городского дохода);

и) с ренсковых погребов (от 50 до 250 рублей, в зависимости от части города);

к) с пиво- и медоварения (содержатели пивоварен вносили в думу с 75 ведерного котла по 500 рублей);

л) с использования общественных мер и весов;

м) с клеймения мер и весов (до 1823 г. ежегодно, с 1823 г. единожды от 2 до 5 рублей с весов и от 50 копеек до 5 рублей за меры);

н) с аукционной продажи (2 % с 1808 г.);

о) с лотерей (с 1823 г. 1/10 лотерейной суммы).

От 5 до 10 % в разные годы приносили городу сборы с правовых актов:

а) с протеста векселей и явки заемных писем (с 1816 г., 0,5 и 0,25 % с рубля, присылаемые маклерами и нотариусами);

б) с договоров о найме (с 1823 г., 1 рубль с договора);

в) за внесение в городскую обывательскую книгу (с 1785 г., платился с недвижимости или по сословному статусу, если недвижимость не приобреталась);

г) пошлины из Конторы Адресов (с 1809 г.).

Особым видом городского дохода был доход, поступающий от казны – 1 % от винного откупа (казенной винной продажи). Этот сбор должна была представлять в распоряжение города губернская Казенная палата²³⁰. Но если в первое десятилетие после издания Жалованной грамоты городам этот доход составлял 67,2 % бюджета²³¹, в начале XIX в. уже не больше 10 % (причем крайне нерегулярно получаемый), то в 1825 г. его роль была мизерной (около 2 %)²³².

Наконец, к последней группе доходов относились случайные доходы: штрафы и пени, квартирные деньги и займы (вместе в 1810-е гг. от 3 до 8 %, в 1825 г. – 5,5 %).

Основная сумма штрафов поступала от торговых нарушений, за их сбор отвечали торговые и рядские старосты. С 1824 г. существовала

---

²³⁰ ПСЗ. Том 22. №16894.

²³¹ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II. Опыт исторического комментария. М., 1909. С. 446.

²³² Статистическое описание Москвы. Часть 1. М., 1841. С. 233-237.

избираемая купечеством Московская торговая депутация, которая штрафовала за нарушения торговли.

Квартирные деньги собирались с освобожденных от постоянной повинности для строительства казарм.

В условиях постоянного дефицита бюджета дума была вынуждена прибегать к займам, суммы которых тоже включались в доходную часть городского бюджета. Вначале дума занимала у купеческой гильдии, затем у Воспитательного дома и Заемного банка. В 1812 г. был взят колоссальный заем в 3 160 787 рублей 50 копеек на разные городские потребности и содержание полиции.

Общий доход города первое время после принятия Жалованной грамоты городам был ничтожен. Первый год деятельности Московской городской думы касса была пуста. На запрос главнокомандующего П.Д. Еропкина гласные отвечали: «За невступлением доходов и расхода еще не было»²³³. Но и в дальнейшем доходы были столь ничтожны, что даже оплата музыки в парке становилась для городского бюджета невыносимым бременем²³⁴.

Резкий рост городских доходов произошёл в ходе преобразований Павла I. Налагая на городские думы заботы о содержании полиции, император предоставил в ее распоряжение поземельный сбор. Уже в 1800 г. доходы Москвы составили 573 070 рублей. Но, кроме расширения собственно доходных статей, номинальный рост доходов обеспечивало обесценивание ассигнаций, упавших до 2/3 номинала²³⁵. При этом расходы города росли быстрее доходов, что привело к дефициту городского бюджета.

Задача преумножения городских доходов для Московской городской думы в этот период оказывалась очень сложной из-за бесправия думы и хозяйственного разорения 1812 года. Закон запрещал думе самой решать вопрос о введении новых сборов и увеличении прежних. Дума могла лишь ходатайствовать об этом, но власти чаще всего отказывали в таких ходатайствах, беспокоясь о недовольстве жителей из-за роста налогового бремени и ущерба для торговли и промыслов. Ярким образчиком бесправия городской думы является рапорт генерал-губернатору ее главы в 1810 г. И.С. Насонова, в котором он, ходатайствуя о приискании новых доходов для города, даже не осмеливался предложить их источники²³⁶.

В итоге задача приискания новых и развития имеющихся доходов решалась вне городской думы. 19 марта 1802 г. был создан из чиновников

---

²³³ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II. Опыт исторического комментария. М., 1909. С. 446.

²³⁴ Там же. С.447.

²³⁵ История финансов Москвы. М., 1998. С. 34.

²³⁶ ЦГА г. Москвы. Фонд 16. Опись 3. Дело 2816. Л. 11-12.

и представителей городского самоуправления Комитет для уравнивания городских повинностей. Комитет ведал раскладкой поземельного сбора и налогом на аренду домов и лавок. И.И. Дитятин считал, что Комитет *de facto* ведал всеми городскими финансами вместо думы²³⁷. Дитятин предполагал, что Комитет практически встал над думой, которая была обязана удовлетворять его требования о расходах из городских сумм. Как отмечал автор очерка о городских финансах в журнале Министерства внутренних дел: «По открытии Комитетов (первый Комитет был открыт в Петербурге. – Я.С.) появились в обеих столицах более или менее полные исчисления, которые в первый раз определили соразмерность городских доходов с расходами»²³⁸. Результатом деятельности Комитета стала смета 1806 г., в которой доход превысил расход. Но дальнейшее падение курса ассигнаций, экономический спад 1807 – 1812 гг., наконец, нашествие Наполеона привели вновь к необходимости усилить городские доходы. 16 октября 1820 г. был образован «Комитет для рассмотрения доходов и расходов Московской городской думы и долгов оной». Он состоял из чиновников и четырех представителей от населения (по два от дворян и купцов). Комитет провел оценку недвижимости Москвы, что позволило осуществить переход к оценочному сбору. Результатом его работы стали Правила 1823 г., значительно упорядочившие ситуацию с городскими доходами и обеспечившие некоторую стабилизацию финансовой ситуации в Москве в последующие годы.

---

²³⁷ Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. 2. Ярославль, 1877. С. 141.

²³⁸ Общественное хозяйство городов империи. Статья III. Обороты городских сумм по С.-Петербургу и Москве за последнее пятидесятилетие // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1848. Кн. 1. С. 14.

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА КАК ОРГАН СОСЛОВНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА (1785–1870 ГГ.)

Михеева Ц.Ц.

Российский университет дружбы народов

Статья посвящена истории формирования органов городского самоуправления в России с 1785 по 1870 гг. На примере Московской городской думы показаны роль и значение сословного строя как определяющего фактора при избрании органов городского самоуправления.

Ключевые слова: сословие, городское самоуправление, избирательная система, городские реформы, Московская городская дума.

MOSCOW CITY DUMA AS A BODY OF ESTATE REPRESENTATION (1785–1870)

Tsybik Ts. Mikheeva

Peoples' Friendship University of Russia

The article researches the history of the elections to the urban local self-governing bodies in Imperial Russia from 1785 to 1870. Moscow City Duma is the example how the estate system determined the formation of urban self-governing bodies.

Keywords: estate, urban self-government, electoral system, urban reforms, Moscow City Duma.

В условиях становления и укрепления абсолютизма и имперского устройства, начатые российскими монархами с середины XVI в. преобразования в социально-культурной, экономической, государственно-правовой и идеологической сферах, отразились на социальном расслоении общества. Социологи, исходя из того, что в целом общество представляет совокупность взаимосвязанных и иерархически организованных социальных слоев (страт), выделяют четыре главных исторических типа стратификационных систем – рабство, касты, сословия и классы. В имперской России ключевым явлением, обуславливающим систему общественных отношений, был сословный строй. Им определялся правовой статус человека, его личные, экономические, социальные, политические права и обязанности. В течение двух веков отечественной истории сословный строй оказывал мощное воздействие на характер

государственной власти и на построение, как в целом системы государственных органов²³⁹, так и в частности органов местного самоуправления.

Одним из основных критериев отнесения отдельного члена общества к конкретному сословию является закрепление в законе его особого правового статуса. Сословные различия начинают законодательно фиксироваться в Соборном уложении, принятом Земским собором в 1649 г., – некоторые категории населения получают исключительные права, неизменные и передаваемые по наследству. В этом направлении развивается и законодательство Петра I, подстраивая дифференциацию общества под требования новой модели государственности, ликвидируя прежние и формируя новые социальные различия, а завершает оформление сословного строя Екатерина II.

Поэтому «западные ученые зачастую либо отрицают сам факт существования в России настоящей сословной системы, либо допускают ее существование только с 1785 г.»²⁴⁰. Основные отличия в сословной структуре общества России и Запада они видят в том, что сословиями «считают только те социальные группы, которым закон обеспечивал известную защиту от произвола монарха и за которыми закреплял корпоративные политические функции»²⁴¹. Таким образом, по их мнению, сословия являются не только составной частью социальной структуры, но и политической системы.

Здесь хотелось бы отметить, что до середины XIX в. для определения социальных групп в России применялись такие понятия как «чин», «состояние», «род». Термин сословие в современной его семантическом понимании стал применяться с середины XIX в. В статье второй девятого тома Свода законов Российской империи городское и сельское население «по различию прав состояния» разделялось на «четыре главные рода людей: 1) дворянство; 2) духовенство; 3) городские обыватели; 4) сельские обыватели»²⁴². А далее в четвертой статье говорилось: «Все лица, принадлежащие к одному из означенных в статье 2 *сословий* (курсив мой – Ц. М.), пользуются правом состояния, оному

---

²³⁹ Немытина М.В., Ефремова Н.Н., Михеева Ц.Ц. Эволюция судебной системы Российской империи: от сословного к всесословному суду // Российский исторический журнал «Былые годы». 2017. № 4. С. 1416.

²⁴⁰ Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 22.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Свод законов Российской империи Т. IX. Законы о состояниях. СПб.: тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. С. 1.

присвоенным...»²⁴³. Вероятно, поэтому понимание в дореволюционной историографии²⁴⁴ термина «сословие» связывалось с волеизъявлением государства, законодательным закреплением социальной дифференциации в обществе.

Реформирование государственно-административного управления, начатое Петром I, затронуло и городское управление, где территориальный принцип организации власти на местах был заменен на сословный. Городское население в начале XVIII в. было переведено из подчиненности органам местного управления (воевод и земских изб) в подчинение созданным органам городского управления (Бурмистерским избам, в 1720-е гг. – Магистратам и Ратушам). Созданные органы формировались из местного населения выборным путем, были приняты законы, регламентирующие их деятельность (Генеральный регламент 1720 г., Регламент Главному Магистрату 1721 г., Инструкция Магистратам 1724 г.). Несмотря на наличие некоторых атрибутов независимости и обособленности, говорить о том, что города стали самостоятельными единицами в этот период, было бы преждевременно по причинам: набора функций, переданных новым органам; уровня их самостоятельности, в том числе, по выработке норм и методов управления городами; подведомственному населению.

Города становятся отдельными административными единицами после введения в 1766 г. должности городского головы, избираемого городским населением. В развитие нового порядка Учреждение для управления губерний Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г. меняет роль Городовых магистратов, они становятся сословно-судебными учреждениями, административная их деятельность в законе не была прописана²⁴⁵. Согласно Указу от 27 января 1783 г. Городовой магистрат в Москве был разделен на 4 департамента по делам: 1) исполнительным и требующим скорого решения, городских доходов, заведений; 2) уголовным; 3) по векселям, счетам и пр.; 4) тяжбыным²⁴⁶.

Система же управления городами нашла отражение в Грамоте на права и выгоды городам Российской империи, принятой 21 апреля 1785 г.

---

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ См., напр.: Градовский А.Д. Начала русского государственного права. В 3-х тт. Том I. О государственном устройстве. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1875. С. 210; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Серия: Антология мысли. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 83.

²⁴⁵ Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Том 1. Введение. Города России в XVIII столетии. СПб: Тип. П.П. Меркульева, 1875. С. 393.

²⁴⁶ О разделении Городовых Магистратов в обеих столицах на 4 Департамента // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XII. № 15917. СПб.: тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. С. 16.

(далее – Грамота). С этого времени «в российском обществе мера свободы личности определялась в соответствии с сословным статусом вплоть до реформ 60–70-х гг. XIX в.»²⁴⁷ по мнению ряда исследователей, по мнению других – вплоть до начала XX в.

Документ, состоявший из манифеста, 16 разделов, включавших 178 статей, создал наряду с городским головой и городским обществом в городах, коих было сказано в законе «в 23-летнее царствование Наше, числом 216»²⁴⁸, новые выборные учреждения – Общую городскую думу и Шестигласную думу.

Участие представителей городского населения в управлении городом носило сословный характер. В Общую городскую думу входили городской голова и гласные, последние избирались большинством голосов от шести разрядов городского населения сроком на 3 года. Выборы гласных проходили по норме: а) и настоящие городские обыватели, и посадские избирали по гласному от каждой полицейской части города; б) купечество – по одному гласному от каждой из трех гильдий; в) цеховые ремесленники – по одному от каждого из цехов; г) иногородние и иностранные гости – по одному от «каждого народа»; д) именитые граждане – по одному от каждого из семи «названий».

Общая городская дума избирала по одному представителю от каждого разряда горожан в Шестигласную думу, а также занималась «важными и трудными делами», для решения которых созывалась Городским головой. Всего за период с 1786 по 1789 гг. Московская Общая дума собиралась не менее 13 раз для выборов и перевыборов гласных (11 раз), а также по вопросам, вызвавшим затруднения у Московской шестигласной думы и пр.²⁴⁹

Шестигласная дума действовала на постоянной основе, заседания должны были проводиться не реже одного раза в неделю. В статье 167 Грамоты были перечислены вопросы, отнесенные к ее ведению: «1. доставить жителям города нужное пособие к их прокормлению или содержанию; 2. сохранять город от ссор и тяжб с окрестными городами или селениями; 3. сохранять между жителями города мир, тишину и доброе согласие; 4. возбранять все, что доброму порядку и благочинию противно, оставляя однако ж относящееся к части полицейской исполнять местам и людям, для того установленным; 5. посредством наблюдения доброй веры и всякими дозволенными способами поощрять привоз в город

---

²⁴⁷ Немытина М.В., Ефремова Н.Н., Михеева Ц.Ц. Указ. соч. С.1419.

²⁴⁸ Грамота на права и выгоды городам Российской империи // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXII. № 16187. СПб.: тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. С. 358.

²⁴⁹ Подробнее см.: Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1909. С. 368–373.

и продажу всего, что ко благу и выгодам жителей служить может; 6. наблюдать за прочностью публичных городских зданий, стараться о построении всего потребного, о заведении площадей, для стечения народа на торгу, пристаней, анбаров, магазейнов и тому подобнаго, что может быть для города потребно, выгодно и полезно; 7. стараться о приращении городских доходов на пользу города и для разпространения заведений по приказу общественного призрения; 8. разрешать сомнения и недоумения по ремеслам и гильдии в силу сделанных о том положений»²⁵⁰.

Новые учреждения были введены в Петербурге и Москве в начале 1786 г. В первый состав Московской общей городской думы было избрано 78 гласных: 15 от «настоящих городовых обывателей»; 3 от каждой купеческой гильдии; 16 от цехов; 12 от иностранных гостей; 16 от иногородних купцов; 1 от именитых граждан и 15 от посадских гласных²⁵¹. Первое заседание Московской общей городской думы состоялось 15 января 1786 г. в присутствии московского губернатора П.В. Лопухина, городского головы С.Д. Ситникова и избранных гласных. Гласные по принятии присяги и проведения молебна «составили общую городскую думу». После принятия постановления «донести рапортами московскому губернскому правлению и второму департаменту московского губернского магистрата о составлении Общей городской думы и об открытии заседания»²⁵², гласные приступили к выборам Шестигласной думы.

Представляют интерес сведения о том, что чиновники «с большой неохотой принимали на себя несение выборных должностей по городскому самоуправлению и даже старались доказать, что и по закону их не надлежит выбирать в такие должности»²⁵³. Так, Московской общей городской думой в состав Шестигласной думы в январе 1786 г. был избран от настоящих обывателей титулярный советник Романов. В июне 1787 г. он отказывался от должности, ссылаясь на ст. 172 Грамоты, в которой говорилось, что дума составляется из людей, занятых торгами и промыслами, а он к таковым не причислялся. Просьба его была удовлетворена Губернским правлением, поскольку Дума, обнаружив противоречие ст. 172 со ст. 63, не смогла решить этот вопрос самостоятельно. Более того, избранный вместо Романова от настоящих городских обывателей И. Юзвицкий, также попросил его уволить на основании той же ст. 172, теперь уже Московская дума приняла решение о его увольнении в конце 1787 г. на том основании, что он «под сорт его званий не подходит». Вместо И. Юзвицкого от настоящих городских

---

²⁵⁰ Грамота на права 1785 г. С. 383.

²⁵¹ Подробнее см.: Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 353-355.

²⁵² Цит. по: Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 326.

²⁵³ Там же. С. 358.

обывателей был избран представитель от купечества. Данная практика получила свое продолжение, т.к. в протоколах заседаний Московской думы за 1790 г. стоят подписи от настоящих обывателей московских купцов Г. Аверина, З. Пономарева, С. Селиванова²⁵⁴.

Возникали у новых учреждений проблемы и иного свойства. Показателен пример, приведенный К.А. Пажитновым, того, что ни одно из правительственных учреждений не торопилось считаться с новыми учреждениями. В приговоре Московской общей думы от 7 октября 1786 г. говорилось: «Присутственные места отвечают на сообщения дум весьма косно, а на иные и совсем ничего, потому общая дума примечает, что требования ее приемлются без уважения и едва только и считается ли Городская Дума в числе прочих в Москве присутственных мест; для того приказали представить Московскому губернскому правлению о понуждении присутственных мест к пристойному уважению к Городской Думе, яко к месту, учрежденному по Высочайшей Его Императорского Величества власти»²⁵⁵.

Таким образом, Грамота на права и выгоды городам Российской империи 1785 г. образовала отдельное сословие, закрепила сословную структуру городов и их органов. Ею была осуществлена попытка сделать города самоуправляющимися единицами, однако, разделив городское сословие на разряды, Грамота закрепила неравный правовой статус между разрядами, наделив часть из них более широким объемом правомочий как в целом, так и, в частности, по качеству и количеству избирателей – установлен высокий имущественный ценз, варьировалось количество гласных в Общей городской думе от каждого разряда. В целом же вслед за дореволюционными²⁵⁶ исследователями современные²⁵⁷ ученые оценивают документ как весьма расплывчатый, что подтверждается и приведенным выше примером.

За недолгое правление Павла I Общие городские и Шестигласные думы были упразднены, количество городов было сокращено, а управление ими реорганизовано. В 1797 г. в Петербурге была образована

---

²⁵⁴ Цит. по: Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 358–363.

²⁵⁵ Цит. по: Пажитнов К.А. Городское и земское самоуправление. Спб.: Издание М.И. Семёнова, 1913. С. 20–21.

²⁵⁶ См., напр.: Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 345, 376; Джаншиев Г.А. Городское самоуправление (Городовое положение 1870 года) // Эпоха великих реформ. По изданию 1900 г. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc114p0/instrum3116/item3120.html> (дата обращения: 05.07.2018)

²⁵⁷ Писарькова Л. Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 3. С. 28; Сироткин А.С. «Городовое положение» 1785 г. и благоустройство Москвы в последней четверти XVIII в. (на примере дела о мельнице на речке Синичке) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 4. С. 89.

Комиссия о снабжении резиденции припасами, распорядком квартир и прочих частей, до полиции принадлежавших, которой подчинялись новые органы – Городское правление или Ратгауз, разделенный на департаменты, и конторы. Городское правление состояло из назначаемых и выборных чиновников, возглавлялось назначенным указом императора Президентом. По Уставу столичного города Москвы от 17 января 1799 г. городское управление осуществлялось Департаментом Комиссии о снабжении г. Москвы припасами, который был подчинен петербургской комиссии. Функции органов городского управления были значительно расширены. Профессор А.Д. Градовский, проанализировав положения о функционале Ратгаузов и порядок выборов в них, отмечал: «Новые городские учреждения были поставлены под ближайшее начальство губернатора и должны были образовать особый род административных учреждений»²⁵⁸.

Александр I манифестом от 2 апреля 1801 г. восстановил действие Городового положения и Грамоты, данной городам²⁵⁹. Городские думы в обеих столицах возобновили свою деятельность, однако тенденция, заданная Павлом I, на усиление роли администрации в городском управлении осталась. Помимо этого, введением новых правительственных органов часть полномочий, отнесенных Грамотой ведению Городских дум, сужалась. Так, например, Указом от 19 марта 1802 г. в Москве был образован Комитет для уравнивания городских повинностей, в 1820 г. были учреждены комитеты для лучшего устройства доходов и расходов.

В связи с Отечественной войной в 1812 г. деятельность Московской городской думы была приостановлена. 5 января 1813 г. главнокомандующему в Москве Ф.В. Ростопчину был подан рапорт Губернского правления об открытии присутствий московских учреждений²⁶⁰, в том числе Городской Думы. 21 января 1813 г. Московская городская шестигласная дума донесла в рапорте об открытии присутствия Думы²⁶¹.

К середине XIX в. неудовлетворительное состояние дел в сфере городского общественного управления приводят к ее реформе. Она была проведена в Петербурге Положением 1846 г., в 1862 г. была продолжена в

---

²⁵⁸ Собрание сочинений А.Д. Градовского. Т. 9. Начала русского государственного права. Ч. 3. Органы местного самоуправления. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1908. С. 135.

²⁵⁹ О восстановлении Городового положения и грамоты, данной городам // ПСЗРИ-I. Т. XXII. 1784–1788. № 16187. СПб.: тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. С. 602.

²⁶⁰ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 3. Д. 2893. Л 5-5 об. // Москва и Отечественная война 1812 г.: В 2 кн. / Авт.-сост. Д.И. Горшков. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. Кн. 2. С. 476-477.

²⁶¹ Москва и Отечественная война 1812 г.: В 2 кн. / Авт.-сост. Д.И. Горшков. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. Кн. 2. С. 477.

Москве. 20 марта 1862 г. было принято Положение об общественном управлении города Москвы²⁶². Шестигласная дума была заменена на Распорядительную думу. В Положении впервые были четко разграничены полномочия между Общей и Распорядительной думами, последняя стала исполнительным органом. Органы городского управления по-прежнему находились в зависимости от административных властей, прежней осталась и сословная составляющая, т.к. проведенная реорганизация мало коснулась избирательной системы, несмотря на то, что в проектах реформирования органов городского управления звучали идеи об изменении порядка выборов. Известен проект, поданный в Министерство внутренних дел в 1827 г., отличительной чертой которого «являлось всесословное начало, положенное в его основу. Так, в состав городского общества, по проекту, должны были войти все сословия, причем избирательные собрания происходили не по сословиям, а по частям города и состояли из лиц, владеющих недвижимой собственностью, стоимость которой не была ниже 8000 рублей, или записанных в гильдии»²⁶³.

Однако кое-какие изменения произошли, «элемент сословности в нем был значительно ослаблен, благодаря полному отделению сословных учреждений от городских, впервые допущены в городское управление крестьяне и уничтожено привилегированное положение дворян и купцов в составе распорядительной думы»²⁶⁴, были отменены коронные назначения представителей в думу и установлено равномерное представительство от каждого сословия. Общественное управление в Москве делилось на общее для всего городского общества (Общая городская дума, Городской голова, Распорядительная городская дума) и на частное по сословиям (Собрание выборных, Сословные старшины, Управы: Купеческая, Мещанская и Ремесленная). Избирательная система²⁶⁵ по-прежнему основывалась на делении жителей городов по сословиям. Общая городская дума состояла из избираемого от всех сословий Городского головы и из избираемых на три года 175 гласных, по 35 человек от 5 городских разрядов: 1) потомственных дворян, владеющих недвижимым имуществом; 2) личных дворян, почетных граждан, не записанных в гильдии иностранных граждан и других званий лиц, не принадлежащих к

---

²⁶² Положение об общественном управлении города Москвы // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXVII. № 38078. СПб.: тип. П Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1865. С. 220-231.

²⁶³ Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) (под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова). М., 2004.

²⁶⁴ Пажитнов К.А. Указ. соч. С. 24.

²⁶⁵ См. об этом подробнее: Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863-1917 гг. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 1998; Ее же. Городские реформы в России и Московская дума М.: Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010.

купеческому и городским податным сословиям, владеющих недвижимым имуществом; 3) почетных граждан, записанных в гильдии, и купцов, 4) мещан, 5) ремесленников. Каждый разряд избирал 2-х членов Распорядительной думы сроком на четыре года. Активным избирательным правом обладали лица старше 21 года, не опороченные судом, владеющие собственностью в Москве или с доходом не менее 100 рублей в год, записанные в городскую обывательскую книгу или приписанные к городу не менее 2-х лет; пассивным – обладающие активным избирательным правом и достигшие 25-летнего возраста. Законом было оговорено, что отказаться от должности можно было лишь на законном или законно-удостоверенном основании, перечень оснований был перечислен в § 48 Положения 1862 г.

Однако введенное Положение действовало недолго, т.к. в 1870 г. была проведена реформа органов городского самоуправления. Городовое положение 1870 г. постановило избирать Городскую думу на 4 года городскими избирательными собраниями. В попытке преодолеть сословное начало в устройстве российского государства и общества, законодатель разделил имевших право голоса избирателей на 3 курии в зависимости от «суммы причитающихся с каждого из них в доход города сборов»²⁶⁶. Выборы в городские учреждения проходили на основе цензов: гражданства, возрастного, имущественного. Данные изменения были негативно оценены дореволюционными исследователями²⁶⁷, т.к. наряду с отменой сословных ограничений, введенный имущественный ценз лишал возможности участвовать в общественной жизни города большее число жителей, чем это было предусмотрено Грамотой Екатерины II. Согласно данным, приведенным М.Н. Щепкиным, «в Москве должны быть образованы три избирательных собрания. К 1-му отнесены 466 лиц..., ко второму – 2 200 лиц, к 3-му – 17 913 лиц. Следовательно, в первом разряде один гласный приходится на 7-8 избирателей, в втором – 1 на 37 и в третьем – 1 слишком на 298»²⁶⁸. В 1872 г. в Московскую городскую думу было избрано 180 гласных, по 60 от каждого разряда²⁶⁹.

Изученный вопрос – сословный принцип в избрании органов городского самоуправления – позволяет прийти к следующим выводам. Созданные городские учреждения в начале XVIII в., после попыток превращения их в органы городского самоуправления в третьей четверти

---

²⁶⁶ Городовое положение 1870 г. // ПСЗРИ. Собрание II. Т. 45. №48498. СПб, 1870. С. 826.

²⁶⁷ См., напр.: Джаншиев Г.А. Указ. соч.; Щепкин М.П. Опыты изучения общественного хозяйства и управления городов: Ч. 1-2. Ч. 2. М., 1882. С. 33-38.

²⁶⁸ Щепкин М.П. Указ. соч. С. 39.

²⁶⁹ Список гласных Московской городской Думы. 1872. М.: Тип. В.В. Исленьева и К., 1872. С.3-14.

XVIII в., несмотря на предпринятые многочисленные усилия по их реорганизации в первой половине XIX в., так и не стали в полной мере эффективным институтом. Привнесенные нововведения практически не изменяли выборную систему – городские учреждения избирались на основе сословного представительства. Вероятно, отсутствие демократических начал в избирательной системе и нежелание сохранения и развития институтов народовластия со стороны центральных органов объясняется выстраиванием в России только той системы управления, которая бы соответствовала задаче ее устойчивости. Двойственность, заложенная в основе деятельности государственных структур и органов самоуправления, проявилась в России креном в пользу государства. Органам местного самоуправления не был предоставлен широкий объем полномочий, ограничительная государственная политика поставила их под опеку органов местного управления (губернатору в сфере созыва собраний, казенной палате – по контролю бюджета, полицейским учреждениям), что в конечном итоге привело к тому, что в исследуемый период они не стали органом самоуправления в широком его понимании.

УЧАСТИЕ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ И КУПЕЧЕСТВА В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ЗАВЕДЕНИЙ

Быков В.Н.

Центр исследований и изданий по истории Москвы «Владом»

В статье анализируется учебная работа трех императорских коммерческих училищ среднеобразовательного уровня на протяжении XIX столетия. Дана оценка вклада в развитие системы специального образования в Москве известных представителей предпринимательского сословия - М.П. Губина, А.А. Куманина, М.П. Живаго, Н.А. Найденова.

Ключевые слова: Коммерческое образование, среднее специальное образование, императорские коммерческие училища, торговая школа, московское купечество, благотворительность, городской голова.

THE CONTRIBUTION OF MOSCOW CITY DUMA AND MERCHANTRY TO THE ESTABLISHMENT OF EDUCATIONAL COMMERCIAL INSTITUTIONS

Bykov V.N.

Center for Research and Publications on the History of Moscow «Vlad»

This article addresses the academic work of three secondary imperial commercial schools during the XIX century. The paper evaluates the contribution by well-known entrepreneurs M.P. Gubin, A.A. Kumanin, M.P. Zhivago, and N.A. Naidenov to the development of the system of special education in Moscow.

Keywords: commercial education, secondary specialized education, imperial commercial schools, trade school, Moscow merchant class, charity, mayor.

Складывание, развитие и укрепление образовательной системы в России на государственном уровне исчисляет свой «старт» началом XIX столетия и связано с именем первого августейшего либерала, императора Александра I. Финальный вклад в расширение системы коммерческого образования в конце столетия внес император Николай II, поддержавший в 1890-е гг. инициативы Сергея Юльевича Витте.

Деятельность образовательных коммерческих учреждений неотделима от представителей предпринимательского мира, видных деятелей общественного самоуправления Первопрестольной столицы империи, финансово поддерживавших училища. Казалось бы, факт очевидный. Однако все чаще обращает на себя внимание то

обстоятельство, что сведения о вкладе многих москвичей забыты, а имена самих добродетельных людей под влиянием ушедшего времени, перешли в тень.

Второй фактор, понуждающий нас обратиться к заявленной теме связан с довольно вольным обращением с очевидными фактами²⁷⁰ – отсутствием правильной периодизации по городу Москве.

Первые учебные заведения для подготовки служащих для различных отраслей торговли были созданы в третьей четверти XVIII - начале XIX столетий в Москве. Вслед за двумя европейски образованными представителями правящих кругов империи – императрицей Екатериной II и ее единомышленником русским просветителем И.И. Бецким, основавшим в 1764 году Сиротский дом в Москве - свой вклад в поддержку крупного учреждения социального призрения сделал выходец из торгово-промышленной среды Прокофий Демидов (1710-1786). Потомственный дворянин во втором поколении, меценат по духу и сути своих пожертвований на благо общества, он получил известность своими масштабными пожертвованиями в области науки и просвещения. Десятилетие спустя после открытия Сиротского дома он решил поддержать почин правительницы русского государства и ее единомышленника. В 1772 году Демидов предоставил администрации Сиротского дома 205 тыс. рублей для основания на них первого в России Коммерческого училища. Изначально открытое в Москве училище было ориентировано на профессиональную подготовку детей-сирот до совершеннолетия находившихся в стенах Сиротского дома, проявивших склонность к учебе гуманитарных дисциплин²⁷¹. В 1799 году учебное заведение, существовавшее под попечением императрицы Марии Федоровны, было переведено в Санкт-Петербург и далее развивалось в северной столице. Пройдя в советскую эпоху несколько этапов реорганизаций, оно донныне существует в северной столице как высшее учебное заведение. Поскольку истории училища посвящены отдельные исследования, не будем углубляться в его истоки.

---

²⁷⁰ Исследователи истории образования отмечали, что первое в Европе коммерческое училище возникло в России в то время, когда «на Западе не было ещё ни одной школы с такой специальностью». См.: И. Ивко. Коммерческое образование // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Т. 2. Спб. 1892

²⁷¹ С 1801 г. Коммерческое училище занимало несколько зданий на пересечении Загородного проспекта и Чернышева пер. (ныне ул. Ломоносова). В 1838 г. для него был построен 3-этажный учебный корпус, в 1871 г. возвели новое здание в эклектическом стиле. В 1879 г. Императорское коммерческое училище получило новый устав, причисливший его к разряду средних учебных заведений. Ныне в зданиях коммерческого училища располагается Санкт-Петербургская Академия постдипломного педагогического образования.

Второй период начался с общей реформы образования, явившейся продолжением первоначальных подходов Екатерины II.

Среди первых 8 министерств, пришедших в 1802 г. на смену коллегиям и департаментам предыдущей эпохи, было и министерство народного просвещения. Однако рескрипт о назначении первым министром просвещения последовал 8 сентября 1802 г. на имя графа П.В. Завадовского, сподвижника императрицы, сановника, не отличавшегося особым либерализмом во взглядах. Отсутствие их у министра-консерватора компенсировалось сверхлиберальным составом Совета при министре (включая вновь назначенных попечителей учебных округов). По едкому замечанию самого самодержца они скорее «мешают министру ставить какие-либо преграды тому добру, которое мы стараемся сделать. Вообще, он посажен в министры только для того, чтобы не кричал, что отстранили».

Именным указом от 24 января 1803 г., данным Сенату «Об устройстве училищ», вводились «Предварительные правила народного просвещения». Они стали первым законодательным актом, закрепившим новую, более или менее цельную образовательную систему страны. По оценке ученых, работающих в Федеральном центре образовательного законодательства (и мы с этим подходом согласны), это была по существу первая государственная образовательная доктрина.

В основу замысла реформаторов была положена идея общеобразовательной школы, необходимая «для нравственного образования граждан». В соответствии с налагаемыми на граждан обязанностями и пользами, представителям соответствующего сословия предоставлялась возможность получения образования. В стране создавалась единая и целостная система учебных заведений, состоявшая из четырех звеньев:

- 1) училища церковных приходов;
- 2) уездные училища;
- 3) губернские училища или гимназии;
- 4) университеты.

Были организованы центральные учреждения, на региональном уровне с учетом безбрежных создавались учебные округа во главе с попечителями, разработаны уставы высших, средних и начальных учебных заведений.

Важно подчеркнуть, что не менее высоко этот указ оценили современники. В Москве эта оценка нашла выражение в появлении в среде именитого московского купечества замысла по созданию коммерческого училища для детей купечества, оформлению ряда правообразующих документов. Духовно и профессионально сформировавшиеся в эпоху императрицы Екатерины Великой, они принадлежали к узкому слою

формирующейся национальной буржуазии, понимая значимость специального образования для выходцев из своей среды. Многие из отцов-основателей коммерческих училищ, сами усвоили идеи просветительства, продекларированные императрицей. Благодаря профессиональным навыкам и собственным коммерческим успехам они имели широкий кругозор, знали иностранные языки, позволявшие познакомиться с передовыми взглядами европейцев на науку и искусство. Решившись воспользоваться новыми возможностями, открывшимися в процессе проведения коронными властями административных реформ, в том числе в сфере образования, они обратились к действующему городскому голове М.П. Губину.

К реализации замысла их подталкивал пункт 11 положения «Предварительных правил» ограничивавшие права губернских Директоров на контроль над училищами кроме тех из них «... которые по особенным обстоятельствам вверены будут иному Начальству». Так в Москве общественные деятели из купечества стали причастны к созданию сразу двух коммерческих учебных заведений, с момента своего учреждения в 1810-е годы и до 1917 года, выведенных из подчиненности министерству, тесно связанных с городским самоуправлением и его деятелями.

Руководствуясь собственным немалым коммерческим опытом, они обратили внимание на устроенные зарубежными учеными и практиками частные пансионы, в программе которых уделялось особое внимание коммерческим дисциплинам. Губин лично взялся за разработку уставных документов для нового коммерческого училища. «Примерное постановление» (устав) и проект программы училища в Москве были подготовлены с целью преобразования уже существовавшего Коммерческого класса для детей и сирот из купцов и мещан. В течение полугода проекты проходили апробацию в столице. 12 марта 1804 г. император Александр I утвердил доклад Министра народного просвещения «Об учреждении Коммерческого Училища в Москве». Занятия с 80 воспитанниками начались 22 июля 1804 г. Половина мальчиков находилась на иждивении московского купечества, за 40 своекоштных пансионеров (как правило, иногородних детей) платили родители.

По купеческой традиции отмечать всякое благое начинание каким-либо важным общественно значимым следом в духовной сфере, предприниматели приняли решение о прощении своим должникам-комиссионерам (370 человек) долгов на огромную сумму в 229 тыс. руб. Эта акция, как и другие пожертвования купечества на формирование учебной базы училища так впечатлили вдовствующую императрицу Марию Федоровну, что она в 1805 г. издала рескрипт на имя городского головы Фалеева. В нем говорилось: «Господин Фалеев, голова московского

купечества! При отъезде вашем отсюда (из Петербурга – В.Б.) удовольствием себе поставляю изъяснить вам, сколь приятно мне было лично с вами познакомиться и показать вам, koliko я ценю усердие ваше к общему благу и попечение о вверенном вашему управлению училище.». Училище с самого начала своей деятельности перешло под патронат вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Первоначально училище располагалось в Таганской части, затем в одном из корпусов Андреевского монастыря. В августе 1806 г. Дом московского градского общества согласовал приобретение для училища у наследников жены бывшего генерал-губернатора Москвы тайного советника П.Д. Еропкина особняка на Остоженке и в 1808 г. училище переехало на новое место. С 1806 до 1917 гг. оно находилось на ул. Остоженка, 38.

Наряду с вышедшими из его стен известными деятелями по линии предпринимательства, училище было известно выдающимся выпускниками, прославившимися в литературе, науке и искусстве. Так будущий писатель И.А. Гончаров (1812-1891) до своего поступления в 1831 г. на словесное отделение Московского университета, 1822-30 гг. обучался в коммерческом училище на Остоженке, будучи иногородним пансионером. Позже училище закончил историк, будущий ректор Московского университета С.М. Соловьев.

В эти же годы было подвергнуто реорганизации другое московское учебное заведение коммерческого профиля, созданное в 1805 г. на базе Частного коммерческого пансиона, основанного немецким бухгалтером К.И. Арнольдом (1775-1843). К открытию приложил руку авторитетный исследователь многопрофильной деятельности. В деятельности Московской практической коммерческой академии прослеживается несколько многозначительных этапов. Первоначально новое училище учреждалось в июле 1806 г. Указом данным на имя тайного советника И.М. Муравьева-Апостола (1756-1851) – полиглота и дипломата, бывшего вице-президента Иностранной коллегии и русского посланника в Испании, отца будущих декабристов, приглашенного купечеством на должность попечителя академии.

Однако в августе 1806 г., воспользовавшись связями в придворных кругах начальника московской Кремлевской экспедиции П.С. Валуева, директорат и попечители академии обратились к петербургской придворной бюрократии с предложением о создании специального благотворительного общества при академии. Попечители брали на себя миссию «изыскания благонадежных средств к ее существованию» в форме ежегодного сбора по 100 рублей с членов общества или поддержки ее деятельности другими средствами. Главы нескольких внешнеторговых компаний внесли дополнительно крупные суммы. А.А. Куманин – 5000

руб., купец Медовитов – 1000, купец Козлов 500 руб., братья З.П и Н.П. Зосима – представители нежинской греческой общины, постоянно торговавшие в Москве и Нижнем Новгороде – 20 000 рублей.

Согласно новому уставу, Академия переходила под личное покровительство императора Александра I и далее находилась «под главным заведованием попечителя, назначаемого непосредственно его императорским величеством». Утверждая устав училища, самодержец дал рескрипт на имя первого попечителя Академии действительного тайного советника П.С. Валуева: «Петр Степанович, утвердив представленный от вас проект учреждения Коммерческой практической академии, я поручаю вам по званию попечителя Академии, открыв оную, принести в исполнение все содержащиеся в учреждении ее распоряжения. Видя в сем новом опыте усердия вашего к пользе общей ту же благонамеренность, которую руководствуетесь вы во всех возлагаемых на вас делах, мне приятно изъявить вам мою признательность за доставление сему полезному заведению прочного основания без всякого от казны пособия. В знак моего благоволения к благотворительности купечества, участвовавшего в сем заведении, вслед за сим, получите вы чрез министра финансов награждение тем лицам, которые означены в представлении вашем. Пребываю, впрочем, вам благосклонный, Александр. Дано в С.-Петербурге, 17 декабря 1810 г.». С этой же даты велась история академии, которая в 1832 г. была переименована в Московскую практическую академию коммерческих наук, и до начала XX века оставалась самой крупной в России экономической школой.

Академия (на самом деле это было среднеспециальное учебное заведение, приравненное к высшему реальному училищу) в отличие от других подобных школ, состояла в ведении Министерства финансов и Общества любителей коммерческих знаний. На всем протяжении более чем столетней истории попечительный совет от имени императора возглавлял каждый действующий генерал-губернатор. Хозяйственная часть, содержание пансиона для иногородних мальчиков, материально-техническое обеспечение учебного процесса осуществлялись от имени Общества при академии (основанное в 1810 г.), собиравшее в своих рядах представителей как московского купечества, так и многих региональных купеческих сообществ. Общество возглавлялось советом из 5-6 авторитетных представителей московского предпринимательского мира.

В начале 1860-х гг. в связи с ростом цен годовые бюджеты Московской практической академии коммерческих наук, функционировавшей без государственных дотаций, сводились с дефицитом и поступили предложения о ее закрытии. На многолюдном годичном заседании Общества коммерческих знаний академии, состоявшемся 6 апреля 1866 г., вскоре после покушения на имп.

Александра II, владелец банкирской конторы В.С. Марецкий заявил: *«Вопрос о жизни и смерти Академии и Общества коммерческих знаний поставлен ясно и почти уже решен... Но прежде чем подпишем этот роковой приговор, я должен сказать, что Академия основана нашими предками, что она жила и содержалась нашими дедами и отцами. Я спрашиваю, что же мы, их потомки, теперь делаем? Мы отказываемся от забот о судьбе заведения, в котором воспитывались наши дети, наши братья!.. Мы решаемся умертвить историческое дело! Я протестую, господа против передачи Академии в чьи-либо руки, я не подпишу позорного договора, за который должны будут краснеть мои дети!..»*. Воспользовавшись едва не ставшим трагическим обстоятельством и в память о чудесном спасении монарха, он предложил *«и сам пожертвовал 3 тыс. руб. для запасного капитала Академии»*.

Почин банкира и его единомышленников нашел поддержку у членов общества, собравших вскоре по подписке 31,4 тыс. руб. Озабоченный тяжелым финансовым положением академии Марецкий предложил профессионально выверенное решение. На рассмотрение попечительного совета общества был внесен и получил поддержку проект учреждения членами общества частного Академического банка, близкого по форме к существовавшему в С.-Петербурге Обществу взаимного кредита (в форме Товарищества (банка) на паях), с правом производить взаимное кредитование своих членов. Финансовая основа деятельности банка должна была формироваться из складочного капитала в 1 млн руб.: на созданном ранее запасном капитале принадлежавшем академии, на части уставного фонда и на капитале, собранном по подписке. Банк должен был ежегодно выплачивать на нужды академии 10% чистой прибыли. Возглавивший комиссию по разработке устава банка, Марецкий, получив поддержку у московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукого, подготовил документы для передачи на рассмотрение в Министерство финансов. Но затем согласился с мнением старшины Московского купеческого общества В.М. Бостанджогло, предложившего аналогичный проект купеческим выборным: учреждение общемосковского Общества взаимного кредита. В устав нового высочайше учрежденного общества был внесен пункт об отчислении на нужды академии 50% от ежегодно начисляемых десяти процентов чистой прибыли (это уставное положение сохранялось неизменным с 1870 г. до 1917 г.) обеспечив финансовую стабильность академии, ее независимость как учебного заведения, для лиц купеческого сословия.

В учебное заведение приглашались на преподавательскую работу известные ученые, гласные Городской думы. 40 лет состоял директором И.М. Живаго, около 10 лет - видный юрист профессор А.С. Алексеев, биолог А.Н. Реформатский. Примечательной была связь с училищем

Живаго. Он окончил с золотой медалью рязанскую гимназию (1853) и отделение лингвистики историко-филологического факультета Московского университета (1858) со званием действительного студента, что дало основание к выписке из купеческого сословия. По окончании учебы преподавал в ряде гимназий. Министерством народного просвещения был направлен для прохождения службы на Украину, состоял в должности инспектора Киевской военной гимназии. В 1866 г. на конкурсе, устроенном Обществом любителей коммерческих знаний при академии коммерческих наук, из 5 кандидатов был избран инспектором (директором) академии на 6-летний период; затем неоднократно переизбирался и в течение 30 лет (до 1896) находился во главе этого популярного учебного заведения, имевшего особый статус.

При Живаго была осуществлена реорганизация учебного процесса в академии. В 1872 учебные планы были приведены в соответствие с курсами государственных учебных заведений – реальных училищ (как и их выпускники, академисты получали льготы по отбыванию воинской повинности, за успехи им присваивалось звание личных почетных граждан и др.). Он придавал большое значение новым языкам, некоторые предметы преподавались на немецком и французском языках. *«...выйдя из школы по окончании курса, – писал выпускник С.В. Недыхляев, – я совершенно свободно мог писать и говорить по-французски, не отличаясь никогда особым расположением к этому языку»*. По инициативе Живаго в старших классах были введены новые предметы, обеспечившие выпускникам знания, необходимые для работы в торговых фирмах, на фабриках и заводах; углубленно преподавались химия, прикладная механика, коммерческая география, товароведение, чистописание и геометрическое черчение. Сам Живаго преподавал в различных классах академии несколько предметов. Проживал на Покровском бульваре на квартире при академии. О нем сохранились воспоминания друзей его сыновей, яркие свидетельства встреч и бесед, домашних спектаклей, проводившихся в гостеприимном доме Живаго, где бывали земляк историк и археограф В.И. Бартнев, деятели культуры, друзья детей, ставшие со временем известными специалистами.

Наряду с финансовыми вкладами практиковались и другие пожертвования. В академии действовали фундаментальная, ученическая и учебная библиотеки, их собрания пополнялись добровольными пожертвованиями, в т.ч. от гласных Городской думы. В 1881 г. профессор М.П. Щепкин передал много книг по политэкономии. В 1895 г. родственники выпускника академии, известного банкира и железнодорожного подрядчика М.А. Горбова (выпускника академии 1843) передали по завещанию 390 книг из его собрания (основная часть собрания библиофила ныне находится в Тульской областной библиотеке),

представлявших собой одну из крупнейших тематических книжных коллекций по вопросам экономики. Инициативы заботливых благотворителей способствовали росту конкурса и стабильности состава обучающихся, высокому уровню преподавания.

В академии широко применялись прогрессивные методы обучения, привлекались лучшие педагоги: здесь 37 лет преподавал теоретическую механику профессор Н.Е. Жуковский, 26 лет товароведение – профессор экономики П.П. Петров, 10 лет торговое право – профессор юриспруденции и декан юридического факультета университета А.С. Алексеев.

С 1825 г. академия и пансион находились в Мясницкой части, с 1847 по 1917 гг. располагались на Покровском бульваре в особняке дворян Дурасовых (1790, арх. М.Ф. Казаков). Периодически, благодаря помощи доброхотов, покупались соседние здания. Так, в 1872, на взнос костромского уроженца чаеоторговца К.А. Попова, владельца известного Торгового дома под фирмой «Братья К. и С. Поповы» приобрели 2-х этажный особняк для размещения спален пансионеров.

19 февраля 1880 г. в память 25-летия царствования императора Александра II, в день опубликования манифеста об освобождения крестьян, открыто *Александровское коммерческое училище*. Инициатором создания Александровского училища был известный московский благотворитель Н.А. Найденов председатель Московского биржевого комитета, организатор и член правления Московского купеческого банка, автор краткого очерка Московской биржи (1889). Его появление получило поддержку богатейших промышленников и финансистов Москвы – И.Н. Коншина, И.А. Лямина, И.С. Мальцева, Т.С. Морозова, К.Т. Солдатенкова. В число жертвователей вошли крупные торговые дома – «Владимир Алексеев», «Л. Кноп», «П. и С. братья Третьяковы и В. Коншин», «Вогау и К», «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья», целый ряд мануфактур, Московский купеческий банк. Основной капитал училища первоначально составил более 70 тысяч рублей, к началу XX века капитал училища достиг почти 800 тысяч рублей.

21 июля 1883 года были произведены выборы Попечительского Совета училища на три года. Председателем Совета был избран Николай Александрович Найденов, товарищем председателя - Александр Константинович Трапезников, членами Совета - Иван Кузьмич Бакланов, Андрей Андреевич Колли, Сергей Владимирович Алексеев, Павел Михайлович Третьяков, Дмитрий Петрович Боткин.

Училище создавалось с целью «подготовить детей лиц торгового класса к торговой деятельности». Программа обучения в Александровском коммерческом училище отвечала уровню классической гимназии, но в освоении иностранных языков превышала его. В училище были

подготовительное отделение, 5 общих и 2 специальных класса с полным курсом предметов преподавания: общеобразовательных - закона Божьего, русского и иностранных языков, математики, физики, химии, истории, рисования, черчения, чистописания; и специальных - истории торговли, товароведения с технологией, коммерческой арифметики, бухгалтерии, коммерческой географии, политэкономии и законовведения. Вместе с высококвалифицированным составом преподавателей это делало коммерческое училище весьма привлекательным, несмотря на довольно большую плату за обучение.

В училище принимались мальчики от 8 до 11 лет; в 1885 - 1906 годах существовал пансион, поэтому принимались для обучения и жители других регионов Российской империи. Ученики, окончившие полный курс, получали аттестаты и звание личного почётного гражданина; отличившиеся по успехам и поведению удостоивались звания кандидата коммерции и награждались золотой или серебряной медалью. Кроме того, коммерческие учебные заведения находились в ведении Министерства финансов, а не под контролем чрезвычайно консервативного, даже временами реакционного Министерства народного просвещения. Училище было торжественно открыто 6 октября 1885 года. Первым директором Александровского училища стал известный русский учёный-математик, профессор Императорского технического училища, член-корреспондент Петербургской Академии наук, Алексей Васильевич Летников.

Училище заняло дом № 21 по Старой Басманной улице, где прежде располагался Константиновский межевой институт. В 1903-1906 годы на земле, принадлежащей училищу, появились многоэтажные здания для Торговой школы императора Александра III (Бабушкин переулок, д. 6) и Николаевского женского коммерческого училища с 4-классной торговой школой при нём (Ст. Басманная, д. 20 – архитектор С.У. Соловьев). В 1918 г. Александровское коммерческое училище было закрыто; в его корпусах открыта 6-я советская трудовая школа II ступени Басманного района; в 1920 г. разместились Промышленно-экономический институт и техникумы; с 1934 г. – Институт инженерной экологии и химического машиностроения.

Уже в год публикации Положения, в декабре 1896 г. Московская городская Дума, поддержав намерения высшей власти, принимает к рассмотрению доклад Училищной комиссии по вопросу об открытии 3-х классной коммерческой школы. В докладе указывалось, что Москва – «всероссийское торжище», являясь местом расположения огромного числа частных коммерческих учреждений и фирм, имевших значительный торговый оборот, располагая многочисленным отрядом потенциальных торговых служащих, тем не менее, слабо обеспечена учебными заведениями низшего коммерческого образования. Открытие специальной

школы должно «дать большему числу лиц средства к приобретению научных знаний, потребных для ведения торговых дел...». Гласные думы приняли решение: на капитал, завещанный городу купеческой четой В.А. и А.А. Алексеевых²⁷² – известных благотворителей, учредить коммерческое образовательное учреждение для мальчиков имени жертвователей. Плата за обучение в торговой школе не превышала 20 рублей в год. По решению попечительного совета торговой школы беднейшие ученики освобождались от платы за учение. Торговая школа имени А.А. и В.А. Алексеевых стала первым в Москве низшим коммерческим учебным заведением в системе городских учебных заведений²⁷³.

---

²⁷² Крупный чае- и сахароторговец *Андрей Алексеевич Алексеев* (ок. 1818–1888) и его жена *Варвара Андреевна* (?–1894) оставшись бездетными, в 1870–90-е годы пожертвовали значительные средства на возведение ряда социальных учреждений в Москве. На учреждение Московского Учительского института Министерства народного просвещения, где готовили учителей городских училищ (новое здание было построено в 1901 году; ныне на ул. Б. Полянка, 50); на строительство Общей клинической амбулатории (поликлиники) им. В.А. Алексеевой (1896) Московского ун-та на Девичьем поле (ныне в составе Московской медицинской академии им. И.А. Сеченова); на устройство Музея изящных искусств им. имп. Александра III при Московском ун-те (150 тысяч рублей); на сооружение здания для больницы в 1900 построенного в Фурманом пер. Яузской части бесплатной «Городской глазной больницы имени В.А. и А.А. Алексеевых» (250 тысяч рублей) (ныне – Московский научно-исследовательский институт глазных болезней им. Гельмгольца Минздрава России на ул. Садовая-Черногрязская, 14/19).

²⁷³ Обзор деятельности Московской городской торговой школы имени В.А. и А. А. Алексеевых в 1897/8 и 1898/9 учебных годах. М., 1900. С. 3.

**МОСКОВСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ
В 40-Е ГОДЫ XIX ВЕКА:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОФИИ СТЕПАНОВНЫ ЩЕРБАТОВОЙ**

Жигальцова Л.В.

Московский государственный университет

Организация социальной помощи неимущим остается актуальной в современном обществе. В связи с этим представляет интерес опыт организации подобной помощи в 1840-1850-х годах, когда в условиях формирующегося индустриального общества борьба с бедностью и нищетой приобретает особое значение. В России формирование такой помощи имело ряд особенностей, являвшихся следствием монополии государства на любую, в том числе – социальную инициативу, слабого развития городского самоуправления, отсутствия развитой общественной инициативы. В статье раскрываются эти особенности на примере деятельности С.С. Щербатовой и созданной ею в 1844 году благотворительной организации «Дамское попечительство о бедных». Эта организация явила собой яркий положительный пример конструктивного сотрудничества государства, общества и человека в деле организации социальной помощи.

Ключевые слова: благотворительность, история социальной работы, Эльберфельдская система, С.С. Щербатова, Дамское попечительство о бедных, социальная помощь.

**MOSCOW ADMINISTRATION AND CHARITY
IN THE 40S OF THE XIX CENTURY: THE ACTIVITIES
OF SOPHIA STEPANOVNA SHCHERBATOVA**

Zhigaltsova L.V.

Moscow State University

The organization of social assistance to the underprivileged remains relevant and timely in modern society. High emphasis in this respect is placed on organizing such assistance in the 1840s and 1850s, when battling poverty and destitution was of particular importance within the context of the emerging industrial society. In Russia, the organization of such assistance had a number of features that were the consequence of the state's monopoly on any initiative (including social initiative), the weak development of city government, the lack of developed public and civic initiative. The article is aimed at revealing these features, giving the example of the activity of a prominent Russian

philanthropist and charity organizer S. S. Shcherbatova and the "The Grand Dames Helping the Poor" Charity founded by her efforts in 1844. This organization came as a positive example of constructive state-society relations in the organization of social assistance.

Keywords: philanthropy (charity), History of Social Work, the Elberfeld system, S. S. Shcherbatova, «Ladies' care about the poor», social care.

Организация социальной помощи неимущим слоям является актуальной в современном обществе. В связи с этим представляет несомненный интерес тот опыт, который был выработан в предыдущие столетия в нашей стране. В России организация такой помощи имела ряд особенностей, обусловленных политическим и социально-экономическим устройством страны. В силу этого дело общественного призрения находилось под контролем государства. Первые шаги организации призрения в государственном масштабе были осуществлены в правление Екатерины II – был создан Приказ общественного призрения. В ее же правление была сделана попытка привлечь к осуществлению этой работы общество через созданные дворянские собрания и органы городского управления, формировавшиеся на основе выборности. Результат этих усилий был невелик. Объяснений тому несколько: сказалась косность самой государственной системы, и преждевременность предоставления подобных прав русскому обществу. Оно находилось только в начале своего становления: ему была свойственна сословная разобщенность, невысокий уровень просвещенности. Робкие процессы формирования общественной инициативы были прерваны правлением Павла I, сократившим привилегии дворянства по «Жалованной грамоте» и фактически отменившим «Жалованную грамоту городам». Несмотря на то, что Александр I ликвидировал ограничения Павла I – «Жалованная грамота» была восстановлена, но одновременно был сохранен бюрократический контроль над городскими органами управления.

Москва в первой половине XIX века фактически не имела общественного управления – хотя существовала Шестигласная дума и выбирался городской голова, Общая дума не функционировала. Вся полнота власти была сосредоточена в руках генерал-губернатора и гражданского губернатора. После распоряжения Комитета министров в 1844 году, вводившего надзор гражданского губернатора за городской хозяйственной деятельностью, Московская городская дума оказалась в полной зависимости от администрации. Отстранение общества от решения насущных задач развития города порождало неэффективность государственных усилий.

Одной из серьезных проблем этого времени являлось увеличение числа неимущих. Нищенство – вечный спутник городов – в

первопрестольной особенно бросалось в глаза. Социальный состав нищих был разнообразен: канцелярские служащие и мелкие чиновники, люди духовного звания, купеческого звания, нижние военные чины с женами и детьми, мещане, иногородние, вольноотпущенные, иностранцы, государственные и помещичьи крестьяне. Существующие богадельни и сиротские дома не справлялись с этим явлением. В 1839 году, вслед за Петербургом, в Москве был создан «Комитет для просящих милостыню». Сюда доставляли нищих, задержанных на улицах города, регистрировали, брали подписки с обязательством не просить более милостыню. Далее их судьба была различна: «неисправимых» высылали из Москвы, иногородних отправляли к месту жительства, крепостных – к их владельцам. Часть трудоспособных нищих определяли в Работный дом, однако содержание в нем было тяжелым. Насколько эффективной была эта работа показывает тот факт, что многие нищие задерживались и во второй, и третий раз. По мере нарастания проблемы учреждались и другие меры. В 1852 году сенатский указ «О уменьшении нищенства в столицах» предписывал для борьбы с нищенством не выдавать билеты на следование в столицу детям, слепым, калекам, престарелым и увечным крестьянам, женам и вдовам без взрослых сыновей²⁷⁴. Запретительных мер было недостаточно. Нужна была более продуманная программа действий, направленная выработку *предупреждающих мер* роста неимущих. Нужна была общественная инициатива.

В 1844 году в Москве княгиней Софией Степановной Щербатовой было основано Дамское Попечительство о бедных. На момент основания Щербатова являлась женой генерал-губернатора Москвы – Алексея Григорьевича Щербатова, занимавшего этот пост в 1844-1848 гг. Деятельность Щербатова была плодотворной. В 1844-1845 гг. он добился введения торговой полиции, запрета труда малолетних на фабриках в ночную смену, учредил в Городской части справочную службу по наличию свободных мест в московских больницах для нуждающихся в медицинской помощи, провел ряд важнейших санитарных мер по оздоровлению экологической ситуации в городе²⁷⁵.

София Степановна была на 22 года моложе своего супруга, несмотря на разницу в возрасте – брак был счастливым. У четы Щербатовых было шестеро детей, воспитанием которых занималась сама княгиня. По всей видимости, эту пару объединяло общее понимание ответственности своего

---

²⁷⁴ Московская власть: гласные Городской думы 1863-1917. Биографический словарь/серия «Московская власть» / Выпуск 6. М. 2009. 960 с.

²⁷⁵ Болдина Е.Г. Преемник князя Д.В. Голицына на посту Московского генерал-губернатора князь А.Г. Щербатов//В кн. Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Большие Вяземы. 1998. 307 с. С.79-80

высокого положения: неслучайным являлось их стремление к благотворительности, действенной, не ограничивающейся просто подающими нищим по праздникам. Подобный вариант «слащавой» благотворительности, являвшейся на самом деле способом откупиться, отмахнуться от насущных проблем действительности для Щербатовой явно не подходил. Сама София Степановна (урожденная Апраксина) была женщиной незаурядной, блестяще образованной, религиозной, не склонной к праздной жизни дамы высшего света. Свое положение Щербатова использовала для организации той самой кипучей деятельности, благодаря которой она осталась в памяти жителей Москвы. Помимо создания Попечительства о бедных, София Степановна участвовала в деятельности Московского попечительного о тюрьмах Комитета, вместе с доктором Гаазом создавала Никольскую общину сестер милосердия. Характерно, что София Степановна привлекла к этой работе своих детей. Дочь княгини – Ольга Алексеевна (в замужестве – Голицына) не только помогала своей матери, но и основала Приют Св. Магдалины. Сын – Александр Алексеевич – городской голова 1863-1869 гг., первый удостоившийся звания «Почетный гражданин города Москвы»²⁷⁶, с 1875 года исполнял обязанности правителя канцелярии попечительства.

То, что благотворительную инициативу выдвигала именно жена генерал-губернатора – сыграло решающую роль. Содействие Алексея Григорьевича привело к высочайшему утверждению этого начинания. В 1845 году Дамское попечительство о бедных получило свой устав. В первом пункте этого документа было отмечено, что учрежденное под Высочайшим покровительством Государыни Императрицы попечительство состояло преимущественно из особ женского пола²⁷⁷. Отличительной целью общества было «открывать людей, по истине нуждающихся в помощи, особенно стыдящихся просить подаяния»²⁷⁸. Попечительство не собиралось раздавать только денежные пособия, стараясь «заменить их другими, более надежными средствами к восстановлению упавшего состояния людей». В первую очередь – определять нуждающихся к должностям, воспитывать и обучать детей, снабжать больных лекарствами, одеждой, продовольствием, оказывать медицинскую помощь, призывать престарелых. И только в крайнем «нужном случае» – снабжать деньгами. Причем денежная помощь представлялась чаще всего в виде ссуды, на известный срок «дабы возбудить в нуждающихся собственную

---

²⁷⁶ В память княгини Софии Степановны Щербатовой 12 ноября 1887. М. 1887. 20 с.

²⁷⁷ Первое двадцатипятилетие состоящего под непосредственным Их Императорском Величестве покровительством в ведомстве Учреждений императрицы Марии Попечительства о бедных в Москве (1844-1869 г.). М. 1869. 123, 71 с.

²⁷⁸ Там же. С. 4

заботливость...»²⁷⁹. В 1854 году Попечительство было причислено к Ведомству Императрицы Марии. Почти 10 лет оно осуществляло относительно самостоятельную работу, достигнув значительных результатов.

Почетными президентами Попечительства являлись Московские генерал-губернаторы. Первым стал Алексей Григорьевич Щербатов. Впоследствии – генерал-губернаторы Москвы – А.А. Закревский, С.Г. Строганов, В.А. Долгоруков, Великий князь Сергей Александрович.

Попечительство возглавлял Совет, состоявший из председательницы, почетных членов Совета, действительных членов (ими являлись попечительницы отделений) и члена наблюдателя за учебной частью в заведениях Попечительства. Собирался он раз в месяц, решения принимались общим голосованием. Совет обсуждал общие вопросы, распределял попечительниц, контролировал их деятельность, составлял отчеты. В состав общества входили члены благотворители, сотрудники и агенты. Попечительство в 1844 году состояло из 17 отделений, названных по имени той части города в котором находилось, а именно: Арбатское, Басманное, Городское, Лефортовское, Мещанское, Мясницкое, Пречистинское, Пресненское, Рогожское, Серпуховское, Сретенское, Суцевское, Тверское, Хамовническое, Якиманское, Яузское. С развитием деятельности в некоторых отделениях были открыты вторые и третьи части. Каждое отделение возглавлялось попечительницей, выбранной из дам высшего круга. Выбор осуществлялся Председательницей Совета и получал затем наивысочайшее утверждение Императрицы. В свою очередь попечительницы отделений самостоятельно выбирали себе помощников. Для каждого отделения были введены штатные должности – врача, секретаря, казначея. Секретари и казначеи вносили определенную сумму: «Секретарь вносил обыкновенно от 100 до 200 рублей серебром, казначей от 400 до 600. Казначейми назначались богатые купцы.»²⁸⁰. Количество сотрудников и агентов не было определенным, складывалось в зависимости от конкретной ситуации. Агенты, согласно 25 параграфу устава, выбирались в основном из купечества²⁸¹. Численный состав претерпевал постоянные изменения. Однако можно назвать примерное

---

²⁷⁹ Первое двадцатипятилетие состоящего под непосредственным Их Императорском Величестве покровительством в ведомстве Учреждений императрицы Марии Попечительства о бедных в Москве (1844-1869 г.). М. 1869. С. 4

²⁸⁰ Воспоминания Драшусовой Е.А. (1842-1847) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Альманах. М. 2004. Т. XIII. 544 с. С.204.

²⁸¹ Первое двадцатипятилетие состоящего под непосредственным Их Императорском Величестве покровительством в ведомстве Учреждений императрицы Марии Попечительства о бедных в Москве (1844-1869 г.). М. 1869. 123, 71 с. С 7.

число участников общества – около 200 человек. Насколько искренним было участие всех этих людей в «благотворном деле»? Каковы были причины, побуждавшие этих людей участвовать в столь трудной работе? С одной стороны, работа, ими осуществляемая, являлась безвозмездной, но предоставлявшей им ряд преимуществ и льгот. Врачи, секретари, казначеи «пользовались правами государственной службы по чинопроизводству» и удостаивались «Всемиловнейших наград»²⁸². Казначей Совета, выбранный из чиновников, считался на государственной службе и принадлежал к VIII классу. Представители купечества, являвшиеся казначеями в десяти отделениях, освобождались от городской службы по выборам. С другой – присутствовало и подвижничество среди них. Вот описание одного из сотрудников Серпуховской части – купца Алексея Семеновича Дворянчикова. «Бог благословил его, он нажился от неустанного трудолюбия своего, но не накопил богатства, а расточал его для бедных и не оскудевала рука дающего. ... В голодный год Алексей Семенович, движимый состраданием, раздал значительную сумму и сделался известным *несчастливым* Москвы. Кроме ежедневных подаваний, он раздавал в первое число каждого месяца большую сумму денег, говорят, до 200 целковых. Он сам никогда не говорил об этом»²⁸³.

Как уже было сказано, Попечительство предоставляло денежные пособия в редких случаях. В основном помощь осуществлялась другими видами пожертвований. Кроме того, общество нанимало квартиры для особо нуждающихся. В каждом отделении создавались разного рода заведения – *богадельни, приюты, семейные приюты, начальные, ремесленные и рукодельные школы*. Таким образом призреваемые были весьма неоднородны по своему составу: престарелые женщины, уже не способные себя содержать; семейства, для которых это пристанище было временным и использовалось как возможность для восстановления своего благополучия; дети. Наиболее знаменитыми образовательными заведениями были Мариинское женское учебное заведение, Александро-Мариинское учебное заведение (высшие учебные заведения для девиц), Серпуховское женское учебное заведение, Комиссаровская техническая школа. В 1848 году Попечительством, и личными стараниями Щербатовой, была создана Никольская община сестер милосердия. Особо известна ее деятельность в годы Крымской войны, когда 34 сестры милосердия были отправлены в госпитали Крыма.

Одной из важнейших задач, провозглашенной Попечительством, являлось отчуждение людей от «вредного нищенского тунеядного

---

²⁸² Розенталь И.С. Москва на перепутье. Власть и общество. М. 256 с.С.9.

²⁸³ Воспоминания Драшусовой Е.А. (1842-1847) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Альманах. М. 2004. Т. XIII. 544 с. С. 205.

состояния»²⁸⁴, побуждение людей к трудовой деятельности. Для этого создавались ремесленные школы, специальные мастерские, магазины для продажи их изделий. Но, пожалуй, наиболее интересным и новым опытом Попечительства было создание в 1866 году Убежища Св. Магдалины для несовершеннолетних девушек «имевших несчастье впасть в разврат»²⁸⁵. За первый год существования в убежище пребывало 25 девушек в возрасте от 12 до 20 лет. В заведении обучали грамоте, ремеслу, необходимой гигиене, оказывали медицинскую помощь. Результат не всегда оправдывал затраченные усилия: из одиннадцати покинувших заведение - пять девушек вернулись к прежним занятиям.

Первой председательницей в течение 31 года была София Степановна Щербатова. Именно ей принадлежала огромная заслуга в организации и деятельности Попечительства. «Жажда добра и истины, светлый зиждущий ум, неутомимая энергия ... – была отличительными чертами ея долголетних и многосторонних трудов»²⁸⁶. Она сама возглавляла Суцевское отделение, в котором были организованы Никольская рукодельная школа для девочек; две школы начального обучения для приходящих детей; богадельня, лечебница для приходящих бедных больных; временное помещение для тех, кто ожидал места в больнице; семейный приют для вдов с детьми; упомянутые выше Никольская община и Убежище С. Магдалины. Ее заслуги были неоднократно отмечены. В 1867 году ей было пожаловано звание Статс-дамы Ее Императорского Величества, учреждено несколько стипендий ее имени²⁸⁷. В 1876 году она оставила пост председательницы, однако до конца своей жизни работала в звании помощницы попечительницы в разных отделениях. Ее в 1876 году сменила Мария Александровна Нейгардт, имевшая большой опыт попечительской работы: начало ее деятельности относилось к 1865 году. Она возглавила знаменитое Мариинское училище (к 1894 году там воспитывалось до 300 девиц).

Одной из отличительных черт Попечительства – многолетняя служба ее сотрудников. Вот только некоторые из них. Варвара Евграфовна Чертова, основательница Александро-Мариинского училища,

---

²⁸⁴ Первое двадцатипятилетие состоящего под непосредственным Их Императорском Величестве покровительством в ведомстве Учреждений императрицы Марии Попечительства о бедных в Москве (1844-1869 г.). М. 1869. 123, 71 с. С 9.

²⁸⁵ Там же. С. 113

²⁸⁶ Пятидесятилетие Дамскаго Попечительства о бедных в Москве Ведомства учреждений императрицы Марии с 17 декабря 1844 по 17 декабря 1894 годы. Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1895. 70 с. С.33.

²⁸⁷ Воспоминания Драшусовой Е.А. (1842-1847) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Альманах. М. 2004. Т. XIII. 544 с. С. 5.

прослужившая в Попечительстве 40 лет; княгиня Мария Ксенофонтовна Шахаева, возглавлявшая отделение Попечительства более 20 лет, княжна Гаяне Ильинична Грузинская, являвшаяся попечительницей отделения около 20 лет и организовавшая Приют в память Императрицы Марии Александровны; княгиня Мария Павловна Щербатова, возглавлявшая Пресненское отделение.

Примечательным являлось то, что Попечительство до 1857 года не получало каких-либо дотаций от государства. Оно полностью было организовано на частные пожертвования всех московских жителей. Помощь выражалась в денежных суммах, вещах, тканях, продуктах, дровах, лекарствах. Попечительству разрешалось для получения средств прибегать к устройству концертов, лотерей, объявлять подписку в периодических изданиях в пользу бедных. Удивительно, что общество в начале своей деятельности имело всего 5 000 ассигнациями, через три месяца – уже 15 000 тыс. серебром, а к 1 января 1846 года – 40 000 тыс. серебром. Средства собирались всеми попечительницами отделений. Полученные суммы в основном оставались в их распоряжении. В случае, если средства были значительными, часть их отделялась на приращении главной кассы Попечительства и формирование капитала общества. К 1 января 1846 года размер этого капитала составил более 19 000 рублей серебром. В 1857 году по решению Александра II Попечительству было предоставлено постоянное пособие для создания собственного значительного капитала: в течение 10 лет оно получило 250 000 рублей. Из них – «200 000 рублей обращены в государственные 4 % непрерывно-доходные билеты, а 50 000 рублей в двух билетах Государственного Банка 1 выпуска по 25 000 р. каждый.»²⁸⁸. В 1894 году сумма всего капитала Попечительства составил более 1 млн. 700 тыс. рублей. К 1870 году в собственности Попечительства было 13 домов, к 1894 – 20²⁸⁹.

Чтобы понять масштабы этой деятельности стоит обратиться к статистике. В 1846 году было создано 20 заведений, предоставлявших помощь 400 человек. К 1870 году в составе попечительства было 23 отделения и 34 заведения. К 1894 году – в состав Попечительства входило 36 заведений. В 1901 году – 33 благотворительных заведения. Всего за период 1845-1894 гг. было израсходовано Попечительством более 10 млн. рублей; количество призываемых составило 17 665 человек,

---

²⁸⁸ Пятидесятилетие Дамскаго Попечительства о бедных в Москве Ведомства учреждений императрицы Марии с 17 декабря 1844 по 17 декабря 1894 годы. – Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1895. 70 с. С.25

²⁸⁹ Там же С.52

воспитанников – 30 106; получивших пособие и медицинскую помощь – 347 739 человек.

Однако всего этого было мало – быстро развивающийся в индустриальную эпоху город порождал все большее количество страждущих. «Благотворительность не поспевала ... за обострением социальных проблем»²⁹⁰. Сами участники хорошо осознавали, что их деятельность была каплей в «море столичной нужды», всегда питая надежду на то, что на помощь нуждающимся придут более мощные городские общественные силы»²⁹¹. В 1894 году Московская городская Дума приступила к созданию городских попечительств о бедных на основе Эльберфельдской системы. Отличительной особенностью таковой был акцент помощи на дому, а не создание заведений приютского типа. Основные принципы системы – бесплатность труда социальных помощников, рационализация и индивидуализация подхода к определению помощи. Нуждающиеся делились на «домашних» (находящихся в социальных заведениях города), и на «внешних». Среди последних особенно считалось важным приискывать работу для неимущих, побуждать родителей к образованию детей²⁹². В Германии, где она возникла во второй половине XIX века, социальную работу осуществляли мужчины и только в конце XIX века к ней были допущены женщины. Система работы Дамского Попечительства о бедных мало чем отличается от Эльберфельдской. Это доказывает, что проблема оказания социальной помощи была общей и поиски ее решения шли в одном русле.

Исследуя деятельность Дамского попечительства о бедных в 1840-1850-х годах можно прийти к некоторым выводам. Отличительная черта этого периода развития социальной помощи населению состояла в том, что практически невозможно было разделить государственную, общественную и частную благотворительность. Государство стремилось контролировать все сферы общественной и духовной деятельности. Общество, для которого было характерно «чувство общественного долга» только формировалось. Как представляется, в данном случае такое сочетание было необходимым и приводило к успеху. На примере деятельности Попечительства можно заметить, что распространенная частная благотворительность постепенно перерастала в общественную, делалась определенной попыткой преодолеть сословную структуру русского общества.

---

²⁹⁰ Розенталь И.С. Москва на перепутье. Власть и общество. М. 256 с. С. 107

²⁹¹ Пятидесятилетие Дамского Попечительства о бедных в Москве Ведомства учреждений императрицы Марии с 17 декабря 1844 по 17 декабря 1894 годы. Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1895. 70 с.С.3

²⁹² Павлова И.А. Эльберфельдская система социальной помощи неимущим: от добровольчества к профессионализму (Электронный ресурс) //Журнал исследований социальной политики. Т. 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elberfeldskaya-sistema-sotsialnoy-pomoschi-neimuschim-ot-dobrovolchestva-k-professionalizmu> - дата обращения 19.07. 2018

**ОТ ЖАЛОВАННОЙ ГРАМОТЫ ГОРОДАМ К ГОРОДОВОМУ
ПОЛОЖЕНИЮ 1870 Г.:
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ ГОРОДА**

Кошман Л.В.

Московский государственный университет

В статье рассматривается социально-правовое формирование города Нового времени, которое определялось законодательством Екатерины II конца XVIII века, появление новаций в этой сфере по сравнению с предшествующим временем и их трансформация в XIX в. Состояние градского общества, социальные изменения в его составе дают возможность рассмотреть один из аспектов правовой жизни русского города, взаимоотношение городской общественности и власти в конце XVIII – первой половине XIX в.

Ключевые слова. История города; город Нового времени; социально-правовой статус; градское общество; избирательная система; город и власть.

**FROM THE CHARTER TO CITIES TO THE MUNICIPAL
STATUES OF 1870:
THE SYSTEM OF ELECTIONS TO PUBLIC AND MUNICIPAL
ADMINISTRATION**

Koshman L.V

Moscow State University

The article considers a social and legal forming of New time city, which was determined by the legislation of Ekaterina II in the end of XVIII century, the novation appearance in this field as compared with the former period and their transformation in XIX century. The state of city society, social rearrangement of its structure provides an opportunity to examine one of the aspect of the legal existence of Russian city, interrelation of city community and the authorities in the end of XVIII – first half of XIX century.

Keywords: City history; New time city; social and legal status; city society; electoral system; city and the authorities.

В историческом развитии города в России принципиально важным этапом был конец XVIII – начало XIX вв. В результате законодательных актов Екатерины II, ее преемников Павла I и Александра I, были заложены

правовые основы жизни города, отличные от предшествующего времени. Город терял оборонительную функцию – первостепенную в средневековье – и приобретал новые функции, определявшие его роль в различных областях внутренней, хозяйственной и культурной жизни страны.

Возникновение города Нового времени в конце XVIII – начале XIX вв. диктовалось в первую очередь административными соображениями власти. «Города утверждаются правительством, новые города возникли из потребностей административного устройства», – такое мнение высказывал в середине XIX в. Н.А. Милютин, один из государственных деятелей России.

Есть несомненная связь между «волевым» решением власти создания новых городов и реформой 1775 г. («Учреждения для управления губерний»), которая упорядочивала административно-территориальное устройство Российской империи. По новому закону губерния, как территориальная единица, сохранялась (губернии были созданы в 1708 г. при Петре I), но она укрупнялась; определялось количество «ревизских душ» – 300-400 тыс., проживавших в губернии, «дабы губерния порядочно могла быть управляема». В уездах, на которые разделялась губерния, число жителей должно было составлять 20-30 тыс. чел. Представителем официальной власти в городе становился губернатор.

В уездных городах учреждалась должность городничего, который был начальником полиции. Должность городничего сохранялась в первой половине XIX в.; в 1863 г. она была упразднена.

Губернской реформой 1775 г. правительство усиливало государственную власть на местах. Город приобретал статус самостоятельной административной единицы. В последней четверти XVIII в. сложилась система городов (столичные, губернские, уездные), основанная на подчинении административной власти, в первую очередь губернатору. Эта система просуществовала в России на протяжении XIX – начала XX в., сохранялась даже в первые послереволюционные десятилетия.

Однако в реальной жизни существовали формы городских поселений, которые не укладывались в эти административные рамки. Сохранялись посады, городские поселения прежнего времени, существовали заштатные города, которые не имели системы городского управления и не были местными административными центрами. В XIX в. появляются фабричные села, фактически города с развитым промышленным производством, но юридически сохранявшие статус села (Иваново, Павлово, Кимры и др.).

Принципиально важным законодательным актом для города Нового времени и буржуазной эпохи стала Жалованная грамота городам 1785 г.

(«Грамота на права и выгоды городам Российской империи»). Этот закон заложил основные правовые нормы в жизнедеятельности города как социокультурного и хозяйственного организма. Он определял жизнь города на протяжении дореформенного времени. Однако некоторые его положения сохранились в пореформенном городском законодательстве. В одном из официальных изданий 1860-х гг. отмечалось: «Город в том назначении, которое соединяется с этим словом в настоящее время, является у нас не ранее 1785 г.»²⁹³

Город законодательно получал юридический статус, отличавший его от сельского поселения. Разница между понятиями «город» (укрепленное место) и посад (место для торговли и ремесла), чёткая в предшествующее время, пропадает.

Законодательно декларируемым признаком города как поселения был экономический фактор: «давать способы к приобретению имущества посредством торговли, промыслов, рукоделия и ремесла». Иными словами, в законе экономическая функция города рассматривалась как приоритетная. Однако она не стала таковой в жизни. В значительной степени это объясняется особенностью российской городской экономики: хозяйственной «размытостью», наличием аграрных занятий горожан, характерных для городского хозяйства. Неслучайно за городом законом закреплялось право владения выгонной землей. Это были «свободные казенные земли, вокруг города лежащие»: сады, поля, покосы, луга, реки, рыбные ловли, леса, которыми город, что важно отметить, мог пользоваться только на праве владения, а не собственности. Владение выгонной землей неоднократно подтверждалось правительственными указами и сохранялось как норма в городском законодательстве XIX в.

Наряду с юридическим статусом город по закону 1785 г. приобретал социально-правовой институт – градское общество. Это был новый элемент правового пространства города.

Градское общество упоминалось в акте «Учреждения для управления губерний» («по городам и посадам городской голова, бургомистры в ратманы выбираются городским обществом через всякие 3 года по баллам»). В Жалованной грамоте городам этот институт получает более чёткие социально-правовые черты: определяется его состав, права членов, из которых главным было участие в выборах органов общественного городского управления. Впервые законодательно определялась основа избирательной системы, устанавливались цензы, которые давали избирательное право определенным социально-сословным группам горожан.

---

²⁹³ Городские поселения в Российской империи. СПб., 1860. Т.1. С.5

Градское общество имело в городе свой дом для собраний, архив, печать с городским гербом, писаря, которому «дозволялось составить особливую казну своими добровольными складками и оную казну употреблять по общему их согласию»²⁹⁴.

Но, фиксируя существование в городе новой общественной структуры, правительство оставило за собой право определять состав градского общества, а «для дозволенных городским обывателям выборов», собираться только «по приказанию и дозволению губернатора всякие 3 года в зимнее время»²⁹⁵.

К городским обывателям, которые могли войти в градское общество, по закону относились старожилы, родившиеся или долго жившие в городе, те, кто имел недвижимую собственность или занимались промыслом и торговлей. Иначе говоря, имущественный ценз рассматривался, как основной для приобретения членства в градском обществе, но вместе с тем, он ограничивал это право. В градское общество входили горожане, имевшие процентное отчисление с капитала 50 рублей. Для этого капитал должен был составлять не менее 5 тыс. рублей²⁹⁶.

Наряду с имущественным цензом вводился показатель принадлежности к определенному сословию: по закону горожане записывались в городскую обывательскую книгу, причем только эта запись доказывала принадлежность к гражданству данного города и давала право «пользоваться мещанскою выгодою»²⁹⁷.

Обывательская книга разделялась на 6 разрядов. Зачисление в тот или иной разряд учитывало, наряду с имущественным цензом, и принадлежность к определенному сословию. Этому признаку придавалось большое значение. Городской голова не вносил в обывательскую книгу тех, «кто не представит доказательства своего состояния» (т.е. сословия)²⁹⁸.

Судя по перечислению тех, кто входил в градское общество, русский город в конце XVIII в. был очень «пестрым» по имущественному, социально-сословному, профессиональному составу жителей. «Настоящие городские обыватели» (наиболее богатая верхушка горожан) – составляли первый разряд; купцы 3-х гильдий – второй; цеховые и ремесленники – третий; в четвертый разряд входили иногородние и иностранцы, проживавшие в городе; пятый разряд – «именитые граждане» – включал «всякого звания капиталистов», банкиров, кто оптом торгует с капиталом

---

²⁹⁴ ПСЗ I. Т. XXII. № 16188. Жалованная грамота городам 21 апреля 1785 г. Раздел «О городских обывателях». Ст. 39-42.

²⁹⁵ ПСЗ I. Т. XXII. № 16188. Ст. 39-40.

²⁹⁶ История России XVIII – XIX веков. Под. ред. акад. РАН Л.В. Милова. М., 2008.С.28.

²⁹⁷ ПСЗ I. Т. XXII. № 16188. Ст. 56.

²⁹⁸ ПСЗ I. Т. XXII. № 16188. Ст. 69.

более 50 тыс. рублей; чиновников – бургомистров, городского голову, заседателей магистратов; тех, кто имел университетские или академические аттестаты: ученых, художников, музыкантов. Наконец, шестой разряд – посадские люди – включал основную массу горожан. Это были мещане – понятие, появившееся в законодательстве екатерининского времени и, по существу, равнозначное термину «посадский человек».

Крестьяне, проживавшие в городе, не были включены в состав градского общества²⁹⁹. Такое правовое положение крестьян, проживающих в городе, сохранялось и в последующее время.

Противоречивость, существовавшая в законе 1785 г., была следствием того, что законодательство екатерининского времени не отражало в полной мере внутренние социально-экономические процессы. В известной степени оно было заимствовано из практики западноевропейского городского права. В конце XVIII в. в социально-правовой жизни России происходило завершение процесса формирования сословий и сословное начало не могло не проявиться в некоторых правовых нормах.

Исполнители закона в России не были готовы воспринять новации городского законодательства в силу сохранения традиционного понимания многих существовавших общественно-правовых норм. И.И. Дитятин, один из известных дореволюционных исследователей русского города, в работе, посвященной столетию Петербургского городского общества, справедливо отмечал, что «мысль императрицы относительно городского общественного управления не понимала та среда, то общество, ради которого создавались эти учреждения»³⁰⁰.

И, тем не менее, городское законодательство конца XVIII в. содержало принципиально важные правовые новации, сохранившиеся на протяжении последующего времени. В законе впервые было зафиксировано наличие городского общественного управления, его структура, состоящая из распорядительной и исполнительной власти, функции каждой из них. Формирование органов городского управления происходило по определенной избирательной системе. Следует отметить, что избирательное право, как право участия жителей в общественном управлении в России в XIX в. существовало только на уровне города. Основы для этого были заложены в Жалованной грамоте 1785 г.

Что представляло из себя городское общественное управление и как происходили выборы?

---

²⁹⁹ В Москве в конце XVIII в. проживало 217 тыс. жителей, из них дворян – 6,3 %, купцов – 7 %, мещан и ремесленников – 11,7 %, лиц духовного звания, чиновников, военных – 14 %, крестьян – 28,5 %. См. Москва. Энциклопедия. М., 1980. С. 21.

³⁰⁰ Дитятин И.И. Столетие С-Петербургского городского общества. 1785-1885. СПб., 1885. С.65.

В доме градского общества каждые три года собрание горожан, входивших в состав градского общества, по баллотировке избирало гласных в Общую городскую думу, городского голову, бургомистра, других должностных лиц. Гласные в думу избирались от каждого из 6-ти разрядов, собиравшихся отдельно и избиравших разное количество гласных (именитые граждане выбирали семь человек, купцы – три, по одному от каждой гильдии).

На собрании Общей городской думы – органа распорядительной власти, избиралась Шестигласная дума: по одному члену от каждого разряда (отсюда название – Шестигласная дума). Эта дума была постоянно действующим органом исполнительной власти и собиралась еженедельно. Городской голова также осуществлял исполнительную власть в городе и председательствовал в Общей городской думе.

Жалованная грамота городам оставалась основным законом, по которому жил город практически до издания Городового положения 1870 г. Она была включена в «Свод законов Российской империи», впервые изданный в 1832 г. по инициативе М.М. Сперанского; как один из источников правовых норм упоминалась в неоднократно переиздававшемся собрании действовавших законов³⁰¹.

Однако официальная власть в лице того или иного императора считала возможным вносить изменения в закон, которые, как правило, были направлены на усиление влияния правительственной администрации. Павел I отменил действие Жалованной грамоты городам, упразднил некоторые ранее учрежденные города; заштатные города (не имевшие городского управления) были переименованы в посады. Изменения коснулись и городского общественного управления: в 1798 г., как судебная инстанция, были ликвидированы губернские магистраты, в 1800 г. указом Павла I они заменялись ратгаузами, которые стали органами правительственной власти в городе. В 1799 г. была упразднена Общая городская дума³⁰². По существу, город лишился органа распорядительной власти в системе общественного управления.

Александр I в числе первых законодательных мер в апреле 1801 г. восстановил действие закона 1785 г., но некоторые правительственные комиссии, созданные при Павле I «для действий в городе», сохранили свои функции; не были восстановлены и губернские магистраты.

В первой половине XIX в. при сохранении принципиально важных правовых норм в городском законодательстве происходила существенная трансформация. В градском обществе изменения коснулись его состава: с

---

³⁰¹ Свод законов Российской империи. Законы о состояниях. СПб, 1832. Т. 9. Раздел «О городских обывателях». Переиздание 1857, 1899 г.

³⁰² Шестигласная дума в Москве существовала до введения в 1862 г. в действие «Положения об общественном управлении города Москвы».

одной стороны, шло укрупнение социально-сословных групп, с другой – некоторые категории горожан были лишены права членства в этом социально-правовом сообществе.

В «Своде законов», издания 1857 г., накануне начала буржуазных реформ в России, в составе градского общества упоминаются гильдейское купечество, почетные граждане, мещане или посадские, дворяне, имевшие в городе собственность. Те же сословные группы сохраняются в составе градского общества в конце XIX в. (они упоминаются в «Своде законов» издания 1899 г.).

Таким образом, в процессе трансформации градское общество по составу к концу XIX в. стало «совокупностью торгово-промышленных сословий», однако сословные страты в нем сохранились.

Наличие сословных групп в градском обществе свидетельствовало об отсутствии в пореформенном городе городского сословия как единого социально-правового сообщества. «Городское сословие» как термин отсутствует в действующем городском праве начала XX в. В справочно-юридической литературе ему соответствовало выражение «средний род людей» или «городские обыватели в особенности», к которым причислялись почетные граждане, купцы, мещане или посадские, рабочие люди³⁰³.

Отсутствие городского сословия как органически единой социальной группы отмечали ученые-юристы. К.К. Арсеньев выступая в 1886 г. в Петербургском юридическом обществе, выделял среди городских обывателей «подразделения»: почетное гражданство, купечество, мещанство и определял каждое из них как «прочно организованную, устойчивую группу». Причем, ученый подчеркивал, что «соединить купечество и мещанство в одно органическое целое нельзя»³⁰⁴.

В результате трансформации градского общества в XIX в. стало фактом отсутствие в его составе интеллигенции. В XVIII в., как известно, эта социально-профессиональная группа входила в разряд «именитые граждане», что было зафиксировано в Жалованной грамоте городам.

В новом столетии это был уже достаточно большой социальный слой городских жителей (адвокаты, врачи, учителя, актеры, художники). Они не владели, как правило, ни недвижимой собственностью, ни капиталом, были квартиронанимателями в доходных домах. Этот термин в то время был равнозначен слову интеллигенция³⁰⁵.

---

³⁰³ Словарь юридических и государственных наук. СПб., 1901. Т.2. Вып.6. С. 255-257.

³⁰⁴ Арсеньев К.К. Сословное начало в местном управлении и самоуправлении // Вестник Европы. 1887. Кн. 4. С.815.

³⁰⁵ В Москве по данным городской переписи 1882 г. лица интеллектуального труда составляли 4,3 % самостоятельного населения. По социальному составу или сословному происхождению 50 % интеллигенции Москвы были разночинцами, 22 %

В первой половине XIX в. в уставах некоторых городов интеллигенция не упоминается в составе градского общества. В городском уставе Петербурга, разработанном в 1846 г. Н.А. Милютиным, одним из представителей либеральной бюрократии, из числа выборщиков гласных, а, следовательно, из градского общества исключались артисты и люди с университетским образованием³⁰⁶.

В Городовом положении 1870 г. был провозглашен принцип бессословности. Тем самым «буквой» закона закреплялась бессословность состава градского общества (хотя в действующем законодательстве, Своде законов, издания 1899 г., как уже отмечалось, сословные группы в градском обществе упоминались). «Всякий городской обыватель, – отмечалось в законе 1870 г., – независимо от состояния (т.е. сословия – Л.К.) имеет право голоса при избрании гласных». Однако вводимые при этом возрастной ценз, ценз оседлости, наличие недвижимой собственности, занятие торгом и промыслом, уплата налоговых сборов в городскую казну фактически не позволяли реализовать декларируемый в законе принцип. В.И. Пичета, в связи с этим писал: «В основу проекта нового Городового положения принцип всесословности был положен, но он был сужен настолько, что самый принцип растворился среди старого сословного начала»³⁰⁷.

Фактическое неравноправие сословий закреплялось системой выборов в городскую думу. Это выражалась не только в лишении избирательных прав интеллигенции, участия в выборах крестьян-отходников, в течение длительного времени живущих в городе, но и в отсутствии равных условий для тех, кто участвовал в выборах гласных в городскую думу. Неравноправие сословий создавала трехразрядная (куриальная) система. Она основывалась на разделении избирателей на три разряда (курии) в соответствии с величиной налога, уплачиваемого в казну города. Поэтому каждый разряд объединял не одинаковое количество горожан (оно определялось величиной налога), но число избранных в городскую думу гласных от каждой курии было равным – по 1/3, от общего числа участвовавших в выборах.

Предоставление избирательных прав интеллигенции было одним из основных вопросов в «диалоге» общественности с коронной администрацией уже в период подготовки буржуазных реформ в России.

Вопрос о распространении избирательного права на квартиронанимателей, наряду с домовладельцами и предпринимателями

происходили из крестьян, 20 % - из дворян. См. Москва. Энциклопедия. М., 1980. Статья «Интеллигенция».

³⁰⁶ Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений в России. СПб., Б.г. С.181.

³⁰⁷ Пичета В.И. Городская реформа 1870 г. // Три века. Ист. сб-к. М., 1913. Т. 6. С.176.

рассматривался специальной правительственной комиссией в конце 60-х гг. при обсуждении проекта Городового положения 1870 г. По мнению некоторых членов Комиссии, положительное решение этого вопроса могло способствовать «преодолению неразвитости большинства городов, нуждающихся в оживлении их общественной деятельности образованным элементом». Однако в итоге такое мнение было отвергнуто. Комиссия посчитала, что в предстоящих преобразованиях в городах империи для определения состава градского общества следует сохранить только «два начала» – владение недвижимой собственностью или занятие в городе торговлей и промыслами – сформированные еще в XVIII в. С допущением в градское общество нанимателей квартир «с целью участия в заведовании городскими делами в наше законодательство было бы внесено совершенно новое начало»³⁰⁸.

Таким образом, в период, когда Россия вступила на буржуазный путь развития, правительство при подготовке городской реформы, считавшейся наиболее буржуазной среди других реформ 60-70-х гг., отказалось признать право интеллигенции участвовать в городском управлении.

Квартиронаниматели по Городовому положению 1870 г. не получили избирательного права. Уже современники отмечали, что «избирательная система была наиболее слабым местом реформы 1870 г.», поскольку в ней «проявилось недоверие к молодым общественным элементам города»³⁰⁹.

Привлечение в органы городского управления интеллигенции, в массе своей разночинской, оппозиционно настроенной к власти, вызывало опасение со стороны правительства «ненужных социальных последствий от действий такой интеллигенции». Даже при обсуждении в Государственном совете вопроса о внесении изменений в Городовое положение 1892 г. (происходившее в начале XX в.) рекомендации общественности о распространении избирательного права на квартиронанимателей также не были приняты. Объяснение было прежним: «от введения в думы квартиронанимателей деятельность этих учреждений будет направлена на ложный путь увлечений как хозяйственного, так и политического свойства»³¹⁰.

Однако, несмотря на такую позицию власти, представители интеллигенции все же избирались гласными в городские думы. В Московской городской думе пореформенного времени в числе гласных были ученые, профессора Московского университета, архитекторы, общественные деятели. Правда, число их по сравнению с представителями

---

³⁰⁸ Материалы, относящиеся до нового общественного управления в городах империи. СПб., 1877. Т. III. С. 41-44.

³⁰⁹ Михайловский А.Г. Реформа городского самоуправления в России. М., 1908. С.9,13.

³¹⁰ Пажитнов К.А. Городское и земское самоуправление. СПб., 1913. С.34.

торгово-промышленных кругов было невелико³¹¹. Одним из путей участия интеллигенции в избирательной компании было членство в различного рода учреждениях (научных, учебных, благотворительных и др.), которые пользовались избирательным правом, как обладавшие капиталом или недвижимой собственностью.

***

Принципы избирательной системы, характер избирательного ценза, определявшего участие горожан в выборах городского общественного управления, оказывали влияние на гражданскую активность, что было немаловажным фактором, определявшим возможности развития местного самоуправления в России XIX – начала XX вв.

Правительство и общественность рассматривали избирательное право в качестве своеобразного инструмента, с помощью которого можно было регулировать этот процесс. Поэтому расширение социальных границ применения избирательного права было одним из основных требований общественности, но практически не находило поддержки у правительства.

Таким образом, состояние и трансформация градского общества позволяют рассмотреть один из аспектов социально-правовой жизни российского города в XIX в. и взаимоотношение общественности с властью в этот период.

---

³¹¹ Московская власть: гласные Московской городской думы. 1863-1917. Биографический словарь. М., 2009.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: МОСКОВСКАЯ ДУМА И РЕФОРМЫ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ (XVIII - НАЧ. XX ВВ.)

Медушевский А.Н.

Высшая школа экономики

Идея настоящей статьи состоит в том, чтобы понять роль Московской Думы как модельного института в общем контексте российских административных реформ периода империи. Эта роль была достаточно амбивалентна: с одной стороны, данный институт как городской совет – был полностью инкорпорирован в общую структуру традиционной сословной системы, и не имел финансовой или политической автономии при абсолютной монархии; с другой – он символизировал представительство городского населения – различных сословий, социальных групп, конфликтных интересов и демократических форм принятия решений на уровне городского местного самоуправления.

С этих позиций автор анализирует основные стадии длительной исторической эволюции данного института в имперской России – от Петра Великого до революции (реформы 1721, 1785, 1846, 1862, 1870, 1892 и 1917 годов), показывая меняющийся баланс приоритетов общества и бюрократии в рамках самодержавного правления. Автор реконструирует три основных типа административного устройства местного самоуправления, основанных на различных принципах - служилого государства (законодательство Петра Великого), всесословного представительства (Екатерина Великая) и правового государства (после Великих реформ Александра II).

Он размышляет о соотношении преемственности и изменений правовых основ и социальной идентичности Московской Думы по таким параметрам как реформы и контрреформы, местные выборы, формы представительства, формальные и неформальные административные практики. Так называемые контрреформы рассматриваются не просто как механическое отрицание реформ, но их корректировка в соответствии с общей прагматической ревизией административных приоритетов самодержавным режимом.

Автор показывает, каким образом постепенное реформирование Московской Думы после Великих реформ во второй половине XIX века стимулировало установление повестки гражданского общества и новой либеральной публичной этики депутатов, трансформируя этот традиционный институт в организацию парламентского типа накануне Русской революции 1917 года. Этот исторический опыт, как считает автор, может оказаться очень информативным в контексте текущей

трансформации системы местного управления и самоуправления постсоветского периода, полностью разрушенной в советский период русской истории.

Ключевые слова: Российская империя, Московская Дума, городской совет, сословия, гражданское общество, самодержавие, реформы и контрреформы, местные выборы, депутаты, формальные и неформальные практики, административная система, бюрократия, местное управление, самоуправление, публичная этика.

MOSCOW DUMA AND REFORMS OF THE TOWN SELF- GOVERNMENT IN IMPERIAL RUSSIA (XVIII-THE BEGINNING OF XX CENTURIES)

Medushevskiy A.N.

Higher School of Economics

The idea of this article is to understand the role of Moscow Duma as the model institute in the general context of Russian administrative reforms of Imperial times. This role was rather ambivalent: from the one hand, this institute as town council was totally incorporated into the whole structure of traditional estate system and had no financial or political autonomy under absolutist monarchy; from the other hand it symbolized the representation of townsfolk - different estates, social groups, conflicting interests and democratic forms of decision making process on the level of town's local self-government.

From this point of view the author analyses main stages in the long-term historical evolution of this institute in Imperial Russia – from Peter the Great to Revolution (reforms of 1721, 1785, 1846, 1862, 1870, 1892 and 1917 years) showing the shifting balance between priorities of society and bureaucracy in the framework of autocratic government. The author reconstructs three main types of local self-government administration, based on different principles - the service state (legislation of Peter the Great), the all-estates representation (Catherine the Great) and law-based state (after the Great Reforms of Alexander II).

He reflects on continuity and changes of the legal grounds and social identity of Moscow Duma regarding such items as reforms and counter-reforms, local elections, forms of representation, formal and informal administrative practices. The so-called counter-reforms are interpreted not as a simple rejection of reforms, but as a complex phenomenon of their correction according to general pragmatic revisions of administrative priorities by the autocratic regime.

The author shows how the gradual reformation of Moscow Duma after the Great Reforms in the Second half of XIX century stimulated the establishment of civil society agenda and new liberal public ethos of deputies transforming this

traditional institute to the body of parliamentarian type on the eve of 1917 Russian Revolution. This historical experience as author argues could be very informative in the context of current post-Soviet political and administrative transformation of the local government and self-government system after its total decomposition in the Soviet period of Russian history.

Keywords: Russian Empire, Moscow Duma, town council, estates, civil society, autocracy, reforms and counter-reforms, local elections, deputies, formal and informal practices, administrative system, bureaucracy, local government, self-government, public ethos.

1. Восстановление преемственности российской государственности и решение современных проблем самоуправления предполагают выяснение общих системных и устойчивых параметров политико-правовой традиции России. Они связаны с особой логикой перехода от сословно-служилого государства к гражданско-правовому, охватившего весь имперский период. Социологические и институциональные закономерности этой трансформации раскрыты магистральным академическим направлением науки – русской государственной (юридической) школой. Она показала действие таких общих параметров формирования государственности как географический фактор (колонизация территории, борьба «леса и степи»); закрепощение и раскрепощение сословий государством, приоритет последнего в проведении преобразований, соотношение реформ и контрреформ как универсальная черта процесса модернизации, роль бюрократии в сословном обществе.

Основные представители этого направления уделяли серьезное внимание становлению институтов гражданского общества, земства и городского самоуправления. Приоритетным, поэтому является вклад идей таких мыслителей как Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский, В.И. Сергеевич, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков. Проблемами городского самоуправления специально занимались М.Ф. Владимирский-Буданов, И.И. Дитятин, В.Н. Латкин, А.А. Кизеветтер, Г.В. Вернадский и др.³¹² Они показали логику создания русских городов (связанную главным образом не с экономикой, но военно-административной целесообразностью),

---

³¹² Градовский А.Д. История местного управления в России. Спб.: Головин В.И., 1868; Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Спб.-Ярославль, 1875-1877. Т.1- 2; Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX столетия). Спб., 1899; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Спб., 1909; Кизеветтер А.А. Местное самоуправление России в IX-XIX вв. Пг., 1917; Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913-1914. Т.1-2; Пажитнов К.А. Городское и местное самоуправление. Спб., 1913; Вернадский Г.В. Очерк истории права русского государства XVIII-XIX вв. (Период империи). Прага, 1924.

специфику регулирования в них отношений собственности и представительства (преобладание сословного начала над земским), неразграниченность органов управления и самоуправления (стремление совместить административные и выборные элементы управления в одних учреждениях); формирование городского самоуправления (которое в имперский период остается интегрированным в административную систему государства); причины его слабости и перспективы реформирования в новое время.

В этом контексте была предложена целостная концепция реформ городского и земского самоуправления имперского периода (реформы 1721, 1785, 1846, 1862, 1870, 1892 и 1917 гг.), ключевые выводы которой не утратили значения до настоящего времени. Принятие аутентичной демократической системы городского самоуправления в постсоветской России заставляет обратиться к его культурной идентичности и историческим истокам, переосмыслению динамики развития, причинам воспроизводства сходных проблем в рамках эволюции принципов современного законодательства о городском самоуправлении.

2. Три реформы городского самоуправления России нового времени (Петра I, Екатерины II и Александра II) – вписываются в концепцию авторитарной модернизации традиционного общества и отражают эволюцию политической системы императорской России. Они представляют три модели соотношения общества и государства, соответствующих периодам утверждения абсолютизма, просвещенного абсолютизма и начала движения к правовому государству³¹³. Данные тенденции, выражающие логику догоняющего развития, четко отражены в законодательстве о городском управлении и самоуправлении имперского периода³¹⁴.

Первая модель – сословной организации городского управления, основанная на историческом «представлении о единстве города и земли», свойственном «служилому государству» (Владимирский-Буданов). Реформы Петра Великого по созданию институтов городского самоуправления имели прагматическую направленность – вписывались в концепцию «регулярного государства», принятую в период утверждения абсолютизма и не включали понятия города как юридического лица. Первая реформа (1699 г.) создавала выборные институты (Бурмистерские

---

³¹³ Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М.: Текст, 1994; Медушевский А.Н. Ключевые проблемы российской модернизации. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014.

³¹⁴ Российское законодательство X- XX вв. в 9 томах. М., 1984-1994; Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997; Законодательство Екатерины II. М.: Юридическая литература, 2000-2001. Т.1-2; Реформы Александра II. М.: Юридическая литература, 1998.

палаты или Ратуши в Москве и земские избы в городах), но не охватывала все городское население и имела преимущественно фискальный характер - организацию торгово-промышленного сословия в целях сбора повинностей. Вторая реформа Петра по организации городского управления была осуществлена с принятием регламента Главному магистрату 1721 г. и инструкций городским магистратам 1724 г. – созданием выборных органов, члены которых, однако, осуществляли свои функции пожизненно и находились на государственной службе. В целом идея петровской реформы заключалась в консолидации купеческого сословия с целью «рассыпанную сию храмину паки собрать», сосредоточении в магистратах хозяйственной, финансовой, судебной и полицейской власти в городе. Однако они (в отличие от западных аналогов) не стали автономными учреждениями городского самоуправления, выступая скорее государственными сословно-выборными учреждениями.

В то же время, исследователи (И.И. Дитятин, В.Н. Латкин, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков и др.) обращают внимание на двойственную природу компетенции магистратов, которые, с одной стороны, выступали городскими учреждениями, т.е. стояли во главе города как общественной единицы; с другой – были сословными учреждениями, ведавшими классом регулярных и нерегулярных граждан. В послепетровский период представлены две тенденции – к дальнейшему огосударствлению городского самоуправления (подчинения магистратов губернаторам), но также – появлению ограниченной финансовой автономии (право самообложения и расходов этих средств) и начал выборности (ограничение с 1731 г. сроков пребывания членов ратуш в должности тремя годами).

3. *Вторая модель* – введение Екатериной Великой общесословного (или всесословного) самоуправления на началах выборности его учреждений в стиле идеи общего блага подданных, свойственной Просвещенному абсолютизму. Поворотным пунктом в организации городского самоуправления стала Екатерининская Уложенная комиссия 1767 г.: если ранее городские учреждения были сословными (ведали торгово-промышленным населением), то в рамках выборов в Уложенную комиссию депутаты начали избираться от городского населения – всех жителей, соответствующих определенному имущественному цензу (домовладение) и независимо от принадлежности к тому или иному сословию (городские наказания специально исследовали В.И. Сергеевич и И.И. Дитятин).

Жалованная грамота городам 1785 г. – окончательно определила понятие города как юридического лица. Вводилось понятие «городовых обывателей», составлявших «общество градское», охватывавшее все

городское население (а не только его торгово-промышленную часть), причем основным институтом представительства его интересов становилось собрание всех городских обывателей, собиравшееся раз в три года под контролем генерал-губернатора. Было создано два новых института городского самоуправления - Общая и Шестигласная думы, избиравшихся на три года. Первая состояла из гласных, избиравшихся шестью разрядами городских обывателей, но не пропорционально их численности (приоритет отдавался именитым гражданам – наиболее экономически состоятельной части городского населения). Общая дума избирала Шестигласную, которая была инструментом текущего решения вопросов городского управления – в отличие от прежних магистратов она ведала только городские дела, а другие обязанности (сословный суд, полицейский порядок и контроль за сбором податей) не входили в ее компетенцию. Вводилась новая должность городского головы – представителя города как всей совокупности населения и юридического лица. Эта должность была выборной – он избирался на три года и был председателем в обеих думах.

В целом реформа не достигла декларированных целей – объединения сословий не произошло, городское самоуправление не получило должной хозяйственной и финансовой самостоятельности, оставаясь всецело зависимым от исполнительной власти – губернатора. Хотя Екатерининская реформа не получила адекватной реализации в момент ее осуществления, она признается А.А. Кизеветтером «первым манифестом» новых основ городского самоуправления, провозгласившим город «всословным самоуправляющимся союзом» - преобразованием, «обращенным лицом к отдаленному будущему»³¹⁵.

4. *Третья модель* – демонстрирует движение к гражданскому самоуправлению. Она начала реализовываться в период Великих реформ Александра II, став их важной частью, но продвигалась очень трудно. Реформа 1862 г. воспроизводит принципы сословной идентичности (отпираясь на разработанное Н.А. Милютиным «Положение об общественном управлении» Петербурга 1846 г.), но проводит их существенную рационализацию. Были введены двухстепенные выборы: первоначальное избрание выборщиков от городского общества (разделенного на пять сословных курий – потомственных дворян; личных дворян, потомственных граждан и разночинцев; купцов; мещан и цеховых ремесленников), которые из своей среды (также по сословиям) избирали гласных. Общие собрания Городской думы были исключительным явлением, обычно заседания гласных проводились по сословным

---

³¹⁵ Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909.

отделениям под председательством избираемых ими старейшин. В решении общесословных вопросов позиция привилегированного сословия (дворянства) была преобладающей. Наряду с Общей думой вводилась Распорядительная, которая избиралась собранием выборщиков в составе 12 гласных и включавшая представителя правительства. Председателем Распорядительной думы является городской голова в качестве начальника всего общественного управления и уполномоченного городского общества. Эта реформа вводила имущественный ценз, сохраняла неизменными общие сословные принципы городского строя, проникнутого началом «правительственной опеки». Московская дума подчинялась Сенату, а на региональном уровне – генерал-губернатору и губернатору. В то же время реформа – выражала социальный компромисс эпохи начала Великих реформ, стремилась к преодолению узко-сословных рамок – сближению сословий (закон уравнивал их в правах и обеспечивал равное представительство в Думе), активизировала деятельность сословных учреждений в ходе проведения выборов, повышала общественную роль гласных.

Качественные изменения ситуации произошли позднее. Принципиальное значение имеет «Городовое положение» от 16 июня 1870 г. Городская дума избирается раз в четыре года – уже не сословными корпорациями, а всеми налогоплательщиками, разделенными на три избирательных собрания (крупных, средних и мелких), избравших по равному числу гласных и плативших каждая по трети городского налога. Присутствуют признаки укрепления независимости общественных учреждений от органов государственной власти и предоставления городу источников реальных доходов для финансирования городского хозяйства³¹⁶. На этой основе, однако, воспроизводится влияние доминирующих сословных групп. Городские управы – стали исполнительным органом городского общественного самоуправления.

Непредвиденным результатом реформы стала бюрократизация городского самоуправления: в результате сочетания двух факторов – низкой активности избирателей и ограниченных прав городского самоуправления, – растет самостоятельное значение Управы (с чем связаны определенные злоупотребления, стимулировавшие коррективы 1892 г.). По Положениям 1870 и 1892 г., определявшим состав, структуру и круг ее полномочий, управа состояла из членов, избираемых городской думой и действовала под руководством городского головы, избравшегося из числа гласных и председательствовавшего в Думе и управе. Компетенция управы как исполнительно-распорядительного института –

---

³¹⁶ Шрейдер Г.И. Город и Городовое положение 1870 г.//История России в XIX в. Спб., 1908-1909. Т. 4; Пичета В.И. Городская реформа 1870// Три века. М., 1913. Т.6.

хозяйственные и административные вопросы с предоставлением отчетов Думе. Вопросы обсуждались коллегиально и решались большинством голосов, а в случае несогласия, городской голова направлял их в Губернское по городским делам присутствие, решение которого как надзорного органа были обязательны для Думы и Управы.

5. Реформы и контрреформы – один из значимых факторов, определявших специфику деятельности Московской Думы как института управления и самоуправления. Реформы городского управления были связаны с процессами модернизации, рационализации и европеизации управления (во многом опираясь на законодательные заимствования из западных кодексов). Однако, они проводились в среде, которая отторгала их или, во всяком случае, затрудняла адекватную реализацию. Поэтому важно соотношение и различие близких, но не тождественных понятий - имитации, адаптации и отторжения новых институтов. Эта среда консервировала устойчивость сословных барьеров, неопределенность правового статуса городской собственности, определяла медленность формирования институтов (которые были не «выращенными», а скорее трансплантированными извне), постоянное присутствие государственной опеки над институтами городского самоуправления и влияние внешних административных факторов. Результат всех реформ городского самоуправления оказывался амбивалентен с административной точки зрения. Поэтому все крупные реформы сопровождаются возвратными движениями – т.н. «контрреформами», воспроизводство которых (вопреки советской историографии) связано не только с консерватизмом власти, но и с необходимостью постоянной корректировки управления для преодоления институциональных дисфункций.

Так, уже петровская модель магистратов закладывала два противоположных вектора их интерпретации – в качестве городских институтов самоуправления (теоретически способных представлять все население города), или сословных институтов (пространство юрисдикции которых распространяется исключительно на членов торгово-промышленного класса), что открывало путь к их централистской интерпретации в последующий период (когда магистраты были полностью подчинены губернаторам). Екатерининские институты оказались свернуты контрреформой Павла I, упразднившего Жалованную грамоту городам (общие городские думы были упразднены в 1789-1800 гг.) с целью введения новых централизованных институтов – Комиссии по снабжению Петербурга и подчиненных ей Ратгаузов, которые были лишены всякой самостоятельности, а в конечном счете стали частью губернского правительства. Лишь в 1801 г. Александр I восстановил в полном объеме екатерининскую Жалованную грамоту городам, справедливо полагая, что «без прав и преимуществ, непоколебимых и всей силой закона

охраняемых, не могут промыслы, рукоделия и торговля достигнуть цветущего состояния».

Наконец, либеральное «Городовое положение» Александра II (1870 г.) было скорректировано «Городовым положением» Александра III от 11 июня 1892 г., определявшегося либеральными критиками того времени как «контрреформа»³¹⁷. Вопрос о содержании этого понятия упирается в оценку теоретических, историко-правовых и административно-политических аспектов преобразований регионального и местного управления при самодержавии³¹⁸. Если одни исследователи видят в ней исключительно стремление правительства интегрировать местное общественное самоуправление (земства и городские думы) в общую систему государственного управления³¹⁹, то другие показывают, что определяющими были скорее прагматические мотивы и, не в последнюю очередь, ориентация на западное законодательство, стремившееся сблизить институты общественного представительства и государственного управления³²⁰.

Положение 1892 г. действительно демонстрировало консервативный поворот в законодательстве – заменило налоговый ценз на выборах в Городскую думу имущественным, ограничило ее самостоятельность, уменьшило число избирателей, ввело прямое утверждение важнейших постановлений Думы губернатором и наделяло последнего правом отмены думских постановлений в случае их несоответствия законам или государственным интересам³²¹. Но эти нововведения были продиктованы во многом стремлением к устранению дисфункций и злоупотреблений в городском управлении, а результатом стало (помимо мер контроля) сохранение пропорциональности представительства и введение территориальной организации выборов, способствовавшее росту активности избирателей и профессионализма гласных. В целом имел место особый механизм саморегуляции системы в условиях ее модернизации. В

---

³¹⁷ Шрейдер Г.И. Городская контрреформа 11 июня 1892 г. // История России в XIX в. Спб., 1909. Т. 5.

³¹⁸ Лапаева Л.Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX в.). М.: РАН, 1998.

³¹⁹ Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в конце XIX - начале XX вв. Спб., 1984

³²⁰ Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863-1917. М. Мосгорархив, 1998; Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый хронограф, 2010.

³²¹ См.: статьи: «Городская дума» и «Городская управа» // Государственность России. Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (Конец XV века – февраль 1917 года). М.: Наука, 1996. Т.1. С. 255-258.

рамках имперской политической системы шел процесс развития городского самоуправления, а общий его вектор направлен в сторону гражданского общества и правового государства.

6. Соотношение формальных и неформальных институциональных практик в сфере городского управления и самоуправления имперского периода информативно с позиций их современного обсуждения. Недостатки системы городского управления XVIII-XIX вв. (дореформенного периода) выражались, по свидетельствам источников (суммированных В.Н. Латкиным), во-первых, в апатии общества, индифферентно относившегося к участию в городском управлении (игнорирование выборов стало заурядным явлением); во-вторых, в расхождении предписаний законодательства и административной практики и общей институциональной неразберихе. Она выражалась в исчезновении или изменении функций ряда важнейших институтов городского самоуправления (в первой половине XIX в. повсюду исчезла Общая дума, а в столице она превратилась даже в исполнительный орган Шестигласной думы); в фактическом бездействии некоторых городских учреждений (общественного управления), функции которых на деле выполняли другие (полицейские) учреждения; и, напротив – в появлении новых институтов, не предусмотренных законодательством. В Москве помимо городской думы возник «Дом градского общества», который заведовал «делами общественными, гражданскими и купеческими», а в его состав входили «поверенные», избиравшиеся на три года именитыми гражданами, купцами и мещанами.

Констатировались следующие дисфункции: ослабление институтов демократического характера (не существовало депутатских собраний и не составлялось обывательских книг); утрата коллегиальности в их деятельности (замененной принятием постановлений, подготовленных в аппаратно-канцелярском режиме или выполнением указаний начальства), проведение выборов в Городскую думу под сильным административным давлением, что не исключало проявлений коррупции (в частности, появление у руководства городом лиц, подвергшихся судебным разбирательствам, но имевших устойчивые связи в администрации).

Следствием становились хорошо известные недостатки бюрократической системы управления – неэффективность органов городского управления (неправильность, нераспорядительность и медленность в принятии решений и делопроизводстве). Проявлением неэффективности городского управления выступали: отсутствие ясной системы учета собственности и полноценного контроля за перемещением имущества (в частности, земельных участков – самозахват земель населением без платежей пошлин в казну, произвол при раздаче участков городской земли), разорение общественных сооружений и городских

зданий. Отмечались низкий уровень компетентности состава Дум, не имевших понятия о городской собственности, отсутствие упорядоченного делопроизводства, финансового контроля. Это вело к падению городских доходов (несмотря на размеры городского имущества), волоките, расхищению средств и злоупотреблениям канцеляристов и секретарей³²².

Исправить ситуацию оказалось возможным лишь в пореформенный период, с достижением относительной самостоятельности городских органов от центральной власти, хотя указанные стереотипы сознания бюрократической администрации присутствуют в дальнейшем – они воспроизводятся в постсоветский период, оставаясь темой острых современных дискуссий.

7. Механизм принятия решений Московской городской думой имперского периода определялся рядом разнонаправленных тенденций: постепенным движением к гражданскому обществу по инициативе государственной власти, но при сохранении апатии и стремления традиционных сословий сохранить свою автономию, статус и привилегии.

Эта ситуация видна в проектах политических и административных преобразований дореформенной России. Наказы в Уложенную комиссию – много внимания уделяют устройству и управлению города, но выдвигают исключительно сословную организацию городских учреждений (впрочем, на практике иногда выходят за ее пределы). Проекты реформ городского управления (1827 и 1842 гг.), выдвигавшие положения о его сословном характере, сталкивались с оппозицией, как купечества, так и дворянства, видевших в этом угрозу своей сословной идентичности в городском самоуправлении. Сословный принцип сохранился в «Положении об общественном управлении» Петербурга 1846 г., положения которого в модифицированном виде были приняты в 1862 г. в качестве основы городского устройства и управления Москвы. Система гражданского представительства оформляется только в Положении 1870 г. и последующих реформах институтов городского самоуправления. Выстраивается система институтов – Московская городская дума, городская управа и городской голова, напоминающая законосовещательную палату парламентского типа при генерал-губернаторе.

Этим определяются опасения самодержавного правительства в предоставлении столичным городским думам широкой автономии, постоянные колебания в этом отношении, выразившиеся в пересмотре механизмов разрешения конфликтов. В случае несогласия с решениями городской думы Положение 1870 г. предоставляло управе по заключению

---

³²² Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). М.: «Зерцало», 2004. С. 366-368.

большинства ее членов, право приостанавливать их, но при подтверждении городской думой своего решения, городская управа обязана была исполнить его. Положение 1892 г. усилило надзор за городской управой со стороны местной администрации, полностью ликвидировав самостоятельность городских управ и подчинив их губернатору. Члены управ по положению 1870 считались должностными лицами, по положению 1892 г. – состоящими на государственной службе. Срок их полномочий определялся в четыре года, однако, с ротацией половины членов через каждые два года. Утверждение членов управы положением 1892 г. везде было предоставлено губернатору.

Примером конфликта Думы и бюрократии является история известного российского либерала Б.Н. Чичерина. Он был избран в 1882 г. Московским городским головой, сменив С.М. Третьякова, однако, уже через год отстранен правительством от этой должности. Поводом послужило его выступление перед представителями городов России, прибывшими в Москву на коронацию Александра III, в котором власти усмотрели призыв к конституции. Это, однако, не помешало Московской Думе присвоить ему звание почетного гражданина Москвы «за труды его на пользу московского городского общества в звании Московского городского головы»³²³.

Дилемма выбора, стоявшего перед властью, определялась, с одной стороны, стремлением к расширению гражданского самоуправления, с другой – опасением самодержавной власти утратить контроль над этим важным представительным институтом.

8. На закате империи сложилась особая этика служения бизнеса, интеллигенции и просвещенной бюрократии задачам городского самоуправления. Объективное содержание конфликта сторонников сохранения полицейского государства и либеральной бюрократии – противоречие демократического самоуправления и административного контроля. В основе конфликта – лежала не злая воля, но объективные трудности социальной трансформации. Великая реформа 1861 г. актуализировала вопросы городской реформы в связи с судебной и земской реформами, стремлением к введению общесословного представительства на всех уровнях управления. Либеральная критика «контрреформ» в городском самоуправлении – выступает частью этого тренда, завершением которого должен был стать переход России к «представительной форме правления».

Свою формулу этого движения предлагают представители бизнеса. Появляется слой «культурных элементов купечества» – «лиц, подходящих

---

³²³ Чичерин Б.Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская Дума. М.: Север, 1934.

для участия в городской думе». Мотивация этого служения опиралась на «московское купеческое самосознание», была лишена «классового эгоизма» и выростала «на почве любви к родному городу, к его истории, традициям, быту». Эта этика служения была выражена следующими аргументами: «если городское положение, с его высоким избирательным цензом, – считали представители бизнес-элиты, – возлагает на купеческое сословие, где все почти были домовладельцами, ответственность за руководство городским хозяйством, то прямой долг всех грамотных представителей этого сословия принять действенное участие в руководстве хозяйственной жизнью своего города». «А ведь наш город, – добавляли они, это – Москва, первопрестольная столица»³²⁴.

9. С 1900-х гг. Московская городская дума становится центром либеральной оппозиции правительству. Серьезные основания для этого присутствовали в набравшем силу движении земского конституционализма, выдвинувшем ряд проектов конституционного переустройства страны, частью которого становились земская, городская, судебная и административная реформы³²⁵.

Продвижение общегражданской политической повестки иллюстрируется выборами в Московскую думу в начале XX в. и эволюции ее институтов. Согласно Городовому положению 1892 года, Дума состояла из 160 гласных, а вместе с членами Управы на правах гласных на ее собраниях присутствовало около 170 чел. Существовало шесть избирательных участков, каждый из которых имел свою социальную специфику или, по словам П.А. Бурышкина, «определенную физиономию»: «Первый – Китай-Город и самый благоустроенный квартал – Тверская; второй – Замоскворечье; третий – Арбат и Пречистенка; четвертый и пятый – среднее купечество, и шестой – окраины и арендаторы, – самый «серый» участок». Руководство выборами осуществляли на каждом участке свои избирательные кандидаты, однако общий надзор за всей выборной процедурой был сосредоточен в городской управе, в руках городского головы. Несмотря на отсутствие четкого партийного деления, на выборах в Московскую городскую думу 1904, 1908 и 1912 гг. прослеживается постепенное размежевание на правых и левых – «умеренных» (тяготевших к партии октябристов) и «прогрессистов (тяготевших к конституционно-демократической партии)³²⁶.

Тот факт, что Московская дума занималась не столько политическими, сколько экономическими вопросами, позволял ее составу быть менее пристрастным. Представители торгово-промышленных слоев

---

³²⁴ Бурышкин П.А. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954. С.132.

³²⁵ Конституционные проекты в России (XVIII - начало XX вв.). Составитель и ред. А.Н. Медушевский. М.: РОССПЭН, 2010

³²⁶ Бурышкин П.А. Москва купеческая. Нью-Йорк, 1954. С. 273- 274.

при этом отстаивали общегражданскую позицию – действовали «не под флагом принадлежности к своему сословию или классу, а под знаком своих политических симпатий». Последние выборы 1916 г., «конечно, стоят особняком: уже чувствовалось приближение февральских событий». В феврале 1917 г. Дума становится, поэтому, одним из центров, способствовавших свержению старого порядка в Москве.

10. Объяснение этой политической эволюции определяется значением Московской городской думы как института, формировавшего особый слой – «общественность». В деятельность Московской городской думы и ее гласных переносился огромный опыт купеческих династий по управлению финансами, фабриками, организации строительства и архитектурных инициатив, культурной и просветительской деятельности (от создания школ, больниц и дорог до организации крупнейших музеев, театров и галерей). Эта среда давала не только прекрасных экономистов, инженеров и менеджеров, но и ярких представителей «общественности», – лиц свободных профессий, публичных ораторов, совмещавших внутреннюю убежденность с «европейской вежливостью».

На уровне Государственной Думы ее виднейшими представителями были как представители купеческих династий (А.И. Вишняков, А.И. Гучков), так и интеллигенции (С.А. Муромцев, Н.И. Щепкин, братья Астровы). На уровне Москвы они объединялись в Комитете прогрессивной группы гласных – либеральных общественных деятелей во главе с Н.А. Астровым. В канун революции (1913-1916 гг.) городские головы, начиная с С.М. Третьякова (Н.А. Алексеев, К.В. Рукавишников, П.И. Гучков) – принадлежали к семьям, связанным с «общественностью». Конфликт между «интеллигентами» и «промышленниками» иллюстрирует завершающий эпизод политического самоопределения Московской думы: под влиянием либеральной интеллигенции городским головой был избран один из лидеров земского движения князь Г.Е. Львов – будущий глава Временного правительства, однако, в конечном счете – оказался утвержден именно представитель традиционного купечества М.В. Челноков, причем вопреки позиции комитета кадетской партии. В дальнейшем возобладали общие тенденции к политизации, самоопределению Московской городской думы в качестве института правового государства – органа власти, самоуправления и представительства интересов городского гражданского общества.

Февральская революция завершила данный тренд. Постановления Временного правительства от 15 апреля и 9 июня 1917 г. означали радикальную реформу Московской думы: введение широких полномочий и полной самостоятельности городских общественных учреждений, всеобщего избирательного права (все городское население старше 20 лет независимо от срока проживания в городе, включая женщин и солдат);

нового порядка проведения выборов по спискам политических партий, профессионализма деятельности (оплаты труда гласных). Результатом реформы, однако, стал конфликт популизма и профессионализма, политизация Думы, активно вовлеченной в революционную трансформацию общества. Демократические тенденции были сорваны коллапсом государства – Октябрьским переворотом 1917 г., означавшим отказ от идеи представительной власти и самоуправления.

Выводы. Какие уроки можно сегодня извлечь из истории Московской городской думы имперского периода? Прежде всего, обращает на себя внимание преемственность развития самой идеи городского самоуправления в имперской и современной России, разорванная в советский период. Петроградская и Московская городские думы, а также их управы были распущены декретами Советской власти в ноябре 1917 г., а деятельность управ остановлена еще ранее постановлением Временного правительства от 16 апреля 1917 г.³²⁷ На смену представительным органам имперского периода пришли институты советской власти (с 1918 г. им стал Московский совет рабочих и солдатских депутатов), которые трудно интерпретировать в качестве демократических институтов городского самоуправления. Этим определяется известное сходство проблем имперского и современного периодов: как совместить два принципа, которые в истории постоянно расходились – демократическую (общегражданскую) легитимность и профессионализм в городском самоуправлении. Эта проблема упирается в непроясненность общей концепции самоуправления – является оно автономной системой институтов или представляет собой часть общей административной системы государства?

Очевидно, далее, сходство трудностей становления системы постсоветского столичного самоуправления с его историческим прототипом: противоречия в законодательном регулировании, неразграниченность прав собственности на землю и городское имущество; неопределенность налогового законодательства (отчисления в местные бюджеты, особенно, с расширением общественных инициатив кредитования социально значимых проектов); неэффективность судебной власти в решении споров между населением и муниципальной администрацией; трудность разрешения конфликтов по вопросам разграничения федерального, городского и муниципального имущества, распределения налоговых поступлений; вопросов определения отношений

---

³²⁷ Государственность России. Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (Конец XV века – февраль 1917 года). М.: Наука, 1996. Т.1. С. 256-257

городских властей с центральными органами власти, отчетности органов городской и муниципальной власти перед населением, проблема бюрократизации органов самоуправления.

В современный период (начиная с принятия Конституции 1993 г., глава 8 которой названа «Местное самоуправление») происходит восстановление преемственности – городское самоуправление осуществляется «с учетом исторических и иных местных традиций», а структура его органов «определяется населением самостоятельно» (Ст. 131). Это не помешало, однако, воспроизводству динамики «реформ и контрреформ», напоминающей об их чередовании в имперский период. Если для начального этапа, с принятием ФЗ 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», преобладало романтическое либеральное общественно-ориентированное его понимание, то на втором (с принятием поправок 2003 г. в тот же закон) – доминирующим трендом стало огосударствление местного самоуправления, его иерархизация и бюрократизация, мотивированная его привязкой к партиям (прежде всего доминирующей партии власти) и институтам государственного управления.

В этом контексте показательна эволюция законодательного регулирования Мосгордумы: принятие в 1995 г. «Устава города Москвы», провозгласившего жителей города источником власти в нем (с разграничением полномочий и ответственности представительных и исполнительных органов власти), его последующая корректировка (новая редакция 2001 г. в связи с принятием ФЗ 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ»), а также последующая ревизия (с 2014 г.) избирательной системы (введение мажоритарной системы) и порядка работы Мосгордумы (включение депутатов, работающих на непрофессиональной основе – без отрыва от основного места деятельности). Интересно сходство современных дискуссий и проектов в данной сфере с теми, которые выдвигались в период самодержавия, особенно, в период от Великих реформ 1860-х гг. до преобразований 1890-х гг., иногда демонстрирующих поразительные аналогии идей и даже языка соответствующих исторических документов. Не означает ли этот поиск идентичности Московской городской думой интуитивного осознания данным институтом сходства целей и методов их достижения по линии выстраивания исторической преемственности?

С учетом исторического опыта становления институтов городского управления и самоуправления очевидна его принципиальная роль в осуществлении модернизации политической системы страны в направлении правового государства – задача, которую нельзя признать вполне завершенной. На этом пути сохраняют актуальность вопросы

обеспечения плюрализма и политической конкурентности (реальной многопартийности), выстраивания отношений городской думы с общественными организациями и представителями бизнес-структур, повышения независимости институтов городского и муниципального самоуправления (финансовой, административной, экспертной) при расширении их ответственности (подотчетности) перед городским обществом (в том числе, как инструмента легитимации принимаемых решений), ограничения бюрократической опеки в решении местных проблем, обеспечения законодательной непротиворечивости и профессионализма³²⁸.

Решение этих вопросов Московской городской думой на современном этапе делает востребованным опыт ее исторического предшественника в императорской России: обращение к идеям земского либерализма и его публичной политики, внимание к инфраструктуре гражданского общества, демонстрация успехов и провалов административного государства в решении этих вопросов, возрождение этики общественного служения городу, духа и стиля дореволюционной городской общественности, как фактора воспитания гражданского сознания.

---

³²⁸ Основы конституционного строя России: двадцать лет развития. М.: ИППП, 2013; Конституционный мониторинг: концепция, методика и итоги экспертного опроса в России в марте 2013 года. М.: ИППП, 2014.

**МОСКОВСКИЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
ГРАФ Ф.В. РОСТОПЧИН**

Могилевский Н.А.

Московский государственный институт
международных отношений

В статье рассматривается деятельность Ф.В. Ростопчина на посту московского главнокомандующего в 1812 г. Особое внимание автор уделяет тем специфическим политическим приемам, позволявшим графу контролировать общественное мнение.

Ключевые слова: Ростопчин, Москва, 1812, главнокомандующий, Отечественная война

MOSCOW GOVERNER EARL F.V. ROSTOPCHIN

Mogilevskiy N.A.

Moscow State Institute of International Relations

The article deals with the activities of F. V. Rostopchin as commander-in-chief of Moscow in 1812. The author pays special attention to those specific political methods that allowed Rostopchin to control public opinion.

Keywords: Rostopchin, Moscow, 1812, commander-in-chief, Patriotic war

Среди множества ярких политических фигур начала XIX в. личность графа Ф.В. Ростопчина стоит несколько особняком. Дело в том, что графу «повезло» запомниться лишь одним: пожаром Москвы в 1812 г. Народная молва, полунамёки самого Ростопчина, а затем и посмертный «приговор» от Льва Толстого (в «Войне и мире» психологический портрет Ростопчина удивительно точен, его образ ярок, хоть и неприятен) сформировали восприятие графа у последующих поколений. Между тем, сам Ростопчин был фигурой противоречивой, незаурядной. Его довольно долгая политическая карьера изучена, как ни удивительно, слабо³²⁹. Это вызывает удивление, поскольку Ростопчин занимал при Павле I ключевые

---

³²⁹ См.: Попов А.Н. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 9–11; Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1869. Т. III; Мельгунов С.П. Ростопчин – московский главнокомандующий // Отечественная война и русское общество. Т. 4. М., 1912; Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1961; Тартаковский А.Г. Обманутый Герострат: Ростопчин и пожар Москвы 1812 г. // Родина. 1992. №6–7; Любченко О.Н. Граф Ростопчин. М., 2000; Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002; Мещерякова А.О. Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007.

должности, а при Александре I возглавлял Москву в самый непростой момент французского нашествия.

В центре нашего внимания – специфическая система взаимоотношений графа с царём и москвичами. Поначалу она была успешна и позволяла Ростопчину надеяться на возрождение своей карьеры при дворе. Однако затем московский главнокомандующий потерял всю свою популярность и среди жителей города, и при дворе. Почему и когда это произошло? Постараемся дать ответ на этот вопрос.

Граф Фёдор Васильевич Ростопчин родился в марте 1763 г. в городке Ливны. Послужив недолго на дипломатической службе, с 1792 г. он начинает карьеру при дворе. Невиданного служебного взлёта Ростопчину пришлось ждать вплоть до воцарения Павла I, у которого он был камер-юнкером. Новый император щедро награждал и двигал по службе своего верного сподвижника³³⁰. Однако неожиданная смерть Павла I положила конец политической карьере графа.

С новым императором Александром I у Ростопчина сложились очень непростые отношения. Бывший павловский фаворит не одобрял идей молодого самодержца и его друзей: «Как я ни люблю своё Отечество и как ни разрывается (сердце – Н.М.), смотря на многое, но теперь очень холодно смотрю на то, что бесило; ибо вижу, что, кроме Бога, никто помочь не может. Всё рушится, всё падает»³³¹.

Удавшись от службы, Ростопчин поселился в Москве, где в скором времени стал весьма заметной фигурой. В древней столице после Тильзитского мира, воспринятого многими современниками, как унижительное поражение, бурлили антифранцузские настроения. «Земля наша была свободна, но отяжелел воздух; мы ходили на воле, но не могли дышать, ненависть к французам возрастала по часам», вспоминал известный журналист Н.И. Греч³³².

Известный литератор, публицист, основатель и издатель «Русского вестника» С.Н. Глинка решил действовать на умы народа: «Тильзитский мир был просто перемирием. А потому, главным основанием, главной целью «Русского Вестника» предположил я возбуждение народного духа и вызов к новой неизбежной борьбе»³³³.

Ростопчин не мог оставаться в стороне: в 1807 г. были изданы его «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырёва». Написанные живым, сочным народным языком,

---

³³⁰ Лонгинов М.Н. Материалы для биографии и полного собрания сочинений графа Фёдора Васильевича Ростопчина // Русский архив, 1868, II. С.852.

³³¹ Там же. С.110.

³³² Цит. по: Бочкарёв В.Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX в.// Отечественная война и русское общество. М.,1911. Т.II. С.205.

³³³ Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С.259.

«Мысли» являлись, по сути, антифранцузским памфлетом. «Московские ведомости» с восторгом писали: «Слог его так пленителен, так разителен, что целые страницы врезались уже в памяти у всех, кто ни читал патриотические сии размышления»³³⁴. Возмущение Ростопчина вызывают и сами французы («врёт чепуху: ни стыда ни совести. Языком пыль пускает, а руками всё забирает») и «низкопоклонство» перед французским образом жизни («Чему детей нынче учат! Выговаривать чисто по-французски, вывёртывать ноги и всклокачивать голову. Тот умён и хорош, которого француз за своего брата примет»)³³⁵.

В скором времени Ростопчин стал достаточно заметной фигурой в консервативно-охранительном лагере, группировавшемся вокруг великой княгини Екатерины Павловны в Твери. Родная сестра Александра I, женщина красивая и властная, с неукротимым темпераментом и большого ума, имела серьезное влияние на императора. Именно через неё царь познакомился со знаменитой «Запиской о древней и новой России» Н.М. Карамзина. Через Екатерину Павловну Александру I доставили и «Записку о мартинистах», автором которой был Ростопчин. В «Записке» Граф, приписывая мартинистам все мыслимые и немыслимые преступления, обвинял одновременно власти и в попустительстве и халатности, благодаря которым это «вредоносное тайное общество» сумело укорениться в России. Если, по словам автора, не принять безотлагательных самых суровых мер против мартинистов, то «тогда увидят, но слишком поздно, что замыслы их не химера, а действительность», а сама «эта секта не что иное, как потаённый враг правительства и государей»³³⁶.

Александр I, конечно, был далёк от мысли о том, что мартинисты уже опутали всю страну нитями заговора, однако творение Ростопчина произвело на него впечатление³³⁷. Великая княгиня, желая закрепить успех и заодно отблагодарить своего верного сподвижника, графа Ростопчина, убеждала брата, что настало время вернуть того на службу. Эти убеждения в итоге возымели действие: 29 мая 1812 г. граф Фёдор Васильевич Ростопчин был возведён в генералы от инфантерии и назначен главнокомандующим в Москву.

Чтобы понять специфику отношений Ростопчина с императором и центральными органами власти, следует сделать несколько важных замечаний. В течение XVIII столетия в отношениях губернаторов и

---

³³⁴ Цит. по: Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С.8.

³³⁵ Ростопчин Ф.В. Ох, французы! С.149-150.

³³⁶ Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9. С.81.

³³⁷ Семевский В.И. Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество. 1812-1912. М., 1912. Т.IV. С.231.

центральной власти произошли существенные перемены. Изначально петровские губернаторы подчинялись не непосредственно императору, а Сенату, что иногда запутывало делопроизводство и усложняло принятие решений. После губернской реформы Екатерины II генерал-губернаторы получили бóльшую самостоятельность, будучи фактически ответственны лишь перед императрицей. Именно с середины XVIII в. и складывается устойчивое представление о губернаторской власти, как о власти чем-то сродни власти самого императора, но ограниченного не всей Россией, а определённой территорией (губернией).

Конец этому «золотому веку» наступил с воцарением Павла I, решившего подтянуть «разболтавшуюся» при ненавистной им матери страну. Усиление централистских тенденций, которым было отмечено недолгое павловское царствование, не обошло стороной и отношения Петербурга и губернаторов – их безграничной власти был положен конец. Несколько уменьшив количество губерний, перекроив их границы, Павел отменил институт генерал-губернаторства, но при этом сохранил военных губернаторов в обеих столицах, что обуславливалось особой важностью этих постов (были даже специально определены особые обязанности, возлагавшиеся на военных губернаторов Москвы и Петербурга)³³⁸. Помимо этого, Павел существенно «ограничил полномочия губернаторов, передав губернские административные, финансовые, хозяйственные и полицейские учреждения непосредственно в подчинение Сената»³³⁹. Однако Сенат, утративший после Екатерины II все функции, кроме судебной, уже не справлялся с таким количеством обязанностей. Поняв, что созданная им система даёт сбои, Павел попытался исправить ситуацию, поручив начать подготовку введения министерств, но при нём эту идею довести до ума не успели.

Министерская реформа стала одним из важнейших мероприятий первой половины царствования сына и преемника Павла – Александра I. Между императором и губернатором появилось теперь промежуточное звено – Министерство внутренних дел. Губернские органы власти были выведены из подчинения губернаторов и переданы в соответствующие центральные министерства (финансов, образования, военное).

Впрочем, ситуация в обеих столицах всегда немного отличалась от ситуации в регионах, при этом к Москве было приковано повышенное внимание центральной власти. Недаром древняя столица пользовалась славой убежища «фрондёров» и беспокойным местом, где различные

---

³³⁸ Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001. С.62.

³³⁹ Там же. С.63.

слухи и сплетни распространялись с калейдоскопической скоростью. За Москвой нужно было приглядывать особенно тщательно.

Предшественником Ростопчина на этом посту, как говорилось, был граф Иван Васильевич Гудович, ставший московским главнокомандующим в 1809 г. за свои заслуги и немалый опыт. Однако он не годился для управления городом перед «грозою 12-го года». Тут нужен был человек энергичный и популярный, который сумеет сплотить москвичей и подготовить город к обороне (или, если потребуется, к эвакуации). Именно общественное мнение стало во многом определяющим фактором в принятиях решений для Александра I: ему пришлось заменить ряд своих сотрудников (в первую очередь, М.М. Сперанского) именно в угоду столичной публике. Затем пришла очередь и Гудовича. Ему на смену в мае 1812 г. и пришёл граф Ростопчин.

Для последнего возвращение к активной политической жизни была давно желанным и ожидаемым. Ростопчин сразу же начал отстраивать собственную схему взаимодействия с императором, не вписывавшуюся в рамки системы «император – МВД – губернатор». Претендуя на место советчика и помощника Александра I, а не просто исполнителя царской воли, Ростопчин стремился гарантировать себе место в ближнем царском круге. Сохранилась достаточно обширная переписка Ростопчина и императора. Московский главнокомандующий писал охотно и помногу. Едва ли не каждый день с момента своего назначения в Москву. Ростопчин из всех сил стремился наладить с сыном Павла I то же неформальное общение, что было с его отцом. Для этого в ход идут и заверения в преданности, и отвергаются подозрения в корысти (опытный царедворец Ростопчин прекрасно знал, что нельзя давать возможность оппонентам упрекать его в этом) и даже некоторое кокетство: «Не знаю, почтён ли я вашею полною доверенностью; но, привыкнув чтить и любить моих Государей, я всегда смотрел на службу не иначе как на возможность приносить пользу и никогда не руководствовался иными побуждениями, как безграничною преданностью... Поэтому на коленях умоляю Ваше Величество, коль скоро вы малейшее сомневаетесь в моих способностях и усердии, не колеблясь ни минуты замените меня другим лицом; ибо я могу быть вам полезен всяким другим образом»³⁴⁰.

Ростопчин охотно указывал императору на врагов, тайных и явных («все злые слухи, распускаемые с целью напугать, встревожить, обвинить вас, всё это идёт от мартинистов, и всех неистовее Университет, состоящий из якобинцев, профессоров и воспитанников»³⁴¹), настаивал на защите Москвы от неприятеля до последней крайности («немногие

---

³⁴⁰ Бумаги графа Ф.В. Ростопчина // Русский архив. 1909. Кн. I. С.439.

³⁴¹ Там же. С.521.

согласятся пережить вечный стыд, и если неприятелю удастся овладеть Москвою, русская история и ваше царствование опозорятся катастрофою, о которой одна мысль приводит меня в ярость»³⁴²), наконец даже предлагал монарху своеобразную «защиту» (по словам Ростопчина, москвичи хотят, чтобы армию возглавил Кутузов. Ростопчин предлагает императору отправить Барклая и Багратиона в свои деревни до следующих распоряжений и готов это сделать от своего имени, чтобы «направить их злобу на меня одного»³⁴³).

Как же реагировал на такое явное нарушение всех формальностей Александр I? Не любя Ростопчина и не вполне ему доверяя (как, впрочем, и Кутузову), вынужденный назначить того (и другого) под давлением общественного мнения, царь до поры до времени был вынужден с этим мириться. Он писал Ростопчину только по делу: повелевал собрать со столичного дворянства и купечества 1 миллион рублей на военные нужды, запастись продовольствие для действующей армии, заботиться «насколько возможно, о вооружении и сосредоточении вооружённых сил» и т.д.³⁴⁴

Непосредственно перед Бородинским сражением царь высказал московскому главнокомандующему поддержку: «Услуги, Вами оказанные, велики и никогда не будут забыты»³⁴⁵. Объяснение этому напрашивается само собой: император надеялся, что популярность Ростопчина среди простого народа в канун битвы с грозным врагом поможет сплотить горожан, не даст ситуации выйти из-под контроля властей. Ради этого Александр I был готов терпеть Ростопчина. В свою очередь граф рассматривал пост московского главнокомандующего как шанс вновь вернуться в «политическую обойму», напомнить о себе и войти в избранный императорский круг, в котором он вращался при Павле I.

Однако оставление Москвы, не вполне удачно проведённая эвакуация столицы, шпиономания, расправы над иностранцами и «дело Верещагина»³⁴⁶ окончательно подорвали доверие царя к Ростопчину. Ярким свидетельством полного разлада между ними можно считать то, что после октября 1812 г. среди писем Ростопчина можно обнаружить массу посланий в адрес министра внутренних дел, военного министра, министра полиции и других высших сановников (например, в письме министру

---

³⁴² Бумаги графа Ф.В. Ростопчина // Русский архив. 1909. Кн. I.

³⁴³ Там же. С.444.

³⁴⁴ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812-1815 гг.). М., 2006. С.11–12, 42.

³⁴⁵ Там же. С.122.

³⁴⁶ Подробнее об этом см.: Земцов В.Н. Михаил Верещагин. Житие «несвятого» мученика // Сборник материалов к 200-летию Отечественной войны 1812 года. Том 9. Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Труды Государственного исторического музея Выпуск 183. Москва. 2010 год.

полицей С.К. Вязмитинову от 30 октября, по форме больше напоминающему доклад, Ростопчин отводит от себя подозрения в поджоге Москвы, утверждая, что это сделал Наполеон³⁴⁷). Раньше у Ростопчина не было необходимости писать министрам, он апеллировал напрямую к государю. Теперь же, не желая оказаться в политическом вакууме, он пытается наладить отношения с ближайшим окружением царя.

Московский главнокомандующий докладывал Александру I о ходе восстановления Москвы («Частные постройки идут хорошо; красивые новые фасады заменяют собой старые. Цены на квартиры доходят до непомерных цифр», «Во дворянском собрании 460 членов, а английском клубе их более 400. ...Бега по льду реки возобновились; лавки заняты и завалены товаром»³⁴⁸). В ответ от царя поступали разнообразные предписания: собрать и сжечь все трупы людей и животных³⁴⁹, обратить «попечительное внимание на пострадавших жителей» Москвы и «немедленно приступить к призрению их и к подаванию нуждающимся всевозможной помощи»³⁵⁰.

Ростопчин по-прежнему пытался обратить внимание императора на явных и скрытых врагов, давал советы и рекомендации («Во имя неба, накажите их (сотрудничавших с Наполеоном русских – Н.М.) примерно: война ещё не закончилась, и Ваше милосердие будет принято за слабость, и мерзавцы смогут спокойно сражаться против Отечества и Вас предавать»³⁵¹). Всё было напрасно: если раньше император хотя бы делал вид, что прислушивался, то теперь и вовсе не обращал никакого внимания на письма Ростопчина. Весь 1813-й год царь провёл в Заграничном походе, решая судьбы европейских государств. Не успев вернуться из Франции, 30 марта 1814 г. император уволил Ростопчина от должности главнокомандующего с назначением в члены Государственного совета (интересно, что в тот же день в отставку были отправлены два других видных представителя охранительного лагеря: А.С. Шишков и И.И. Дмитриев).

В отношениях между москвичами и Ростопчиным можно заметить ту же тенденцию. В первое время после назначения на пост главнокомандующего, граф был озабочен тем, чтобы выстроить неформальные отношения с населением. Умный и тонкий наблюдатель, князь П.А. Вяземский, абсолютно справедливо подметил, что в Ростопчине было что-то от «народного трибуна» времён Римской республики: «В нём

---

³⁴⁷ Новонайденные бумаги графа Ф.В. Ростопчина // Русский архив. 1881. Кн. III. М., 1881. С.225.

³⁴⁸ Там же. С.195, 202.

³⁴⁹ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С.318.

³⁵⁰ Цит. по: Искюль С.Н. Год 1812. СПб., 2008. С. 275.

³⁵¹ Цит. по: Рэй М.-П. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 г. М., 2015. С.184.

были к тому и свойства, и замашки. Его влекло к черни: он чуял, что мог бы над нею господствовать»³⁵². Ростопчин сразу начал создавать собственный образ, не брезгуя никакими приёмами: «Я сразу сделался популярным благодаря доступности ко мне. Я сделал объявление, что каждый день, от 11 часов до полудня, принимаю всех и каждого, и что те, кто имеют мне сообщить нечто важное, могут являться ко мне во всякий час»³⁵³. Удивительная доступность и вездесущность нового главнокомандующего делали своё дело: «Два утра были для меня достаточны для того, чтобы пустить пыль в глаза и убедить большинство московских обывателей в том, что я неутомим и что меня видят повсюду»³⁵⁴.

Ловко Ростопчин воздействовал на московское общественное мнение. И здесь большую роль сыграли знаменитые «афишки», которые Ростопчин лично писал и печатал огромными тиражами, которые потом печатались частью в «Московских ведомостях», а частью выходили отдельными листками и рассылались как в мирное время рассылались афиши театральные (собственно, именно поэтому творения Ростопчина и прозвали «афишками»). Издавались они практически каждый день, но до наших дней их дошло совсем немного. «Я чувствовал потребность действовать на умы народа, возбуждать в нём негодование и готовить его ко всем жертвам для спасения отечества. С этой-то поры я начал обнародовать афиши, чтобы держать город в курсе событий и военных действий», – пояснял позже граф свой замысел³⁵⁵.

Афиши были попыткой Ростопчина, с одной стороны, удержать под контролем общественные настроения в городе, не допустить паники и суматохи («Не бойтесь ничего: нашла туча, да мы её отдуем; всё перемелется, мука будет; а берегитесь одного: пьяниц, да дураков; они, распуская уши, шатаются, да и другим в уши в расплох надувают»³⁵⁶). С другой, в них московский главнокомандующий формировал «образ врага», сознательно его делая карикатурным и нелепым («Ведь солдаты-то твои (Наполеона – Н.М.) карлики, да щегольки; ни тулупа, ни рукавиц, ни малахая, ни онуча не наденут. Ну, где им русское житьё-бытьё вынести? От капусты раздуются, от каши перелопаются, от щей задохнутся»³⁵⁷).

---

³⁵² Вяземский П.А. Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине // Русский архив. 1877. Кн.2. №5. С.72.

³⁵³ 1812 год в записках графа Ф.В. Ростопчина // Русская старина. 1889. Т.64. №12. С.655.

³⁵⁴ Там же. С.656.

³⁵⁵ Там же. С.669.

³⁵⁶ Ростопчинские афиши 1812 года. СПб., 1889. С.27.

³⁵⁷ Там же. С.19.

Поначалу эта тактика приносила плоды. Ведь «никогда ещё лицо правительственное не говорило таким языком к народу!»³⁵⁸. Простой народ, поначалу посмеивавшийся над причудливой манерой графа, вскоре свыкся с ней и даже полюбил его залихватское перо и хлёсткие словечки, щедро рассыпанные в афишах. Благородная же публика оценивала эти публицистические произведения гораздо менее однозначно, находя, что «и афиши казались хвастовством, и язык их казался неприличным»³⁵⁹.

Для Ростопчина же эти афишки были лишь логическим продолжением его предыдущей публицистической и пропагандистской деятельности. Причудливая смесь из «Мыслей вслух у Красного крыльца», умелой пропаганды и контрпропаганды, сообщений о реальных городских событиях поначалу завораживала и ободряла москвичей, приунывших после вступления Наполеона в Россию. После вести о взятии Смоленска паника в Москве начала распространяться с калейдоскопической скоростью, а Ростопчин всё более явно утрачивал контроль над ситуацией. Московский главнокомандующий практически до последнего момента питал иллюзию, что может влиять на столичное общественное мнение.

Новости с полей сражений приходили запоздало или не приходили вовсе, вполне естественно, что «сознание безопасности уступило место беспокойству», горожане «обращались друг к другу с вопросами, требовали известий», вспоминал позже Ростопчин³⁶⁰. После Бородинского сражения ситуация изменилась. Даже самым наивным стало ясно, что враг – у ворот. А уверенности в том, что армия будет сражаться под стенами Москвы, не было никакой. Ростопчин в отчаянной попытке успокоить горожан 30 августа написал москвичам воззвание идти к Трёхгорке, сказав при этом С.Н. Глинке: «У нас на трёх горах ничего не будет; но это вразумит наших крестьян, что им делать, когда неприятель займёт Москву»³⁶¹.

Днём 1-го сентября разъярённая толпа, разгромив по дороге несколько питейных заведений, пришла к дому московского главнокомандующего, требуя, чтобы он вёл её биться с врагом. В это время у Ростопчина дома были Верещагин и француз Пьер Мутон. Мутона отпустили, а Верещагина растерзали.

Это означало, что недавно ещё столь популярный главнокомандующий окончательно лишился былого уважения. В городе воцарилась паника: «Трудно описать суматоху и тревогу в Москве, которая

---

³⁵⁸ Дмитриев М.А. Московские элегии. М., 1985. С.296.

³⁵⁹ Там же. С.296.

³⁶⁰ Цит. по: Искюль С.Н. Указ. соч. С.145.

³⁶¹ Цит. по: Искюль С.Н. Указ. соч. С.159.

представляла из себя позорище какого-то переселения», – вспоминал профессор Снегирёв³⁶².

Московский пожар – вот, что окончательно настроило жителей против графа. Споры о том, кто поджёг Москву, ведутся уже 200 лет. И многие указывают на Ростопчина, как на наиболее вероятного «поджигателя»³⁶³. Действительно, оснований для такого суждения более чем достаточно. В контексте нашей темы не столь важно, правда ли, что Ростопчин приказал поджечь город или нет. Важнее то, что решение исключительно благородное (так казалось, когда враг стоял у ворот), вдруг обернулось сплошным разочарованием и озлоблением (когда москвичи вернулись в оставленный французами город и нашли одно большое пепелище).

После пожара граф был вынужден уже не писать афишки, а заниматься огромным кругом текущих вопросов (в первую очередь восстановление города и компенсациями пострадавшим³⁶⁴). Он полностью утратил контроль над ситуацией: по пепелищу ходили толпы мародёров, жители голодали и не верили уже никаким заверениям местных властей (из воспоминаний Е.В. Новосильцевой: «Сердце надрывалось взглянуть на Москву, а ещё тут после чужих воров явились свои. Из соседних сёл приехали крестьяне грабить последнее, входили в дома и всё забирали и накладывали на свои подводы»³⁶⁵). Горожане мирились с ним, но от прежнего восторженного отношения не осталось и следа: «У Ростопчина нет ни одного друга в Москве, и там его каждый день клянут все. Даже народ ненавидит его теперь в такой же степени, как был раньше им возбуждён»³⁶⁶. Сам опальный граф с отвращением думал о москвичах и Москве³⁶⁷, обвиняя сограждан в неблагодарности: «Теперь я вижу совершенно, что я дурак, потому что в 51 год могу думать, что из русских кто-нибудь и что-нибудь может сделать из благодарности»³⁶⁸.

Таким образом, до оставления Москвы Ф.В. Ростопчин пользовался популярностью у москвичей и определённым доверием императора, имея все шансы вернуться в политический истеблишмент. Это, однако, не произошло: после суматохи и неразберихи во время эвакуации и московского пожара популярность Ростопчина стремительно пошла на спад. Народ его проклинал, а император не замечал. Отправленный в конце концов в отставку, граф Ростопчин до конца жизни считал себя

---

³⁶² Там же. С.184.

³⁶³ См.: Искюль С.Н. Указ. соч. С.191-196.

³⁶⁴ Там же. С.276–279.

³⁶⁵ Там же. С.257.

³⁶⁶ Цит. по: Мещерякова А. О. Указ. соч. С.203.

³⁶⁷ Письма графа Ф.В. Ростопчина к А.Ф. Брокеру // Русский архив. 1868. Кн. II. С.1892.

³⁶⁸ Там же. С.1888.

несправедливо обиженным, оставшись в памяти потомков в первую очередь «поджигателем Москвы».

Два года Фёдор Ростопчин был московским главнокомандующим. В этот очень короткий срок в истории города произошло одно из самых страшных бедствий со времён существования старой столицы. Москва после пожара уже существенно отличалась от Москвы допожарной, и это касалось не только и не столько внешнего вида города. Великий пожар стал вехой в жизни столицы. Можно долго спорить и рассуждать, был ли граф Ростопчин именно той фигурой, что нужна была городу в 1812 году. Несомненно одно: деятельность его на посту московского главнокомандующего снискала ему массу сторонников и ещё больше противников. И вряд ли когда-либо будет поставлена точка в спорах об этой противоречивой личности.

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ЗАХОРОНЕНИЯ В.Я. ЖИГАРЕВА В МОСКВЕ

Карнаухов С.С.

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

Статья посвящена актуальной проблеме современности – формированию исторически обусловленных традиций, укрепляющих культурные и религиозные ценности народов Российской Федерации. Автор приводит результаты архивных, биографических, исторических и археологических исследований, которые позволили обобщить имеющиеся сведения о выдающемся московском городском голове XVIII века Василии Яковлевиче Жигареве. Значение жизни и деятельности Василия Жигарева позволяет говорить о необходимости мемориализации места его захоронения с восстановлением надгробного памятника, что может стать основой традиции почитания градоначальников столицы России.

Ключевые слова: Городской голова, традиция, мемориализация, В.Я. Жигарев, москвоведение, история местного самоуправления, некрополитистика.

THE MEMORIALIZATION OF BURIAL V. J. ZHIGAREVA IN MOSCOW

Karnaukhov S.S.

Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

The article covers an acute issue of contemporary world – formation of historically conditioned traditions that encourage development of cultural and religious values of the Russian peoples. The author refers to archival, biographical, historical and archeological researches that combined into a significant piece of data devoted to the outstanding city head – Vasily Y. Zhigarev. Zhigarev's social position and professions efforts were appreciated in his lifetime and allow stating that his grave site must be memorialized. Furthermore it should become the ground to revive the tradition of honoring memory of the city heads of the Russian capital by means of memorializing their grave sites.

Key words: Mayor, tradition, the memorialization, V. I. Zhigarev, Moscow studies, history of local government, the research of the necropolises.

Традиция почитания градоначальников, фиксация мест их захоронения в мемориальных календарях государственных событий муниципального уровня неоспорима с точки зрения воспитательного значения и сохранения культурной памяти народа. Ярким примером может служить история Нью-Йорка, градоначальники которого с 1664 года занимают особое место на исторической карте США и других стран. В честь мэров Нью-Йорка названы улицы, города, написано множество произведений.

Иной представляется ситуация с московскими городскими головами.

Наша страна, в отличии от других государств, переживала сложнейшие исторические события, которые полностью меняли не только форму государственного устройства, но и в корне трансформировали отношение к прошедшим эпохам, и, тем более, к заметным историческим личностям.

Лишь сравнительно недавно, после 1990-х годов, внимание современных исследователей и аналитиков стала привлекать управленческая деятельность московских градоначальников и принципы работы такого сложного по своему устройству и роли муниципального образования как Москва.

Появившиеся в последние годы результаты исследований позволяют уже сегодня приступить к крайне важной практической работе по мемориализации мест захоронения и включению дат рождения и смерти московских градоначальников в перечень ключевых памятных событий столицы. Полученные в результате исследования данные позволяют полагать, что благодаря начатой работе фигуры городских голов станут украшением исторического облика нашей страны, так как многие из них являлись талантливыми государственными деятелями, успешными политиками и меценатами, имевшими в свою эпоху заслуженную известность и авторитет далеко за пределами Российской Империи.

Одним из таких выдающихся деятелей местного самоуправления Москвы был Василий Яковлевич Жигарев.

В.Я. Жигарев родился 10 апреля 1741 года в поселке Кадом Рязанской губернии. Родители Жигарева происходили из купеческой семьи Кадомского уезда, расположенного на берегах р. Мокша (приток р. Оки) в местности исстари известной как поселение нижегородских татар.

Должность Московского городского головы Василий Яковлевич Жигарев занимал с 19 декабря 1794 года по 23 декабря 1797 года.

Важно сразу подчеркнуть, что он был одним из самых незаурядных предпринимателей своего времени, меценатом и общественным

деятелем³⁶⁹.

В 1763 году Жигарев поселился в Москве. В совместном с братом капитале Василий Яковлевич владел крупной оптовой экспортно-импортной компанией, обороты которой обеспечили формирование его собственного состояния. В разные годы Жигарев неоднократно исполнял обязанности таможенного головы в разных городах. В 1770–80-е гг. он носил звание *купчины* (ценовщика) Гостиной сотни – доверенного лица государства в экспортно-импортной торговле.

Жигарев проявил себя в международной торговле проведением в жизнь правительственной экономической и финансовой политики, привлекался на важные административные должности, в том числе служил экспертом (поверенным) в Сибирском приказе. По должности он возглавлял снаряжение крупных караванов, которые обеспечивали доставку в Китай беспощлиных видов товаров. Стоимость товаров в одном из таких государевых караванов уже в конце XVII в. нередко превышала сумму в полмиллиона рублей³⁷⁰. Предметом деятельности братьев Жигаревых и других частных складчиков – участников караванов, было обеспечение доставки товаров различной номенклатуры в один из четырех восточных пограничных пунктов. Братья Жигаревы обеспечивали отправку караванов в поселок Кяхту – самый крупный пограничный пункт на всем протяжении тысячекилометровой границы Российской Империи и Китая.

Жигарев участвовал в проведении кредитно-финансовых операций, в т.ч. по доставке из Китая золотой выручки и драгоценных металлов, поступавших в финансовые ведомства государства в рамках исключительного права на осуществление определенного вида коммерческой деятельности и регалийной системы казенного предпринимательства³⁷¹.

По выборам от московского купечества в 1786-1789 гг. Жигарев утверждался заседателем Совестного суда, получившего новые права в рамках реформы государственного управления, проведенной императрицей Екатериной II.

---

³⁶⁹ Здесь и далее использованы материалы научного исследования Владимира Николаевича Быкова: «Московская власть: должностные лица городского самоуправления. 1768-1918 гг.»

³⁷⁰ Купчина гостиной сотни Спиридон Лянгусов. // «Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года», г.Вятка 1905. Электронный ресурс:
http://ostrog.ucoz.ru/publ/kupchina_gostinoj_sotni_spiridon_ljangusov/13-1-0-87

³⁷¹ Ларина О.Г. Система финансовых прерогатив государства в России второй половины XVII – начала XX веков (историко-правовое исследование) – Автореферат дисс. доктора юридических наук – М., 2011. С.

Жигарев возглавляет многочисленную группу лиц из купеческой среды, сделавших себе имя и состояние на крупномасштабной торговле колониальными товарами и получивших в свое время самый почетный пост в структуре московского городского самоуправления. После него в кресле городского головы побывали еще девять предпринимателей, связанных с импортом чая, среди них – Федор Иванович Кожевников, Алексей Алексеевич Куманин, двое его сыновей и племянник Петр Иванович Куманин, отец и сын Колесовы, Андрей Петрович Шестов – возглавлявшие собственные чайные оптовые компании, Николай Иванович Гучков – юрисконсульт крупной чаоторговой фирмы своего тестя (П.П. Боткина).

Василий Жигарев, находившийся в то время в должности городского головы, вместе с Шестигласной думой и другими органами общественного городского управления участвовали в подготовке московских коронационных торжеств императора Павла I.

Манифест о предстоящем короновании был издан 18 декабря 1796 г.

Церемония назначалась на апрель 1797 г., через 5 месяцев после кончины императрицы Екатерины II. Сам коронационный церемониал был использован властями для обновления и украшения улиц и площадей Москвы. К составлению проектов и проведению строительных работ на коронационных объектах были привлечены крупнейшие российские архитекторы. Работы, проведенные в различных частях Москвы, придали городу праздничный вид, на Тверской улице и Красной площади были установлены трибуны для зрителей.

Городская Шестигласная дума выделила крупные денежные средства на строительство деревянных Триумфальных ворот - одних из шести, запланированных к возведению по маршруту коронационного шествия³⁷². Особая денежная сумма выделялась на изготовление в ювелирной фирме золотого блюда и солонки для церемонии поднесения хлеба-соли.

Жигарев возглавлял депутацию московского купеческого общества и самоуправления, представленную на приеме в Грановитой палате Московского Кремля и принимал участие в коронационном пире. В числе указов, конфирмованных Павлом I в день коронации, было «Установление для орденов российских». Одним из первых лиц, награжденных вновь утвержденным орденом, был Василий Яковлевич Жигарев.

Как и многие состоятельные современники, Жигарев проявлял активность не только в управленческой сфере. В 1798 г. с участием московского губернатора Петра Яковлевича Аршеневского и других

---

³⁷² Ворота были возведены: на Тверской улице у Земляного города, у Тверских ворот, при входе в Китай-город у Воскресенского моста, на Мясницкой улице у Китай-города и у Земляного города, у Елохова моста. Рядом со всеми воротами были назначены встречи официальных лиц.

должностных лиц прошла церемония освящения церкви при здании **Частного народного училища**, учрежденного Приказом общественного призрения на средства Жигарева³⁷³.

В истории становления образования Москвы учреждение народного училища стало одним из первых опытов организации подобных заведений на средства частных лиц.

Здание Частного народного училища, построенного на средства В.Я. Жигарева недалеко от его особняка на Большой Алексеевской, сейчас это улица А. Солженицына, дом 20

Жигарев был одним из жертвователей на церковь Успения на Могильцах (1791–1806). Благодаря финансовым вложениям Василия Жигарева на месте скромной приходской церкви в память пострадавшего за веру святителя Мартина, папы Римского, был заново отстроен храм Мартина Исповедника на Таганке (1793–1806, архитектор Р.Р. Казаков).

Жигареву довелось участвовать в освящении в 1800 г. только двух приделов новой церкви, основной алтарь был освящен митрополитом Платоном в 1806 г., уже без участия храмоздателя.

В 1791 году Василий Яковлевич Жигарев заказал Родиону Казакову постройку новой церкви – святителя Мартина Исповедника. В 1798 году строительство было завершено.

---

³⁷³ Храм свт. Мартина-исповедника Папы Римского (Вознесения Господня) в новой Алексеевской слободе / составители Е.А. Мусорина, С.И. Выстрелков. М. 2012. С. 18.

Огромная ротонда с куполом и бельведером, колонные портики, изящная колокольня – все это, по мнению исследователей, напоминает лондонский собор святого Павла (архитектор Кристофер Рен)³⁷⁴.

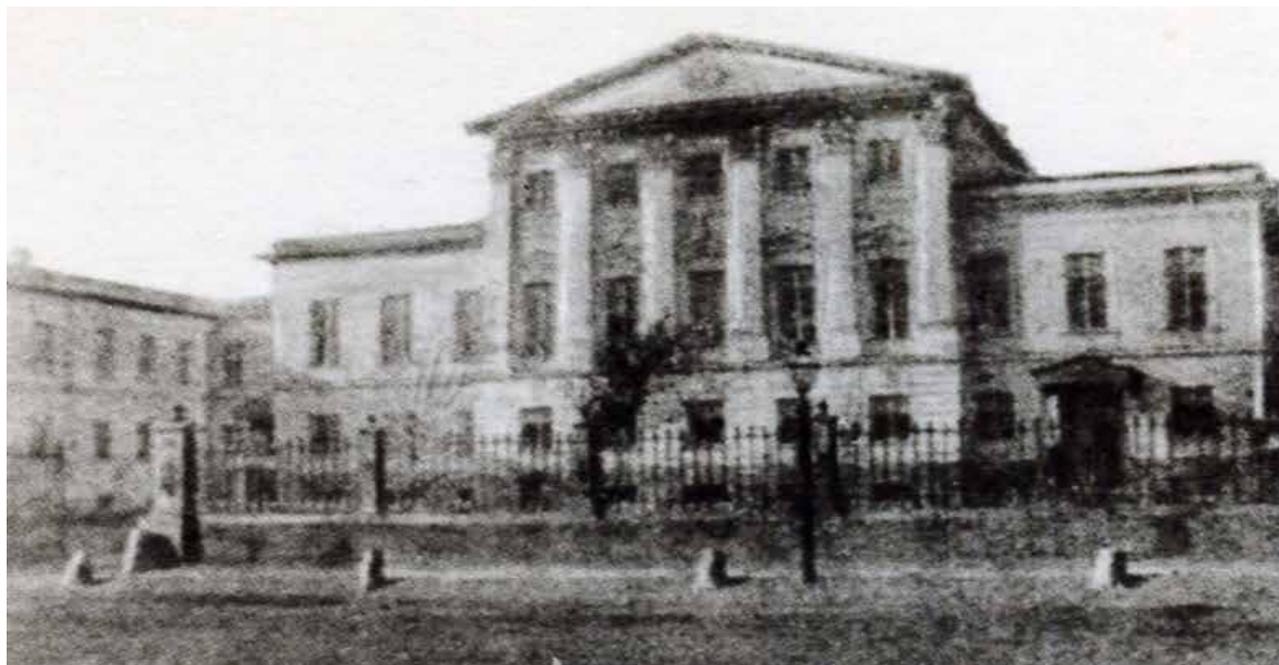
Церковь Святого Мартина Исповедника на Таганке

Сам В.Я. Жигарев проживал на ул. Б. Алексеевская (Рогожская часть) в бывшей дворянской усадьбе, расположенной на одной из семи улиц, лучами расходящихся от площади Таганской заставы Камер-Коллежского вала. Двухэтажный классический особняк (1767, 1795, высказываются предположения об авторстве проекта его перестройки архитектором Р.Р. Казаковым) в 1816 г. был куплен у наследников Жигарева мануфактур-советником С.А. Алексеевым, дядей будущего городского головы А.В. Алексеева.

Примечательна дальнейшая судьба сохранившегося до наших дней здания. Сначала оно было семейной резиденцией золотоканительщиков Алексеевых, а с 1870-х гг. – одним из крупных благотворительных центров, получившим известность как Николаевский дом призрения вдов и сирот купеческого сословия. Проект реконструкции усадьбы разработал архитектор А.С. Каминский, перестройку зданий в 1867-1869 гг. провела Купеческая управа.

---

³⁷⁴ Храм Свт. Мартина Исповедника Папы Римского (Вознесения Господня) в Алексеевской новой слободе. Составители Е.А. Мусорина, С.И. Выстрелков. М.: «Православная Таганка». 2012.

Особняк, в котором проживал В.Я. Жигарев Построен в 1767 году, перестроен в 1791-1795 годах архитектором Р.Р. Казаковым. Москва ул. Александра Солженицына, дом № 29 (фотография 1898 года)

Похоронен В.Я. Жигарев у алтарной стены собора Спасо-Андроникова монастыря. В 1930-е богатое надгробие Жигарева с его барельефным изображением было перенесено в Донской монастырь.

Надгробие. Фото Н.Д. Рудницкой-Моргуновой, 1927 г.

Имеющиеся архивные и исторические материалы, а также чудом сохранившееся надгробие В.Я. Жигарева, позволяют восстановить место его упокоения и с этого начать разработку и реализацию масштабного городского проекта по мемориализации захоронений всех московских градоначальников, внесших значительный вклад в развитие и благоустройство первопрестольного града Российской Империи.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айдашева Галина Андреевна – начальник отдела по просветительской работе государственного бюджетного учреждения культуры города Москвы «Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Коломенское-Измайлово-Люблино».

E-mail: aidasheva_ga@mail.ru

Болдина Елена Григорьевна – первый заместитель директора Государственного бюджетного учреждения города Москвы «Центральный государственный архив города Москвы» (ГБУ «ЦГА Москвы») – главный хранитель фондов.

E-mail: BoldinaEG@mos.ru

Брусиловский Никита Максимович – преподаватель кафедры вспомогательных исторических дисциплин и археологии Историко-архивного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), обозреватель журнала «Историк».

E-mail: brusnik1613@yandex.ru

Быков Владимир Николаевич – директор Центра исследований и изданий по истории Москвы «Владом», кандидат исторических наук

E-mail: vladompress@mail.ru

Жигальцова Лариса Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (МГУ).

E-mail: aliss2466@mail.ru

Карнаухов Сергей Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент Института государственной службы и управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС), глава благотворительного фонда имени К.П. Орловского.

E-mail: sks@bk.ru

Кошман Лидия Васильевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующая лабораторией истории культуры исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (МГУ).

E-mail: culture@hist.msu.ru

Лачаева Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Института истории и политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет» (МПГУ).

E-mail: lachaeva@mail.ru

Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, ординарный профессор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ВШЭ).

E-mail: amedushevsky@mail.ru

Михеева Цыбик Цырендоржиевна – доцент кафедры истории права и государства юридического института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), кандидат юридических наук.

E-mail: mikheeva_tsts@rudn.university

Могилевский Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО).

E-mail melikrat@gmail.com

Писарькова Любовь Федоровна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института российской истории Российской академии наук.

E-mail: iriran@mail.ru

Полещук Константин Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГБУК «Музейное объединение «Музей Москвы».

E-mail: konstantpol@mail.ru

Соловьёв Ян Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области Московского государственного областного университета.

E-mail: solyan@yandex.ru

Тарасова Светлана Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин и истории права Государственного автономного образовательного учреждения высшего

образования «Московский городской университет управления
Правительства Москвы».

E-mail: tarasova-73@list.ru

Черникова Татьяна Васильевна – доктор исторических наук,
доцент, профессор кафедры Всемирной и отечественной истории
Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования «Московский государственный институт
международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации» (МГИМО).

E-mail: tchernikova1961@mail.ru

Шевырёв Александр Павлович – кандидат исторических наук,
доцент исторического факультета Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(МГУ)

E-mail: london7579@yandex.ru

Материалы научно-практической конференции
«Московская городская Дума. 1785-1862 гг.
От Екатерины II до Александра II»

**МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА. 1785-1862 ГГ.
ОТ ЕКАТЕРИНЫ II ДО АЛЕКСАНДРА II**

Материалы научно-практической конференции

Подписано в печать 31.08.2018

Тираж 300 экз.

Оригинал-макет подготовлен
Аппаратом Московской городской Думы
127994, г. Москва, Страстной бульвар 15/29 стр.1

ПАРЛАМЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

E:mail: lib@duma.mos.ru

